
СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Валерий Богушев
(г. Воронеж)

СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ Рассказ

Окончил Воронежский политехнический институт. Работал в геологоразведочной экспедиции на Крайнем Севере в Якутии, служил в Советской Армии, разрабатывал новые модели электромеханотроники. Автор трех книг рассказов и повестей — «Хозяин Вселенной» (2000 г.), «Парус на солнце» (2011 г.) и «Провинциальные записки» (2018 г.). Член Союза писателей России, наш давнишний автор.

Проехав сто пятьдесят километров на восток от Воронежа, в одиннадцать утра я был уже в Эртиле. На автостанции узнал из расписания, что ничего не изменилось с тех пор, как попал сюда семнадцать лет назад, и ближайший автобус на Козловку ожидается только вечером.

Не спеша прошелся мимо закрытого здания музея по освещенным прохладным осенним солнцем улицам до рынка. Оживленная огороженная площадь напоминала ярмарку или восточный базар. Ларьки, торговые палатки, павильоны и магазины с продовольствием, одеждой, обувью, хозтоварами. Глаза разбегаются от невзрачного китайского ширпотреба.

Перекусил в пирожковой. Увидел на стоянке небольшую иномарку эффектного бордового цвета и направился к ней. За рулем мужик примерно моих лет.

— До Козловки довезете?

Сговорились за тысячу рублей с заездом в Платоновку и Дубровку, плюс двести пятьдесят за час стоянки. Пришлось дать задаток пятьсот рублей.

Познакомились. Таксиста звали Иван Васильевич.

Приятно общаться с умным человеком твоего возраста. Иван Васильевич рассказал, как во время учебы в Воронежском политехе влюбился в однокурсницу и собирався на ней жениться. Но после института вернулся в Эртиль, и потерял следы возлюбленной. Говорили, что она вышла замуж и переехала в Ямное — большое село рядом с Воронежем. Через несколько лет отправился туда, хотел разыскать. Обошел множество улиц и домов, но безуспешно.

— Может, оно и к лучшему? — спрашиваю. — Что бы вы ей могли сказать нового, или она вам? Тем более, что оба уже были не свободны.

— Нет, — не согласился Иван Васильевич. — Нам было что сказать друг другу.

— А сейчас?

— И сейчас есть.

Я с уважением посмотрел на него...

За разговором проскочили поворот на Платоновку. Развернулись. Проехали Тамбовку, около Платоновки асфальт закончился. Предложил Ивану Васильевичу подождать меня у начала пруда, но он на большой скорости продолжил путь по грунтовой неровной дороге вдоль берега. Высокая трава цепляла за днище автомобиля. Миновали плотину и въехали на косогор, где располагалось поросшее зеленым мурожиком кладбище. Нашел по памяти могилу прадеда с низким железным крестом...

На обратном пути показал Ивану Васильевичу, где стоял дом моего предка по материнской линии и где росла когда-то лозина. Улица, или точнее, ряд домов тянулся вдоль большого пустынного пруда, вызвавшего у таксиста неопишуемый восторг.

— Какая красота! Куплю здесь дом, заведу гусей.

Затем вернулись на трассу и через сто метров свернули на Дубровку. Проехали здание школы и сельской администрации.

— Куда едем? — спросил водитель.

Я и сам не знал и попросил остановиться в тени берез возле забора детского сада. Настала моя очередь восхищаться. Село состояло из аккуратных, утопающих в зелени садов домиков, с правильной планировкой улиц на ровной поверхности без низин и бугров. Сразу за селом начиналась роща. Сделал несколько снимков. Сколько раз ездил из Козловки на велосипеде ловить рыбу в Кресты за семь верст и не мог еще пару километров одолеть из любопытства, чтобы взглянуть, как живут соседи. А ведь неплохое место выбрали, духоподъемное!

Когда-то во время лютого военного голода моя мать — ей было лет одиннадцать — с младшей сестрой ходили пешком с салазками, взятыми у кого-то напрокат, в Дубровку к дальней родне. Побывали в двух домах. Их спрашивали:

— Чьи будете?

— Поли Гавриловой.

Рассказали, что отец пропал без вести на фронте. Их покормили. В обоих домах дали неслыханное богатство — по котелке жмыха... Времени с тех пор утекло много. Хотелось разыскать если не тех добрых родственников, то хотя бы детей их или внуков. Но навряд ли это можно было сделать быстро, и я попросил Ивана Васильевича подбросить до красивого здания церкви на окраине села.

Храм был отстроен недавно из белого кирпича и напоминал готовящуюся к старту ракету, готовую взмыть в синие-пресиние небеса. Зашел внутрь. Службы не было. Привезли крестить младенца, и вокруг этого события происходило волнующее оживление.

Проехали по деревне. Посреди одной из улиц уходящий вдаль красивый пруд с берегами, поросшими камышом. По улице бредут группами ребяташки с портфелями, возвращающиеся из школы...

После Дубровки отправились в Козловку. Попросил остановить на окраине села, расплатился и распрощался с общительным таксистом. Пешком пошел по такой знакомой и словно сильно уменьшившейся Московской улице.

Проулок у дома, где прошло детство, распахали, осталась лишь тропинка, так что я даже проскочил мимо. Бабушкин двор не узнать. Новые постройки и ульи на пригородчике. Зашел в соседний дом в гости к Вере — дочери Петра Никитовича и тети Нюры. Больше никого в Козловке из родни и знакомых не осталось в живых. Поговорили, повспоминали.

Отправился на кладбище, но как ни ходил, не нашел ни одной могилы знакомых и дорогих мне людей. Может быть, они просто так и остались в том ушедшем времени и той реальности...

Зашел в храм в центре села. Внутри пусто. У девушки в церковной лавке рас-

спросил расписание проходящих автобусов на Русаново. Она отвечала вежливо и обстоятельно. До ближайшей маршрутки из Воронежа оставалось полтора часа, и я отправился прогуляться к Елани. До нее было рукой подать. Вот блеснуло среди кленов желтоватое зеркало высвеченной солнцем воды под бетонным пешеходным мостиком, и внутри сладко заныло.

Река словно зарылась в землю, текла среди обрывистых берегов, поросших бурьяном и кленовыми зарослями. Вдоль берега тянулась тропинка к показавшимся за речным изгибом избам. Хотелось с кем-нибудь поговорить, но вокруг было пустынно. И тут увидел бредущего навстречу старика в пальто.

Пожилой мужчина сел в траву у берега реки, свесив ноги с обрыва. Когда я подошел, начал, кряхтя, подниматься и отряхиваться.

— Рыба тут водится? — спрашиваю, чтобы завести разговор.

— Водится.

— А какая? — удивился я.

— Всякая.

Что-то не припомнил рыбалки на Елани в детстве. Если и водилось что — только селявки.

— А где же теперь купаются? Раньше на этом месте пляж был песчаный.

— Нету.

— Река обмелела?

— Ага. Бывало, на Елани рыбаки сидели через каждые сто метров, а теперь никого... Жизнь интересная штука. Мне уже восемьдесят лет. Вот иду от дочери. Купила куру, а у нее кожа красная, отдала мне. Говорит: «Смотри, отравишься». Я отвечаю, что в голод дохлую лошадь ел — не отравился. Лебеду ели.

— Наслышан. У меня тут мать жила. Тоже голодала в войну, — я назвал имя и фамилию. — Не слышали? Немного старше ваших лет. Может, в школе вместе учились?

— Не помню такой.

— А Виктора Павловича? Его все знали. Масло бил из семечек. На Московской улице жил.

— Не слыхал. Я плотником работал — все время по окрестным селам мотался. Строили дома — в Дубровке, Платоновке, Кисельном. На велосипеде на работу ездил. Любил педали крутить. Жизнь интересная штука...

Мы распрощались на развилке — он побрел по тропинке вверх к школе, а я зашагал вдоль реки к церкви.

Снова зашел в храм.

— Как зовут батюшку? — спрашиваю в церковной лавке у той же вежливой девушки.

— Отец Алексей.

— А где же старый батюшка?

— Отец Иван? Он по возрасту вышел за штат и организовал свой скит в Александровке.

До маршрутки оставалось еще четверть часа. Побродил по кленовой рощице перед сельской библиотекой, в которой когда-то на летних каникулах брал книги для внеклассного чтения. Оригинальная надпись на потрескавшейся табличке: «Муниципальное учреждение культуры «Козловский культурно-оздоровительный центр». Козловская сельская библиотека». На двери «культурно-оздоровительного центра» замок — выходной день.

Книгу «Чернозем» Гавриила Троепольского о жизни деревни 20—30-х годов впервые читал здесь, еще не зная, что прототипом села Козинки, частенько упоминавшегося в романе, послужила Козловка, куда молодой Троепольский, учительствовавший неподалеку, в Питиме, навдывался по делам. Судя по событиям, описанным

в книге, и по воспоминаниям родни, тяжелое и опасное выпало время молодости моим бабке и деду — революция, продразверстка, гражданская война, усугубленная антоновским восстанием, охватившим и Козловский уезд, со страшной жесткостью с обеих сторон, потом коллективизация и раскулачивание односельчан, репрессии тридцатых, под которые попадали и простые колхозники, и председатели колхозов. А следом еще война и голод...

В павильоне автобусной остановки появился худощавый подросток, извлек из тайника за скамейкой сигарету со спичками и закурил. К нему подошел крошечный котенок. Хулиганистого вида мальчик погладил его. Я достал из сумки кусочек сыра, котенок с жадностью набросился на угощение.

Подоспевшая маршрутка из Воронежа подбросила меня до Русановской церкви, той самой, где меня в младенчестве крестили. Но службы не было, на воротах висел замок. Обойдя вокруг красивой деревянной церкви, окруженной деревьями, побрел вдоль асфальтированного шоссе в сторону Жердевки, где был забронирован номер в гостинице. Миновал мост через Савалу, сделал несколько снимков извилистой реки, луга и начинающегося вдалеке Савальского леса.

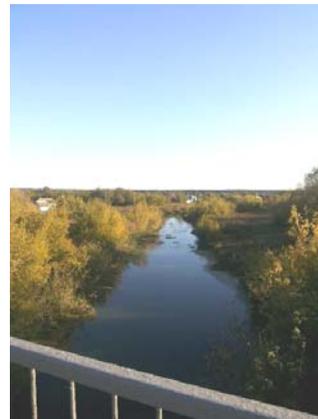
Дорогой не отпускало чувство, что этим же путем хаживали в молодости пешком по разным делам в райцентр Терновку за двадцать семь километров мои бабка Пелагея Васильевна и дед Егор Григорьевич, которого я никогда не видел — он пропал без вести под Ленинградом в сорок третьем. По рассказу бабки, однажды их остановили в лесу разбойники. Спросили, не идет ли кто следом. Егор не растерялся и сказал, что они обогнали целый обоз. Бандиты не решились их тронуть и скрылись в лесной чаще, приняв во внимание, наверное, еще и внушительный вид тридцатилетнего богатыря, побеждавшего всех на воскресных кулачных боях в Козловке.

Река Елань в Козловке

Русановская церковь

Река Савала

Мать рассказывала, что до войны Егор Григорьевич одно время занимался извозом, и в их избе останавливались его приятели, перевозившие товары и пассажиров в удаленные от железнодорожных станций селения. Гости спали на полу или на полатах, постелив солому и укрывшись овчинными тулупами. Однажды на ночлег остановился молодой художник и на глазах у обступивших со всех сторон пятерых детей хозяина нарисовал на белой бумаге паровоз. Паровоз вышел как настоящий — с трубой, из которой валил дым и огромными блестящими железными колесами, из-под которых вырывались струи пара. Все были в восторге. Рисунок поместили в самодельную рамку и повесили на стену.

В Подчернецком (район Козловки) жила сводная сестра моей бабушки бабка Наталья. Прокалывала девочкам уши под серьги иглой с суровой ниткой. Сын ее в

начале тридцатых годов отслужил в армии, вернулся в село, женился, родился сын. Мать до войны и во времена голодного военного детства любила ходить к ней в гости, играть на печи в карты с ней и ее внуком. Бабка Наталья угощала всякий раз то горстью подсолнечных зернышек в карман, то сладкими кубиками вяленой сахарной свеклы.

Как только началась Отечественная война и объявили всеобщую мобилизацию, главу семьи забрали в учебную часть под Борисоглебском, а в августе родился шестой ребенок в семье — сын. Осенью, узнав из письма, что мужа отправляют на фронт, Пелагея Васильевна оставила новорожденного сына сестре мужа тетке Аксютке, которая в ту пору тоже кормила грудью своего ребенка, и отправилась прощаться. Маршрут воинской части проходил недалеко от Козловки. Старшей дочери отец передал на память брошь и красивую декоративную звездочку с булавкой на платье.

Некоторое время спустя через село проходило на фронт другое воинское подразделение. На ночлег солдат распределяли по хатам. Моя мать запомнила троих солдат-украинцев, остановившихся в их избе...

Нахлынули и собственные козловские воспоминания.

В неспешной летней сельской жизни в детстве большим событием было появление старьевщика. Ветхий дед ехал на телеге и тянул нараспев:

— Тре-е-е-епки.

Что означало «тряпки» — основной предмет его промысла.

Со всех дворов к нему устремлялась ребятня. Старик останавливал лошадь и открывал заветный сундучок с драгоценностями — глиняными расписными свистульками в виде соловья, сладкими петушками на палочке в целлофановой обертке, леской, наборами крючков и готовыми снастями со свинцовым грузиком и ярким поплавком на леске, намотанной на серую пластмассовую планку, железными автоматическими пистолетами в комплекте с пистонными лентами, разноцветными шарами. Старьевщик забирал принесенное детворой тряпье, взвешивал на безмене, бросал в телегу с деревянными бортами и объявлял, какую вещицу можно выбрать.

Вспомнилось, как отец троюродного брата Миши Виктор Павлович (дядя Витя) приезжал с жатвы затемно на комбайне, бросал охапку спутанных гороховых плетей на крыльцо и мы, ребяташки, обрывали стручки и либо шелушили горох пальцами или зубами, либо, если он был недоспелый, жевали сладковатые сочные стручки-лопатки.

Вот еще ощущения и воспоминания, которые вызывают у меня всякий раз невольный трепет: запах свежескошенной травы, вкус недозревших семечек из скрученной головки подсолнуха; вкус паслена, растущего у края огорода; горьковато-сладкий вкус только что вырезанного свистка из ветки лозины.

Горечь придавала кора, которую сначала отбивали рукояткой ножа и снимали с блестящей влажной сердцевины, а затем надевали на обструганную в нужных местах острым лезвием древесину.

Щекотная вибрация на губах от гуделки-дудочки, сделанной из стручка желтой акации с вычищенными изнутри зернышками.

Звонкий, как выстрел, звук при ударе о землю кнута с нахвостнем на конце — плетеной косичкой из конского волоса, который иногда удавалось вырвать у лошади из хвоста.

Устоявшаяся за лето привычка говорить на местном диалекте: корова не забодает, а забрухает, не крапива, а кострыка, не вьюнок, а повилика, не тучи, а наволочь, не буханка, а коврига, не ржаной, а аржаной. Играли не в прятки, а в кулочки...

Дорога шла вдоль соснового леса к Терновке. Вот, наконец, и крутой поворот на Жердевку, до которой, судя по указателю, оставалось девять километров. Солнце уже садилось. Пришлось остановить проезжавшие мимо белые «Жигули», чтобы попасть

к месту ночлега до темноты. В салоне молодая семейная пара. Сел на заднее сиденье. На большой скорости проскочили Есипово и въехали в Жердевку. Попросил парня показать, где располагался маслозавод, на который ездил подрабатывать мой дед. С любопытством и нарастающим волнением смотрел во все стороны, словно внезапно переместился в прошлое на машине времени.

Меня подбросили до автобусной остановки. От предложенных денег наотрез отказались.

С любопытством и настороженностью всматривался в вежливые суровые лица потомков эсеровских повстанцев. Расспросил у мужиков на шиномонтаже, как добраться до гостиницы. Рейсового автобуса ждать не стал, узнав, что пешком напрямки быстрее.

И вот сижу в уютном номере гостиницы в одном из центров Антоновского мятежа. За окном чудесный вид на мост через Савалу и ночной город. Похоже, я единственный постоялец. Приняв теплый душ, пью фирменное моршанское пиво с тамбовским сыром, общаюсь в соцсети с двумя молодыми поэтическими дарованиями, непонятно какими судьбами расцветшими в ближайшей к Козловке округе, удаленной от Воронежа почти на двести километров. Наверяд ли я когда-либо с ними увижусь, но почему-то приятно сознавать, что обе талантливы, что им вообще пришлось в голову писать стихи, и что мы почти земляки... Одна из них пожаловалась, что работа в провинции убивает вдохновение, и стихи случаются редко.

* * *

А через месяц в конце октября я волею судеб оказался на Средиземноморском побережье Турции. В эту пору уже не жарко, но еще можно загорать и купаться. Проехал с туристической группой тысячу километров, меняя отели и города.

Вообще-то я всегда считал себя патриотом, и любил наши моря — Балтийское, Азовское и особенно Черное. Но теперь, оставшись патриотом, осознал, в чем прелесть заграничного сервиса, на которую клюнули многие соотечественники. Я всегда не понимал и ревновал их предпочтение чужим странам особенно остро оттого, что сам из-за нехватки средств не мог проверить: в самом ли деле там так хорошо? И оказалось — точно, очень хорошо! Роскошные интерьеры отелей, невообразимое разнообразие блюд, щиплющее глаза горько-соленое море непривычного темно-синего цвета, экскурсии на комфортабельных автобусах по ровным, как стекло, асфальтированным дорогам, пальмы, гранатовые и апельсиновые сады, поражающие разнообразием ювелирные, меховые и ковровые центры, наконец, «восьмое чудо света» — ослепительно белые, словно в снегу, горные склоны Памуккале с его геотермальными минеральными источниками...

Но, по прошествии времени, мне сдается, что поездка в отдаленную заповедную глубинку на родину предков произвела более захватывающее, незабываемое и берущее за душу впечатление, чем экзотический заграничный вояж.

Сергей Антонов
(г. Крайсчерч, Новая Зеландия)

МАМА МЫЛА РАМУ

Родился в 1973 в Свердловске. Закончил журфак Уральского госуниверситета. Работал журналистом на ТВ и в прессе. В 2002 году вступил в Российский союз журналистов. В 2003 переехал в Новую Зеландию. Живет в Крайсчерче. Главный редактор литературно-художественного журнала «Южный остров».

Ветер сквозил под потолком через огромную дыру в стене, валяжно проплывал по комнате, перебирая скрипучие, висящие серпантинном, полуотвалившиеся полосы обоев, и, наконец, разбежавшись, уносился через окно. Собачий холод. Днем тусклое солнышко все же разгоняется иногда до плюс десяти. Но при таком промозглом ветре это не помогает согреться. Гадский климат, но март еще не самый паршивый месяц в Грозном.

Сашка сидел на чем-то грязном, в выцветших желто-зеленых разводах бушлате, брошенном прямо на кучу битого кирпича, вывалившегося внутрь квартиры. Разложив на колене наклейки — вкладыши от жвачки, старательно обклеивал ими цевье Калашникова. И был так сосредоточен, так серьезен в этой детской забаве, что Варька невольно засмеялся:

— Серьезная коллекция у тебя! Только, смотрю, нет никакой тематической линии, все подряд лепишь. Даже «Барби»!

— Да. Трофейный аппарат.

— Девчонка? — Варька даже перестал улыбаться, словно его безмятежность дала трещину, куда стало стремительно улетучиваться хорошее настроение.

— Наверняка, — равнодушно ответил Сашка и, оглядев розовые наклейки, добавил. — Школьница совсем, если судить по картинкам.

— Наверняка? — Варька подошел поближе. — Я думал, это твой личный трофей. Боевой.

— Да нет, — заулыбался Сашка, — я его у казаков на четыре гранаты выменял.

— А девчонка?

— Не знаю. Отстань! — Сашка встал и, ухватив автомат за ствол, поволок его к пыльной груде какой-то старой рухляди. Маленький, щуплый блондин в мешковатом камуфляже больше всего смахивал на старшеклассника на уроке НВП.

— Как ты думаешь, почему тебя Шварценеггером прозвали? — спросил его Варька, с трудом сдерживая улыбку, — может, того, погорячились?

— У меня воля очень сильная, — обернулся Сашка, — как у Шварца кулаки. Я всего в жизни добиваюсь, чего хочу. Школу закончил, железнодорожный техникум, из армии старшим сержантом пришел. В «контору» устроился работать, это тебе не в кочегарку наняться. А я всегда мечтал быть чекистом, как мой дядя Паша — вот, смотри, чего уже достиг.

— А курить который раз бросаешь? — съязвил Варька. — Шестой за этот месяц?

— Считай, что бросил, последняя сигарка в пачке осталась. Слушай, дай-ка мне пилу,— он мотнул головой в дальний угол комнаты,— где-то там валялась.

Варька проследил за его взглядом и среди мелких, в щепку, обломков деревянного ящика заметил колючее, в ржавых чешуйках полотно ножовки, хищно скалившееся в потолок, словно копченая крокодилия челюсть,— на, держи.

Сашка закурил и, не оборачиваясь, протянул руку за пилой. Потом, прижав автомат коленом к исцарапанному грязному журнальному столику, начал осторожно отпиливать приклад.

— Зачем? — почему-то совсем не удивившись, спросил Варька.

— Модернизирую,— ответил Сашка сдавленным голосом, продолжая усердно пилить, стараясь увернуться и шурясь от попадающего в глаза дыма сигареты,— куда я с таким веслом. Был АК, стал АКМ.

— На хрена он тебе вообще сдался? — вздохнул Варька.— Что тебе, казенных стволов не хватает? Или тебе особый кайф — из трофея кого-нибудь завалить?

— Можно и так сказать,— Сашка выпрямился и с облегчением выплюнул сигарету,— у этого калибр больно хороший — 7,62 — любой броник прошибает на раз. И, снова склонившись над ножовкой, прогрызшей уже половину приклада, добавил:

— Вещь старинная, цены немалой, бабкино наследство.

— Скорее, внучкино. Девку-то видел?

— Какую девку? Школьницу? Нет, не видел. Если жива осталась после допроса — увезли уже, наверно.

— Отпустят?

— Да с хренов ли? Казаки никого не отпускают, по крайней мере, просто так. А тебе-то что за дело?

— Ну, так, интересно.

Сашка выпрямился, отбросил в сторону обрезок облезлого, с остатками лака на прожилках, приклада и сказал с улыбкой:

— Бабы у тебя давно не было, Варька. Вот и все. Интересно ему! Найди себе коханочку и успокойся.

— Где, здесь?

— Не дай бог! Я тебе не про здесь, но про сейчас. Напиши кому-нибудь, позвони — обнови отношения, и служба веселей пойдет. У меня дома, в Благовещенске, знаешь, сколько баб было? Хочешь, поделюсь, познакомлю?

— Не знаю даже. Да ну, у вас там одни китаезы. Слушай, а будешь у казаков — узнай про школьницу, ладно? — Варька развалился на пыльном грязно-белом кожаном диване, сложив ноги на рваный подлокотник.

— А сам?

— Не-е, не люблю я этих ряженных. Дикошарые они какие-то. Никогда не знаешь, где с ними в разговоре нарвешься. И понеслось: «Да ты сам хуже чечена! Ты родину не любишь, тот хоть за нее свою кровь проливает, а ты — за бабки паршивые! Знаешь, что Грозный казаки основали — это наш город!» И за пистик хватается.

— Это да,— согласился Сашка,— дикошарость у них в чести. Вдумчивых и спокойных не любят, те дома остались, а эти... добровольцы, одно слово — «мамбеты». Но я с ними без проблем, отлично лажу.

— Ушами отрезанными не хвастаются? Скальпами с ними не меняешься?

— Да пошел ты, я хоть не быкую перед каждым дураком. Особенно, если он вооружен.

Сашка вставил магазин в новую игрушку Калашникова и передернул затвор.

— Короче, я до витру отлучусь на пять минут. Ты бумагой случайно не богат?

Варька кивнул на россыпь книг под висящей на одном гвозде книжной полкой:

— Воспользуйся местной библиотекой, своих читателей, думаю, она уже безвозвратно потеряла.

Сашка, не глядя, взял с пола первую попавшуюся книжку и, вырвав из середины пачку листов, взглянул на первый и по слогам прочитал:

— Ма-ма мы-ла ра-му, — и немного сконфужено добавил, — ну, это им точно уже не пригодится. Можно пользоваться.

— Если тебе не запахло родным букварем задницу подтирать — пользуйся, — усмехнулся Варька.

— Умеешь ты, блин, — разозлился Сашка, — создать настроение. Мне что, Коран искать, если пострать приспичило? Или таблицы Брадиса? Ты давай, смотри тут за двоих, пока я буду временно беззащитен и уязвим.

— На толчке с автоматом? Да ты на любой шорох палить начинаешь, — крикнул ему вдогонку Варька, — чем ниже штаны, тем выше инстинкт самосохранения.

Варька лежал еще несколько секунд, молча глядя в потолок, перевернулся на бок и с неохотой встал с дивана. Отряхивая с боков серую пыль, пересел на край стола и пододвинулся поближе к разбитому окну, спрятавшись за грязно-желтой шторой.

В городе до сих пор беспокойно, порой как неожиданно вспыхивают, так и обрываются короткие ожесточенные перестрелки. А пейзаж почти везде одинаков — серые, словно поседевшие от горя, покореженные здания, стыдливо припорошившие пылью следы пожаров. Прореженная стена дома напротив напоминала зубы неудачливого боксера. Но, несмотря на обманчивую необитаемость, жизнь ни на минуту не прекращается в этих, кажущихся брошенными, лабиринтах квартир, подъездов, дворов незнакомого, чужого и страшного города.

Порыв ветра опять принес тот запах, ставший уже постоянным ароматом этого проклятого места. Горечь пожара, приправленная кислоткой пороха со сладковатым привкусом мертвечины. К нему сначала, кажется, невозможно привыкнуть, но спустя время, уже по ту сторону Кавказских гор, от него сложно отвязаться. Так начинает пахнуть твой двор, твоя комната, твой шкаф. И, даже садясь в до последней царапины знакомый автобус, ты продолжаешь чувствовать аромат этого «чешского коктейля». Словно случайно притащил за пазухой в родной мирный дом бациллу беды — крупицу всех тех ужасов, пережитых сотнями незнакомых людей. Их крики и предсмертные судороги, их боль и отчаяние растворились в воздухе без следа, но запах, вобравший в себя энергетику сотен, тысяч смертей, запах этот никуда не делся. Позже он ослабевает и, вытесненный свежим порывом новой жизни, потихоньку улетучится. Но унесет с собой и острую волнительную пряность, сделав жизнь проще, обыденнее и преснее.

— Варька! — крикнул из другой комнаты Сашка. — Живой? Снимаемся, скоро на сутки заступать.

* * *

Самая тоска накрывала по вечерам. Комендантская служба в управе ФСБ неслужная, отстоял сутки — двое свободен. Отоспался, а дальше — пустота. Варишься в кубрике общежития вместе с другими такими же бедолагами. Пять этажей бывшей гостиницы забиты командированными чекистами, от полковника до сержанта — все вперемешку. Ну, выпьешь, ну, пульку распишешь, видик посмотришь. Днем еще можно упасть кому-нибудь на хвост, в город с операми съездить, а вечером и носа не высунешь за дверь. Зато всегда было тепло, даже жарко — хоть форточек практически и не закрывали.

Варька лежал на своем втором ярусе поверх одеяла, задрал ноги на серую железную спинку кровати, и рассеяно изучал облезлый потолок. Синеватые подпалины, белые разводы, выпуклости и впадины — словно разглядывал снежное поле с вертолета. Снега — вот чего ему сейчас очень захотелось, да так сильно, что даже показалось, как с потолка потянуло холодком. Так бы и прыгнул в это поле, нырнул с головой, зарылся лицом в белоснежные барханы снежинок. Никогда не думал, что будет

когда-либо с нежностью вспоминать родную уральскую зиму. Заваленный снегом лес, расчищенная тропинка от дома к бане на даче, пушистые и уютные сугробы у предбанника. Выскочил из бани и рухнул на свежую снежную перину. Первые секунды холода не чувствуешь, мягко и тепло. Но все же при минус двадцати в сугробе долго не поваляешься, и когда бежишь обратно, мокрые ноги уже липнут к деревянному крыльцу. Будто бы зима не хочет отпускать так легко доставшуюся ей добычу, стремясь замедлить, задержать, вернуть обратно и навеки погрести голого человека под снежной целиной.

— Скажи, прапор, а почему ты Варька? — подал голос с нижней койки только вчера заселившийся в общагу лысоватый крепыш из Белгорода, назвавшийся Усохом. А так как Варька не ответил, поднял ноги и начал слегка покачивать верхнюю сетку. — Спишь, что ли? Что за бабское прозвище?

— Варфоломей, — ответил тот в потолок. И, неожиданно оживившись, свесив голову вниз, раздраженно продолжил, — а ты вот что за птица — «Усох»?

Лысый примирительно заулыбался, сел на кровать поудобней, подоткнув под спину подушку и подобрав под себя ноги в белых носках.

— Это еще с Афгана пошло. Хочешь, расскажу? — и, не дожидаясь ответа, продолжил. — Стояли мы в одном кишлаке. Нормально, хорошо стояли, и что главное — население мирное и малочисленное.

И вот в одно прекрасное утро мы вдруг заметили, что люди исчезли. На улице никого, прошлись по домам — пусто. Мы запаниковали, страшно стало — ждали какого-нибудь смертоносного удара по кишлаку. Заняли круговую оборону и сидим. Возвращаются наши разведчики — все колодцы пусты, вода ушла. Слушаешь или опять уснул?

— Слушаю, рассказывай дальше! — Варька перелег на самый край сетки, свесив голову вниз.

— Короче, командир приказал сниматься и уходить, — Усох довольно заулыбался, чувствовалось, что это его любимая история, — но оставил трех человек ждать колонну, которая должна пройти через два дня. Нас было трое: какой-то плюгавый "дедок", «черпак» Миша с Кишинева и я, молодой сержант, только в апреле пришедший из ашхабадской учебки. Оставили нам сухпай, воды на три дня и отчалили. Короче, вся служба свалилась на меня, как ты понимаешь, — врут, что там не было дедовщины. Еще какая была! Спал по три часа в сутки. А колонна не пришла, ни через два дня, ни через три. Воды почти нет, да и еда на исходе. Просыпаюсь как-то на четвертый день, а вокруг тишина — сослуживцы мои сбежали, прихватив всю жратву и оставшуюся воду. А я остался — уходить некуда, да и как пойдешь без воды. И колонну, кстати, дождался, но только на десятый день.

— Как это возможно? — удивился Варька. — Человек больше трех дней без воды не протянет.

— Человек, может, и не протянет, а советский воин — должен. Башка болела без перерыва, язык распух. Под конец уже ничего почти не соображал, да толком и не видел. Отпоили, откормили, оживили. А тех уродов, что меня бросили, так и не нашли — записали пропавшими без вести во время боевой операции. С тех пор меня «Усохом» и прозвали. Нормально, я не возражал, — героическое прозвище. А через полгода после этого случая перебросили меня в Кандагар, в 70-ю бригаду — в самую жопу Афгана, к пакистанской границе...

Вдруг в коридор, с грохотом опрокинув деревянный табурет, с горой автоматных магазинов, ворвался дежурный:

— Сашку Шварценеггера убили, — прокричал он срывающимся голосом. На секунду все замерло вокруг, звуки застыли хрустальной тишиной. А потом все разом зашумели, затопали, заговорили и, повыскакивав из кубриков, ринулись куда-то бежать. Варька, как услышал, так и ухнул вниз, одной рукой держась за край панцир-

ной сетки, намереваясь попасть босыми ногами в тапочки, но попал по Усоху, который тоже, повинувшись стадному инстинкту, вскочил, но, получив по шее Варькиными ногами, завалился обратно на койку.

— Какого Шварценеггера? — растеряно спросил он Варьку, но тот, ничего не замечая вокруг, поскакал к дневальному.

На первом этаже, в фойе седой упитанный прапорщик Володя Берг растерянно смотрел на окруживших его бородатых сослуживцев и, будто отвечая на незаданные вопросы молчащих людей, говорил без умолку, в довольно нелепой, но удивительно подходящей к его бакенбардам и настоящему пенсне манере дореволюционных господ-офицеров:

— Я решительно ничего точно не знаю, господа. Позвонили казаки, да. Сообщили, что вашего Шварценеггера подстрелили. Виноват, господа,— нашего. Только тот вышел с сигаретой на крыльцо, и сразу упал. Пока еще ничего наверняка не известно, давайте сохранять спокойствие. Был всего лишь один звонок от казаков, господа. Решительно не понимаю, как можно ночью курить на улице? Дежурный наряд уже выехал, но пока ничего не сообщали. Прошу вас, господа офицеры, без эксцессов,— и, окинув всех умоляющим взглядом, продолжил,— хотя бы не в мое дежурство.

Варька подумал, что сейчас у него земля под ногами должна расколоться и обрушиться, утягивая его в бездонную пропасть отчаяния. Но ничего этого не произошло. Его лишь охватила глубокая обида на друга. Так глупо, так глупо подставиться. Бросить его одного на этой враждебной земле, среди чужих неприветливых людей. Он так разозлился, что с большим удовольствием вмазал бы Сашке, если бы только мог.

Толпа медленно редела, плотное кольцо людей вокруг Берга таяло, распадаясь на отдельные фигуры, разбредающиеся в разные стороны. Спустя минуту около него остался только Варька.

— Чаю хочешь? — неожиданно спросил его Берг.— С коньяком, а? — И понизив голос, добавил: — С армянским!

Варька молча смотрел на прапорщика, не только не слыша, но и даже не видя его. Тот, потоптавшись несколько секунд, развернулся и почти неслышно ушел.

«Чертова девка,— думал Варька,— вот на кой хрен она мне сдалась? Пусть хоть на ломти ее порубают, вот вообще нисколько не жалко. Это все оттого, что я размяк. Приехал на войну, значит, жалость и сочувствие, если хочешь вернуться назад, должен оставить дома.

Мысли в его голове торопились, натыкались друг на друга, спутывались. Он впал в какое-то странное состояние, словно очутился в параллельной реальности. Вдруг отчетливо услышал, как тикает время, хоть во всем здании не было ни одних настенных часов. Но он внятно, остро до боли, вполне осязаемо почувствовал каждую проскакивающую через его сердце секунду. Свою собственную, неповторимую, но и абсолютно никому не нужную. Она появлялась откуда-то позади сердца, полная предвкушения радости и удовольствия жизни, но проходя через Варькину душу, серела, мрачнела и, разочаровавшись, выскакивая прочь, гасла с презрительным шипением, как уголек, упавший в воду.

* * *

Варька скорее почувствовал и представил, чем услышал, как во двор заехала машина. Короткой очередью хлопнули двери. Несколько человек, позвякивая амуницией и негромко переговариваясь, подошли к подъезду. Для уехавшего на место Сашкиной гибели наряда было слишком рано, хорошо, если до утра управятся. Наверно, вернулись припозднившиеся опера.

Варька не выдержал и, развернувшись, направился прочь по коридору. Он не хотел никого сейчас видеть, чувствовать на себе сочувственные и виноватые взгляды, слышать разнообразные версии гибели друга. Конечно, этого не избежать, но он хотел хотя

бы ненадолго, насколько возможно, оттянуть этот момент. Сашка был для него еще живым, попавшим в какую-то передрыгу, но живым. Хотя прекрасно понимал, что сигарета в ночи — это подарок для снайпера, и после таких выстрелов не выживают.

Он уже был в дальнем конце длинного коридора, когда люди шумно ввалились вовнутрь.

— Варька, Варька! — они нетрезво закричали, видимо, заметив и узнав его уплывающую в полумрак спину. — Пстой!

Тот, наоборот, прибавил шага, но что-то странными ему показались их голоса, не чувствовалось в них ни трагизма, ни даже грусти, лишь какая-то матерно-пьяная разухабистость. Он остановился и, привалившись спиной, принялся разглядывать отвратительно масляно-блестящую поверхность противоположной стены неширокого коридора.

— Да куда ты, постой, — голоса неминуемо приближались. Но Варька даже головы не повернул, так и стоял, уставившись в одну точку. На него накатила какая-то смертельная усталость и равнодушие ко всему на свете такой силы, что, услышав сейчас боевую тревогу, запросто мог бы пробраться в дальний угол и лечь там на куче бушлатов спать.

— Ты чего грустный такой? — спросил Пашка, то ли по прозвищу, то ли по фамилии Воробей, шутя толкнув его в плечо стволом автомата. — У человека день рождения, а ты трезвый?

— У кого, у тебя? — автоматически ответил Варька, даже не услышав своего голоса.

— Во даешь, да у Сашки же Шварценеггера, че, не слышал разве?

Медленные, текущие мысли в голове Варьки вдруг встрепенулись, вздыбились и понеслись, вполне ощутимо сталкиваясь, разбегаясь и снова сталкиваясь, да так больно, что он невольно поморщился. «Еще не знают», — мелькнула первая, «Перепутали, у Сашки — осенью», — подоспела вторая. «Нажрались и пошутили» — с опозданием пришла третья. Остальные бились и вертелись в голове, как соскучившиеся по матери щенята — да так резво, что ни одной не ухватишь.

— Где именинник? — упавшим голосом спросил Варька.

— Не именинник, — поправил его пышущий жаром, потом и алкоголем боец, — а новорожденный. Да вон несут.

Варька повернул голову и увидел двоих, довольно нетвердо стоящих на земле незнакомцев, с двух сторон поддерживающих окровавленного Сашку.

— Ранен, — просипел Варька и сделал два неуклюжих шага в его сторону.

— Нет, — ответил Пашка, — пьян в стельку. Ну и ранен, конечно. Не кетчупом в шашлычной облился. День рождения отмечаем. Второе. Нормально. У меня, например, их трое.

Варька подошел к Сашке, тот даже немного похрапывал, бессильно свесив голову набок.

— Эй, — потрясли его сопровождающие, — слезайте, князь, приехали.

Сашка потряс головой, разгоняя пьяное мутное сновидение, с некоторым усилием оторвался от помощников, выпрямился, сделал несколько неуверенных шагов к Варьке.

— Убить, гады, хотели, — сказал он, счастливо улыбаясь, — но только нос отстрелили. Во, самый кончик, как рубанком сняло. Прикинь, мазины, по сигарете промахнулись.

Варька по-прежнему молча, словно новыми глазами смотрел на Сашку, который на секунду показался ему совсем другим человеком, каким-то чужим бомжеватым стариком, лишь отдаленно напоминающим потерянного друга. Тот рассмеялся и опять превратился в пьяного подростка в окровавленном тельнике, с грязно-белым пластырем на носу, но живого и веселого.

— Идиот,— только и промолвил с облегчением Варька.
— Сам знаю,— трезвея, ответил Сашка,— ты же меня просил к казакам смотаться.
— Идиот,— повторил Варька,— я про сигареты.
— А? Я уже бросил, вот хочешь, обыщи,— и похлопал себя по нагрудным карманам,— в этот раз уже окончательно.
— А что девка-то, узнал? — как можно более безразличным тоном спросил Варька
— Нет, прости. Забыл сначала, а потом не до того стало, сам понимаешь.
— Ладно, проехали,— с облегчением выдохнул Варька, подумав: а может и правда Сашкина жизнь зависела от этой малолетки. Стоило ей нарисоваться где-то на заднем плане — все пошло наперекосяк, а пропала — и жизнь вернулась в прежнее русло.— Пошли проставляться, новорожденный,— толкнул он Сашку в плечо,— народ тебя без водки сейчас просто разорвет.
— Ребята, водка у меня,— встрепенулся заскучивший Воробей и призывно побултыхал десятилитровой алюминиевой канистрой,— и в машине еще канистра кизлярского! — Но, увидев перекошенные отвращением лица вышедших на шум полуодетых сослуживцев, добавил: — ну, коньяк — не основное блюдо, это так, чисто догнаться.

* * *

Уже под утро, когда даже самые жадные до спиртного забылись кратким, но чутким сном, и Варька в одежде и расшнурованных ботинках лежал бревном поперек чьей-то кровати, Сашка с зажатой в кулаке мятой сигаретой, с трудом переставляя ноги, пробрался в туалет. В полутемном сыром помещении было не так душно, хоть и крепко накурено. Он присел на корточки, прислонившись голой спиной к прохладному, грязно-белому кафелю. Попытался выправить мятую сигарету, но только порвал, попробовал склеить слюной, но получилось плохо — руки не слушались, дрожали то ли в нервном, то ли в алкогольном ознобе. Рассердившись, сломал сигарету и, сунув в рот половинку подлиннее, с удовольствием закурил. Обрывки мыслей, чувств, ощущений вертелись в его голове в каком-то непонятном, но ритмичном танце. Он был пьян и вполне счастлив. Смерть прошла совсем рядом, только прихватила своими жаркими пальцами за самый кончик носа, чуть было не утащив с собой. Сашка вдруг увидел себя со стороны: вот он валяется на крыльце с дыркой в голове, на смерть зажав в руке щегольскую зиповскую зажигалку, вот его везут через всю страну домой — цинковый ящик, полный растрясенного за тысячи километров пути тухлого мяса. Увидел рыжую могилу на пустынном кладбище на 17-м километре, увенчанную лакированным крестом, с притаившимся среди цветов, бликующим, как снайперская оптика в зеленке, стаканом, прикрытым ноздреватым куском хлеба.

— Фу! — он помотал головой, пытаясь согнать наваждение. Настолько уж четко все представилось, так правдиво, что стало казаться — это и есть настоящая реальность. А он сам — что-то бестелесное и нематериальное, выброшенное сегодняшним выстрелом из действительности. Последняя искра жизни, блуждающая по коротящим электросхемам умирающего мозга.

Сашка подошел к умывальнику и засунул голову под струю холодной воды. Полегчало. Счастье, укрывавшее его до этого момента теплым уютным одеялом, стало возвращаться. Но что-то не пускало его накрыть Сашкину душу целиком. Словно кто-то держал уголок этого одеяла и даже потихоньку тянул его назад. И тут он вспомнил казачий лагерь и слова высокого рыжеватого парня, нарезавшего сало прямо на столе, среди эмалированных кружек, россыпи патронов и переполненных окурками консервных банок: «Что, ты, милай,— сказал он улыбаясь,— какая девка? Захирка?! Да ее Калинин с Антоном еще вчера закопали...»

Сергей Криворотов
(г. Астрахань)

БЕЛЯШИ
Сельский триллер

Наш постоянный автор.

Два уроженца среднеазиатской республики ставили новый дом председателю поселкового совета. Сам заказчик проживал с семьей в областном центре неподалеку, но после окончания стройки собирался перебраться в родные края. А пока ежедневно навещался на своем белом ауди по председательским делам, заодно проверяя темпы работы и пополняя гастарбайтерам запас продуктов. Залогом добросовестности нанятых шабашников председателю служили отобранные у них на время паспорта. Трудлюбивые, согласные на любую работу южане почти закончили стелить черепичную крышу над вторым этажом строения. По ночам они оставались на стройке уже в качестве сторожей, чтобы никто из местных не польстился на остающиеся материалы. В этой истории они сыграли эпизодичную и малозначимую роль, на их месте мог оказаться любой другой, потому имена и паспортные данные совершенно не важны. Впрочем, вежливости ради и для удобства можно означить их Джамшутом и Равшаном, они не обидятся, тем более не узнают, потому как успели давно покинуть территорию нашей страны.

Рядом со стройкой убого притулилась совершенно не жилого вида деревянная развалюха. Подтверждая дневное впечатление, по ночам за ее наглухо закрытыми ставнями не светило ни одного огонька. Но и засветло строители не замечали ни малейшего движения за покосившимся некрашеным забором из потемневших от времени досок. В мрачном домишке явно давно никто не обитал.

Привозимые заботливым работодателем рыбные консервы, помидоры, огурцы и хлеб из местной пекарни не могли заглушить грезы Джамшута и Равшана о настоящем плове, мастерами по приготовлению которого оба являлись, как и положено настоящим мужчинам их рода и племени.

Такие несбыточные пока мечтания и подвигли обоих однажды с наступлением темноты сигануть через соседскую изгородь. Они уже хорошо знали, что никаких собак, несмотря на видневшуюся рядом с хибарой конуру, на участке не водится, но впервые решились на подобное только этим вечером. В надежде пожить чем-то съедобным на огороде посветили фонарем, чтобы убедиться: там, где в лучшие времена, должно быть, находились грядки, теперь густо поднимались одни сорняки. Никто их давно не выпалывал, не поливал, да и зачем, если ничто полезное здесь точно с весны не высаживалось.

Уже оказавшись на ветхих и скрипучих ступенях крыльца, приятели намеревались поковыряться гвоздем в навесном амбарном замке, когда тот, что пониже ростом, ну, пусть будет Равшан, по какому-то наитию обнаружил под стареньким изодраным половичком великодушно оставленный ключ. Так что внутрь проникли без хлопот, как бы ответив на любезное приглашением отсутствующих жильцов. Чтобы не привлекать внимание случайных любопытных, незваные гости, разумеется, не

собирались включать освещение, да и пробки наверняка были вывернуты неведомыми хозяевами, которых они так и не видели за все время строительства. Для осмотра им вполне хватало того же предусмотрительно прихваченного фонарика.

Никаких следов съедобного или ценного обнаружить не удалось, царившее внутри пыльное запустение окончательно подтверждало: здесь давно никто не живет. Но с самого начала, едва отважные исследователи ступили через порог, ими ощутился неприятный густой запах, будто где-то в комнатах сдохла кошка. Пришлось даже прикрыть носы рукавами рубашек, что, впрочем, мало помогло. По усилению вони нашли торчащую из-под застеленной выцветшим одеялом кровати человеческую ступню. Смердящим источником оказалось черное сохшееся тело человека, мужского пола, если не считать одной единственной старой кроссовки, совершенно голое. Не возникало сомнений, что разложившийся и начавший мумифицироваться покойник пролежал тут не один месяц. Незадачливых следопытов поразило отсутствие мышц и кожи на белеющих костях ног и рук, одного из них, неважно кого по имени, тут же стошнило рядом с останками.

Естественным позывом испуганных гастарбайтеров было немедленно бежать прочь. Между ними возникла яростная словесная перепалка на родном языке, в результате которой верх одержал более разумный и рассудительный Джамшут. Ему удалось убедить товарища не поддаваться панике, чтобы не навлечь гораздо больших неприятностей. Воспользовавшись оставленным для связи дешевым мобильником, они немедленно сообщили о страшной находке работодателю, который в матерных выражениях велел ничего больше не трогать в доме и оставаться на месте до его приезда.

Уже минут через сорок, присоединившись к честной компании, рассерженный председатель поселкового совета вернул пробки и при ярком свете обследовал место возможного преступления. Сообразил, что ругать за излишнюю инициативу не в меру любопытных гастеров, и так напуганных до смерти, сейчас нет смысла. Внушительно втолковал дальнейшие действия для всех и немедленно вызвал полицию.

Прибывшим оперативникам он пояснил, что сам разрешил переночевать наемным рабочим в давно пустующем «бесхозном» доме по соседству. Представил их паспорта и охарактеризовал как старательных и законопослушных работников. И поскольку глава местного совета пользовался у правоохранителей известностью и безусловным авторитетом, вопрос о незаконном вторжении на чужую жилплощадь решили пока не заострять, а сосредоточиться на выяснении обстоятельств возможного убийства. После подписания протокола Джамшута и Равшана отпустили под поручительство их работодателя.

Вспышки фиолетовых маячков на двух полицейских фургонах и яркий свет во дворе внезапно пробудившейся пустовавшей до того хибары привлекли с десяток живущих по-соседству, рядом крутились и подростки. Один из них сумел проникнуть в дом и рассмотреть труп, прежде, чем постороннего обнаружили и вытолкали вон. Зато по его утверждениям, которые немедленно разошлись по поселку, он успел признать в почерневшем высохшем мертвече сына хозяйки брошенного жилья. Он клятвенно уверял, что вместо рук и ног покойного остались одни кости без кожи и мышц с поперечными зарубками от топора или мясницкого ножа, которым их зачищали от мякоти.

Прежняя владелица дома, бабушка Расима, хорошо известная в поселке, много лет проживала одиноко, пока к ней внезапно не вернулась дочь Адия, да не одна, а с десятилетним сыном Зинуром. Эту уже ставшую сорокалетней женщину успели забыть за годы ее отсутствия с молодости, а уж о мальчишке и его отце никто и понятия не имел. Бабуля не шибко обрадовалась прибытию наследничков, ко всему прочему, она давно страдала каким-то психическим расстройством, от которого по нескольку месяцев почти каждый год лечилась в областной психбольнице.

Воссоединенная семья прожила вместе недолго, после очередного срыва помещанную Расиму, выглядевшую гораздо старше своих лет, снова забрали на стацлечение. Оттуда старуху доставили уже холодной и недвижимой, да и то всего на одну ночь перед похоронами. Седобородый самоучка из соседнего села, небескорыстно исполнявший для мусульманских жителей поселка обязанности уже несколько лет отсутствовавшего муллы, как положено, несколько часов читал над ней суры корана. Наутро мужчины отнесли покойницу на кладбище в приготовленную могилу.

Адия осталась одна с мальчишкой, привела в порядок хозяйство, прикупила кур и петуха, вскопала огород, высадила рассаду и даже подыскала себе работу на местной почте. Сын ходил в школу, но учился без охоты и кое-как, завел компанию с местными хулиганами, и часто учителя в воспитательных целях требовали прихода его матери. Тем не менее, он умудрился ни разу не остаться на второй год, скорее всего, педагоги просто не хотели портить из-за него показатели успеваемости, что было совершенно не в их интересах.

В старших классах Зинур уже не только курил дешевые сигареты, но и баловался анашой, чего даже ни от кого не скрывал. Частенько попадал в различные драки, не только в школе и поселке, но даже в соседнем селе.

Как ни странно, сам рыжеволосый паренек выглядел хлипким, вовсе не спортивным юнцом с длинными нескладными руками, все больше сутулившимся по мере роста. Словно именно про него говорилось: «бодливой корове не дали рога». Тем не менее, вовсе не к радости Адии, как выяснилось, обычно он оказывался главным зачинщиком, хотя постоянно ему и перепадало синяков и шишек по справедливости гораздо больше прочих драчунов.

Мать, скрепя сердце, не только давала ему деньги на курево, но и разрешала дымить в доме, надеясь, что благодаря этому подросток станет меньше шататься на стороне со своими непутевыми приятелями.

Уже в классе десятом, когда после очередного выкуренного косячка Зинур завалился на кровать в грязных кроссовках, она не выдержала и принялась отчитывать напрочь распоясавшегося недоросля. И угодила, что называется «под горячую руку», здорово он ей приложил кулаком по глазу, субтильная Адия отлетела на два метра, не сразу поняв, что произошло, только искры из глаз посыпались. Выходит, пригодилась ему против родной матери навыки, усвоенные в драках. Она сообразила: уже никогда ей не справиться с ним, как прежде, и проплакала без сна всю ночь. На любопытные расспросы соседок и почтовых сотрудниц без запинок поясняла потом, будто ударилась в темноте об угол полки на кухне.

На ее беду сынку понравилось показывать таким образом власть над матерью, новые побои не замедлили себя ждать. Иногда ему и никакого предлога не требовалось. Конечно, многие догадывались об истинной причине все новых синяков на лице и руках незамужней односельчанки, к тому же, небеспричинно подозревали, что соседский хулиган уже не ограничивается анашой. Но никто не хотел лезть в чужую жизнь, никому не было до того дела, даже на работе, на почте все делали вид, словно не замечают получаемых несчастной женщиной побоев. За время после возвращения в поселок Адия так ни с кем особо и не сблизилась, держалась особняком, а всех школьных подруг растеряла, кто уехал, кто умер, а кто просто не хотел с ней общаться.

Зинур же нагнул все больше, и теперь требовал у матери денег, уже не только на курево. Потом вовсе перестал утруждать себя обращениями к ней, без лишних слов забирал то, что находил. Однажды, пока Адия была на работе, привел в дом таких же неадекватных приятелей-оторв, вместе передушили всех кур и продали в городе на базаре.

Заявился только следующим вечером, как ни в чем не бывало. Мать снова не смогла выдержать и попыталась криком и затрещинами вразумить отбившееся от рук

чадо. В этот раз он не только свалил ее на пол и разбил в кровь лицо, но и зверски истоптал Адию ногами так, что она несколько дней не могла ходить и отлеживалась дома. Пока выздоравливала, место на почте оказалось занято.

После этого односельчане не раз замечали, как она громко разговаривает сама с собой, бредя по улице, не обращая никакого внимания на окружающее. За несколько километров от поселка находилась городская мусорная свалка и туда Адия ходила теперь каждый день, как на работу, возвращаясь с пластиковыми пакетами, полными просроченных консервов, начавших портиться овощей, фруктов, черствых буханок хлеба.

Конечно, такая «золотая жила» давно оказалась поделена между постоянно там обитавшими и кормившимися с нее завсегдатаями. За нарушение чужой территории запросто могли не только побить, но и жизни лишить. Однако никто не хотел связываться с сумасшедшей, а именно такой она теперь всем представлялась даже при беглом взгляде. Но находились среди них и такие, которые просто жалели вечно понурю Адию.

Непутевому Зинуру удалось все же закончить школу, никакой специальности он так и не получил, нигде не работал, да и не хотел этого. Даже сходить наловить рыбы или раков на ближайшую речку ему было «в лом». Иногда с приятелями сдавали в пункт приема срезанные где-то медные и алюминиевые провода, пустые бутылки, банки из-под пива, даже разбитые ими же крышки с канализационных люков. Разумеется, домой ничего из получаемых за такое «предпринимательство» денег не попадало. При попытке украсть ограды с местного кладбища они были пойманы и жестоко избиты разгневанными родственниками покойных. Было даже заведено уголовное дело, но у одного из шалопаев родной дядя оказался крупной шишкой в полиции, благодаря чему расследование так и не довели до конца.

Новое занятие матери вполне устраивало бессовестного оглоеда, большая часть приносимого ею с мусорки перепала прежде всего ему.

Но как-то в сильно дурном настроении он увидел мать, впервые вернувшуюся с пустыми руками. В этот день свалку огородили колючей проволокой и выставили охрану с помповыми ружьями. Приезжие московские предприниматели выкупили ее у местной администрации и установили свои порядки. Никто теперь без определенной платы не мог зайти на практически бесхозный до того клондайк, тем более, вынести что-то оттуда без разрешения новых хозяев. Адию даже близко к колючке не подпустили.

Разумеется, сынок этого еще не знал, но виноватый вид пришибленной родительницы, посмевавшей ничего не принести в дом, взбесил его до крайности. Затравленный токсинами и без того неправильно работавший мозг подсказал ему единственное решение. Безо всяких предисловий одним ударом сбил ее с ног и так же молча с остервенением принялся мутузить ногами уже недвижимое тело, пока сам не выдохся. К этому времени она уже перестала ойкать и валялась на полу без сознания. Трясушимися руками юный негодяй подобрал завалившийся под стол засохший бычок сигареты и прикурил от недавно принесенной матерью дешевой зажигалки.

Когда она пришла в себя, то по резкой боли в груди догадалась, что на этот раз сломаны ребра. За окнами сгустилась темнота. Едва не убивший собственную мать сынок храпел, уткнувшись в грязную подушку без наволочки. Не зажигая света, она постояла у кровати, слушая мерзкие звуки, мучительно размышляя, как поступить дальше. Потом, преодолевая боль, осторожно дотащилась до сеней, засветила лампочку, отыскала давно затупленный, тронутый ржавчиной топор.

Как заведенный автомат, вернулась к постели когда-то рожденного ею единственного ненаглядного малыша, незаметно выросшего и превратившегося в готового ни за что убить ее же саму зверя. Падавшего от входной двери света оказалось достаточно. Не примериваясь, она резко хрястнула обухом точно по ставшему ненавистным затыл-

ку, вложив в удар последние силы. Не сразу поняла, что раздавшийся короткий вскрик, вырвался из ее собственного горла, сам же мучитель не успел проронить ни звука, только подушка под его головой быстро потемнела, пропитавшись кровью.

Утром, стараясь не обращать внимания на невыносимо без перерыва нывшие ребра, Адия туго перевязала под фланелевым халатом грудь свернутой простыней и занялась генеральной уборкой. Всякий раз, выходя во двор вешать постиранное белье, напевала вслух что-то задорное. Такой веселой соседки ее никогда еще не видели. Позже, управившись по дому, сходила в частный магазин на соседней улице и на чудо утаенную от сына заначку накупила муки, дрожжей, масла и литровый пакет дешевого крепленого вина. Придя домой замесила тесто, стиснув зубы от непрекращающейся боли, поменяла пустой газовый баллон на запасный и заодно занялась чисткой посуды и плиты.

В последующие дни ее можно было встретить со старой хозяйственной сумкой на конечной остановке маршрутных такси за километр от дома или ковчегавшей по ведущей туда асфальтной полосе. У пересечения с основной трассой, на пятачке возле застывших между рейсами пассажирских газелей она бойко предлагала перекусить тут же охотно соглашавшимся водителям.

Там же, на обочине уходящего к областному центру шоссе стояло построенное несколькими годами раньше одноэтажное здание закусочной. В небольшом помещении с несколькими столиками можно было поесть горячего не только шоферам, но и всем проезжавшим мимо, а то и посидеть, просто укрыться от непогоды, посмотреть экран телевизора на стене. К услугам тех, кому не требовалось садиться за руль, всегда имелась дешевая водка и разливное пиво. Но с недавних пор забегаловка закрылась, входную дверь крест-накрест забили досками. Хозяин-предприниматель безвылазно увяз в долгах и банковских кредитах, не покрываемых недостаточной выручкой. Судебные приставы основательно вычистили внутреннее убранство, вплоть до настенного телевизора. Водителей навсегда лишили удобного пристанища для передышки между рейсами.

Некоторые местные жительницы тут же проявили инициативу и прямо под открытым небом у заколоченного входа в закусочную начали бойко предлагать завтраки и обеды домашнего приготовления. Теперь перекус шоферам приходилось чаще устраивать прямо в кбинах маршруток, но и это было лучше, чем ничего.

Появлению новой конкурентки успешные освоить эти услуги вовсе не обрадовались, тем более, приносимые ею беляши сбивали цену и шли на ура. Большинству водителей они пришлись по вкусу и разбирались в первую очередь. За день Адия совершала два-три выхода с неизменным успехом. На любопытство товарок не имевшая собственной скотины новая предпринимательница неохотно делилась, что покупает мясо на рынке в городе, а частью по дешевке у знакомых в соседнем селе, только что забивших свою корову.

При неизбежных расспросах об исчезновении мозолившего прежде всем глаза непутевого сынка она оживлялась и с видимой готовностью подробно излагала свои семейные новости. Наконец-то ему повезло, нашел хорошую разведенную женщину, аж из самого Лимана, на сто километров южнее, правда, немного постарше себя и с ребенком. «Подженился» и подался чабановать с ней на Черные Земли. А сама Адия собирается к ним в гости, вот и решила немного подработать на пирожках.

Ее предпринимательская деятельность продолжалась с неделю-другую, а затем и она внезапно исчезла, не простившись ни с кем из соседей, с которыми и до того почти не общалась. Про ее отсутствие узнали по наглухо закрытым целыми днями и больше никогда не открываемым по утрам ставням.

Все это живо припомнилось после страшной находки в доме горемычной женщины. Кто-то слышал о ее единственной родственнице, проживавшей в городке в десятке километров к северу от областного центра.

Полицейские обнаружили ее там без труда, Адия и не думала скрываться, даже сразу призналась в совершенном. Охотно и многословно отвечала на все вопросы, словом, сотрудничала со следствием, если ее большей частью бессвязные речи можно было так назвать.

Убившую собственного сына отправили на психиатрическую экспертизу в закрытый стационар, после которой в нем и оставили для лечения. Месяца через три Адия в той больнице и умерла, не дотянув до окончания следствия и суда. Патологоанатом обнаружил «острую сердечную недостаточность».

Как только водители маршруток, не раз покупавшие у нее беляши, узнавали, каким фаршем она пользовалась, желудок каждого из них, даже спустя столько времени, немедленно и произвольно выворачивало наружу. Все как один перестали покупать завтраки и обеды на конечной остановке, и здешним хозяйкам пришлось свернуть свое предпринимательство.

Джамшут и Равшан закончили до наступления холодов внутреннюю отделку дома, вместе с оговоренной платой получили назад паспорта и довольные уехали на родину к своим семьям. Как ни приглашал радушный председатель поселкового совета вернуться на следующий год для новых свершений, они искренно надеялись больше никогда не приезжать именно в эти края. Разве мало в огромной России других мест, где найдется применение для их умелых рук!

Яков Шафран
(г. Тула)

ЧУДО, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

В этот светлый, мягкий майский день сочно и молодо зеленела растительность, ясным взором голубело глубоко прозрачное — только кое-где с легкой в вышине дымкой облачков — небо и солнце ласково глядело на землю и на нежные, курчавившиеся барашки белых облаков над горизонтом, между которыми виднелась синева. Вдали, над полями, вернее, над тем, что раньше ими было, над солнечной далью молодой травы, струился легкий пар. Потому ели за полем будто вибрировали и, казалось, как дети, стараясь быть выше, своими сине-зелеными макушками тянулись ввысь к небу, к солнцу. Все было наполнено юной свежестью, вибрациями юной энергии, только что появившейся на свет жизни.

Но вот солнце зашло за невесть откуда появившееся, шаловливо набежавшее небольшое облако, и все цвета стали гуще и мягче. В этот момент и шоссе повернуло, и взору открылся большой пруд, который окаймляли хвойные деревья. Вновь выглянувшее солнце, словно кокетливо глядясь в зеркало, ярким блеском отразилось на его ровной водной глади. А дальше за прудом начались богатые дачи, за высокими и надменными оградами которых, подобны молоденьким девушкам, охраняемым заботливым отцом, цвели яблоневоы сады, кусты белой и всех оттенков лиловой пышной, грузно свисающей сирени, тонко-сладкий аромат которой через открытое окошко обильно проникал в салон автомобиля.

На заднем сиденье, понурившись, держа руку на животе и постоянно пытаюсь хоть немного изменить положение тела,— как это делают испытывающие сильную боль люди,— сидел человек и взглядывал на всю эту, пронесившуюся мимо него и слева и справа, красу. Однако по выражению лица было видно, что она не радовала его. И действительно, плохое настроение не оставляло Ивана Ивановича Степанова все последние дни, да и было от чего. Мысли его неуклонно возвращались к тому, что, возможно, предстояло в недалеком будущем.

Степанов был человеком не то что обеспеченным, а, прямо скажем, богатым. Автосалоны, оптовки и склады в нескольких подмосковных городах хоть и жили своей, когда-то заведенной жизнью под управлением «смотрящих», и давали его семье по нынешним временам большой доход, но требовали неустанного внимания самого хозяина. Доход-то, конечно, если сравнивать с прошлым, которое он захватил своею юностью и молодостью, и вовсе космический. Жена и дети довольны, как сыр в масле катаются. В этом пенять на судьбу и печалиться Иван Иванович не мог. Правда, не все вспоминать — каким образом он пришел к такому достоянию,— он любил и научился вытеснять из своего сознания многие прошлые дела, думая только о будущих прибылях. Ведь, как известно, чем больше хозяйство, тем больше вопросов по нему возникает — то одно, то другое нужно решать, единолично и оперативно. Коллективного руководства он не признавал, замов не имел, Валентину к своему большому хозяйству никогда не привлекал — потому она в нем ничего не смыслит, а теперь и

некогда учить,— все решал сам. Для всего этого же нужно хорошее здоровье, много здоровья, оно и всегда нужно было, но сейчас, когда затраты и расходы по тем или иным причинам растут, проверок становится все больше и наезды все чаще, и подавно. А тут эта неотступная болезнь совсем некстати. Да и когда болезни кстати?..

До сих пор у Степанова никаких проблем с самочувствием не возникало. Каждое утро он в любую погоду под открытым небом и легко одетым не менее тридцати минут делал энергичную физзарядку — на работе вечером еще и на тренажере занимался,— бегал трусцой по живописным окрестностям своего трехэтажного дома-дворца и плавал в холодной, из водопровода, двенадцатиградусной воде в домашнем бассейне. Вполне достаточно для человека пятидесяти пяти лет. И с женой, Валентиной, полноправной хозяйкой всей усадьбы — она и оформлена на нее,— у него все хорошо, та живет в свое удовольствие, радуется его физической форме и молится на своего благодетеля, освободившего ее от труда зарабатывать на жизнь, в отличие от школьной подруги — работающей, правда, на фирме своего мужа. Да и в интимном плане у них, как говорится, на все сто, тоже нормально, дай бог так и дальше. Дети — сын и дочь — воспитаны, устроены, обеспечены, забот не доставляют, гордятся своим богатым отцом — современным спортивным мужчиной и часто наезжают, радуя родителей, в их родовое поместье. И отдыха ему вполне хватало: на рыбалку ездил с друзьями, но без жены, на весь день, а то и ночь прихватывали — хорошо поспать на природе — отдохнуть от рабочей и домашней, хоть и приятной, но суеты; в московский театр на премьеру — но уже по семейной традиции с Валентиной; пару раз в неделю — к любовнице, Оксане, которую он также полностью содержал, но в соседнем городке (жена, слава богу, не знает); в баньку корпоративную с «друзьями-капиталистами» попариться с березовыми веничками да с девочками... Все как было заведено и шло по накатанной колее. Правда тут заморочка одна возникла — мода пошла,— стали коллеги-бизнесмены возводить кто храм, кто церквушку, кто часовенку и обихаживать их, как детей своих, как будто у них ни жен, ни детей, ни любовниц нет — каждый, конечно, по средствам. Ну, бог им в помощь, как говорится, но и ему видно придется заняться этим, иначе «со свету сживут», а на это нужно время и траты денежные... Да и здоровье...

А тут с некоторых пор какая-то ненормальная жизнь началась у него, ничто не радует — вот хоть и эти красоты пейзажа... Боль в верхней части живота последние две недели измучила его донельзя, не отпускает ни на минуту и отдает во все стороны, уж не до дома с усадьбой, не до любовных усад и походов на стороне, не до бани, не до работы и спектаклей, не до физкультуры с рыбалкой. Язва?.. Рак?.. Что ждет его? И что будет с его бизнесом, кому он достанется? — Дети ведь тоже не приспособлены к нему... Была у него лет пятнадцать тому назад язва желудка со всеми побочными явлениями, но удалось залечить все... Думал опять из-за нервных перегрузок началось, Валентина покупала и заставляла его пить те лекарства, которые помогли тогда, потом новые, более современные, меняла их на другие, однако... Сын и дочь пока, правда, ничего не знают. А болит, все болит, будто зверь какой когтистой лапой вцепился в его нутро, тянет и не отпускает, тащит его в темную неизвестность, где нет и никогда не будет ничего родного, такого привычного... Иван Иванович снова глотнул коньяк из бутылки, которую, уже наполовину пустую, держит в руке. На первых секундах снимает, но после опять начинает болеть.

Глухая, темная тоска прочно поселилась в душе у него в последнее время. Валентина, друзья и сотрудники заметили, как он сильно осунулся, пожелтел, глаза запали. Оксана из соседнего городка все звонит на запасной сотовый, переживает, что давно не приезжал, скучает. Жена вспоминала проявления язвы его тогда, пятнадцать лет назад — говорит, многое напоминает, однако он чувствует, что никакого сравнения. Кроме сильной боли и симптомы-то все нехорошие в своей совокупности: сильная утомляемость, слабость, бессонница ночью и сонливость днем, нежелание есть, час-

тая тошнота и уплотнения в подмышках — наводили на мысли. И никакого отдыха нет ему ни днем, ни ночью, никакого отвлечения и расслабления...

Тяжелые и назойливые мысли эти, бередя душу, а также твердое настояние Валентины, привели Степанова к врачу, пользовавшемуся у них в городе хорошей репутацией, на консультацию. А тот, сложив, умножив-перемножив все услышанное от Ивана Ивановича и увиденное своими глазами, подтвердив опасения жены, порекомендовал провести обследование в онкоцентре на Каширке, чтобы исключить самое опасное, что может быть, добавив: «Ведь вам средства позволяют». При этом уголки губ его чуть заметно дернулись.

Да, средства Степанову позволяли, и вот он, бросив, наконец, все дела, не сказав ничего детям — так они решили с Валентиной, — заранее оговорив все вопросы с врачом Центра по телефону, едет туда. Что то будет?..

В Москве Иван Иванович, зная, что процесс будет долгим, но, не желая для обследования ложиться, на время снял квартиру — у Курского вокзала ему приглянулась интеллигентная женщина с табличкой — и отпустил машину. С утрачка он, без сна промаявшись всю ночь, натошак, — да и какая тут еда, — направился в Центр.

Побывав на приеме у врача, и оплатив все, Степанов получил кучу направлений — одной только крови четыре анализа, плюс еще анализ мочи, исследование образца тканей и установление — доброкачественная или злокачественная опухоль, рентген, эндоскопия, УЗИ и иммунодиагностика. Все это должно было занять, как ему объяснили, некоторое время. Он понимал, что «некоторое» — это понятие растяжимое и, зная, что не все сразу делается, везде и как мог применял известный «ускоритель», и принялся ждать, терпеливо сдавая анализы, перезваниваясь с Валентиной и Оксаной, сообщая им — жене подробно, любовнице кратко — обо всех этапах своего «скорбного пути», будучи готовым на все...

И вот настал день «икс», когда Иван Иванович, собравшись с духом, пришел узнать результат. У кабинета, как водится, была очередь — живая или нет, он не знал — не стал интересоваться, ибо не привык сидеть в очередях. И, несмотря на сильную слабость, не изменяя своей привычке, не сел рядом с другими, а встал в коридоре вдали от двери, но так, чтобы видеть ее. И когда дверь в очередной раз недовольно скрипнула и медсестра вышла из кабинета, он кивком головы подозвал ее, уже достаточно знавшему его щедрость, к себе, улыбаясь, встав вплотную к ней, положил кочто в нагрудный кармашек ее халата и прошептал: «Проведите меня». Через некоторое время, когда врач освободился, его вызвали, и он на глазах у покорно и понуро опустивших головы людей из очереди решительно вошел в кабинет.

Врач, медленно перебирая бумажки, время от времени коротко взглядывая на Степанова из-под кустистых бровей и что-то бормоча себе под нос, долго и внимательно изучал результаты обследования. Но вердикт его был краток — опухоль желудка, и динамично растущая... Нужно ложиться в стационар и проходить химио- и лучевую терапию. Первая, как ему объяснили, заключалась в лечении с помощью специальных сильных лекарств, направленных на уничтожение зловредных, избравших себе иную жизнь, клеток. Вторая — в лечении с помощью радиационного излучения, убивающего переродившиеся клетки. Ну, а если не поможет, то либо удаление всего желудка, близлежащих лимфоузлов и прочих органов, которые поражены болезнью, либо паллиативное лечение — то есть терапия, поддерживающая жизнь, устраняющая сложные проявления раковой болезни и обеспечивающая подходящее питание, одним словом, все, что нужно, — до благополучного ухода в мир иной... Конечно, врач так не сказал, но Иван Иванович понял.

— Вы сказали, что возможно удаление всего желудка. А разве человек может жить без него? — спросил он.

— В этом случае функцию желудка берет на себя кишечник. Правда, качество вашей жизни после резекции желудка станет намного хуже: придется соблюдать строжайшую диету, есть часто и небольшими порциями. Но жить можно,— ответил врач.

Степанов хорошего результата от обследования и не ожидал,— факты говорили не в его пользу,— поэтому отнесся к приговору не сказать спокойно — все опустилось у него внутри,— но молча, мысленно начиная готовиться к этапу, какой по длительности Бог даст, борьбы за продление какой-никакой жизни. Он во всех смыслах от души поблагодарил врача, договорился о стационаре и, испросив непродолжительный отпуск — передать дела, проститься на всякий случай с близкими и друзьями, а также собраться,— закупил ампулы с обезболивающим «по средствам» и вызвал машину.

На пути в свой городок Иван Иванович увидел церковь, стоявшую на берегу реки, рядом с постаревшим и вконец обнищавшим селом. В этой церкви он когда-то, лет десять тому назад, был на отпевании матери своего ближайшего сотрудника, проживавшей в своем стареньком домике в этом селе. Как сейчас перед глазами возникла панихида, гроб, скорбные лица, запоздалые слезы на лице сына... У него возникло желание зайти, и он попросил водителя остановиться.

Служба, видимо, недавно закончилась, ибо то тут, то там у икон стояли люди, и сильно пахло ладаном. Священник у аналоя разговаривал с прихожанкой. Степанов встал в стороне, делая вид, что тоже хочет поговорить. Он не был верующим в общепринятом смысле этого слова, в храм не ходил, не постился и не молился, но в жизни было несколько случаев, когда он мог убедиться, что Бог есть. И Иван Иванович, понимая, что Богу все подвластно, но будучи неуверенным, что лично ему, недостойному, Он захочет помочь, все же испытывал слабую надежду на такую помощь. Когда женщина отошла, он неуверенной походкой подошел к священнику.

— Что вы хотели, сын мой? — спросил тот.

— Я очень болен, батюшка, но верю, что все во власти Божьей. Что вы посоветуете, чтобы исцелиться?

— Это хорошо, что верите. А совет прост: молитесь, любите людей и делайте добро, не думая о результате.

— И все?

— А что, разве этого мало?

— Благодарю вас, отец,— сказал Иван Иванович и, поклонившись, пошел к выходу. «Неужели все так просто, или священник просто отговорился, чтобы не терять время и силы на такого безнадежного, как я»,— думал он, вытаскивая из бумажника крупную купюру денег и опуская ее в емкость для жертвоприношений у двери.

Священник улыбнулся на его поспешный выход из храма и перекрестил вослед широким крестом.

Дома Степанов, завершив все запланированные дела, после укола, сделанного медсестрой, и после легкой еды под давлением жены, лежал и мысленно готовился к грядущему лечению. «Господи, помоги мне исцелиться!» — вдруг взмолился он, чего раньше никогда ничего подобного не делал. Может быть, посещение церкви и разговор со священником так повлиял на него? Однако тяжелые мысли вновь вязко закрутились вокруг одного и того же, затягивая, как в омут, его сознание, и быстро утомляли его. Чтобы отвлечься, он взял смартфон и вошел в Интернет. А там, в ленте новостей, чего только нет: и политические сплетни, и экономические слухи, и аномальной погодой пугают, и «светские» события, и убийства с самоубийствами, и наркотики с порнографией... и все это оголтелой толпой накинuloсь на его и без того нездоровое сознание. Голова буквально раскалывалась, и он уже хотел выключить гаджет, но внимание привлекла фотография маленького мальчика — что-то было необычное в выражении его лица: какая-то неизбывная тоска в глазах и старческая

улыбка, будто он что-то важное потерял в жизни, еще и не начав жить. Иван Иванович, сам теряющий жизнь, нажал курсором на фото и начал читать открывшийся текст. Оказалось, что Никита, которому всего чуть больше года, очень болен. У него редкое и сложное генетическое заболевание... «Так, все понятно!» — возмущенно подумал Степанов. Он вспомнил, как копил копейки в своем детстве и потом, на собранные деньги, покупал себе простенькую игрушку, которую родители не в силах были купить, так как они в семье с четырьмя детьми и престарелыми бабушкой и дедушкой жили очень бедно. И эта игрушка становилась его другом на долгое время. А тут... Попрошайничество! И еще неизвестно: мальчик ли там больной, или замаскировавшиеся мошенники!

Иван Иванович делает движение, чтобы выключить смартфон. Но обращает внимание на то, что новость о больном мальчике поместил православный сайт «Азбука веры». Он нажал на ссылку, и ему открылся материал: «Образование — это раскрытие в человеке черт образа Божьего». Степанов стал вчитываться в материал, но читать не мог, так как ему необоримо хотелось спать. Он начал бороться со сном, буквы сделались расплывчатыми, превратились в туманные образы, и он, вглядевшись, уже различает отца и мать, дедушку с бабушкой, брата и сестер. Они все сгрудились у его постели. Он давно и очень болен, но, слава Богу, удалось по программе помощи малоимущим семьям положить его в Детский онкоцентр. Однако недавно все врачи и медсестры уволились оттуда из-за низких зарплат, и его снова привезли домой. И вот родные в горе, они не знают, что делать. Остается только лечение за границей — другого выхода нет, но это очень дорого, для семьи непосильно. Что делать?!..

Степанов проснулся от стука в дверь. Стук не повторился. Он понимает, что никто стучать в дверь не мог, так как, во-первых, она не могла быть заперта — не было замка, — и во-вторых, жена или медсестра могли просто войти к нему, спящему, без стука. Иван Иванович снова впадает в дремоту и видит: бесшумно открылась дверь, и в комнату вошел священник, подошел к его постели, и лицо его откуда-то до боли было знакомо ему. Священник протягивает руку, чтобы взять лежащий на постели смартфон... Но все расплывается перед глазами Степанова...

Будучи еще во власти сна, с трудом входя в реальность, Иван Иванович, наконец, вспоминает все: и себя, и новость о больном мальчике Никите с таким странным лицом.

«Однако всякое бывает... Может, я и ошибаюсь...», — думает Иван Иванович. Ведь когда студентом он разбил дорогой микроскоп в лаборатории, сейчас уже не упомнит какой, хотя память до сих пор была отменная, и обратился ко всем, к кому мог, за помощью, то вся группа, родители, родственники и друзья собирали деньги...

Он включает смартфон, находит информацию о мальчике и читает: «Спинальная мышечная атрофия, при которой сначала отказывают ноги, потом спина, шея и внутренние органы. И уже совсем скоро он может потерять возможность управлять собственным телом. Сейчас он не может самостоятельно передвигаться. А в ближайшем будущем возникнут еще и проблемы с глотанием и дыханием. С подобным недугом дети обычно не доживают до школьного возраста. Помочь ему могут только за границей, в Германии, в частной клинике... (следует название клиники). Сумма для лечения баснословна — сорок пять миллионов рублей. Такие деньги родители мальчика собрать не могут, она для них просто неподъемная, даже если продадут все имущество...» Иван Иванович просмотрел видеобращение матери мальчика, в котором она сквозь душевную боль, плача, говорит: «Мы очень просим всех неравнодушных, милосердных людей помочь нам! Мы уже смогли, благодаря вам, собрать десять процентов от общей суммы. Помогите!» И далее, как обычно, следовали реквизиты...

После некоторого колебания Степанов — «А... все равно с собой не заберешь!», — заполнив в своем мобильном банке перевод со своего счета, нажав на «Ок», отправляет всю требуемую сумму на лечение мальчика... и снова засыпает.

Спал Иван Иванович на этот раз без сновидений — как провалился в сладкую пучину безвременья. Разбудила его мысль, что пора делать укол. Посмотрел на часы на стене, где секундная стрелка, как всегда, бездумно и бесчувственно бежала по кругу, — и понял, что проснулся на два часа позже назначенного времени. Сел на постели, и уже после этого поразился тому, с какой легкостью он это сделал — боли не было! Лег — сел, и так несколько раз, но все было в норме. Зверь, цепко державший его плоть в своих когтях, куда-то исчез. «Может, мне сделали укол во сне? — подумал. — Однако я бы почувствовал...».

Открылась дверь, и в комнату робко, видимо, боясь разбудить, вошли жена и медсестра. Увидев Степанова сидящим, они переглянулись, а Валентина, показав кивком головы на часы, сказала:

— Ваня, уже давно пора делать укол, но ты так сладко спал, что мы не решились тебя будить.

— Валя, но у меня ничего не болит!

— Как не болит?! — одновременно удивленно, радостно и с сомнением воскликнула жена.

— Вот так, не болит и все! И укол делать не нужно, сестра.

Валентина раздвинула шторы на окне, и в комнату яркими лучами заглянуло июньское солнце.

Медсестра, явно не веря услышанному и увиденному, пожала плечами и вышла. Жена села на край постели и взяла его руку в свою. В глазах ее стояли слезы, но внутренне она не знала — плакать ей или улыбаться, ибо по рассказам знакомых знала, что перед самым концом больной может на некоторое время как бы выздороветь...

Степанов и сам не верил, что боль не вернется. Но ни вечером, ни ночью, ни утром — не было боли! Он решился, надел спортивную форму — почувствовал, как она стала свободно сидеть на нем, — и вышел на пробежку. Трусит, «нарисовал» привычную «восьмерку» вокруг усадьбы, — правда, один раз, на большее сил не хватило, — вернулся — боли нет.

Когда Иван Иванович зашел в комнату Валентины, та стояла перед иконой. Зная, что жена не любит, когда ей мешают, он, было, вышел. Однако звук открываемой двери все же отвлек ее и она, думавшая о нем и ожидавшая его возвращения, обернулась.

— Как ты, Иван?

— Вообще не болит! Даже не знаю, что и думать...

— Поезжай к лечащему врачу, покажись, пусть назначит всестороннее обследование — с этим шутить нельзя!

И вот Степанов, приехавший в родной город проститься с родными, друзьями и сотрудниками, снова едет в Москву. И если путь домой показался ему нескончаемо длинным, то сейчас он, мысленно подгоняя мелькавшие за окошком автомобиля виды, с замиранием сердца, как на крыльях летел до Каширского шоссе и до самого Центра.

Боли нет. Врач потрясен и направляет его на полное обследование. И снова Иван Иванович получает на руки кипу направлений, снимает квартиру и, всякий раз замирая душой перед сдачей анализа или процедурой, окунается в тот же процесс, который он проходил недавно. Только тогда над ним довлело чувство обреченности, а сейчас им двигала с каждым днем, с каждым часом, словно чайка, витая над голубой речкой, как в далеком детстве, все возрастающая надежда.

И вот, наконец, Степанов идет к врачу за результатом. Он неотрывно глядит в его глаза, пока тот внимательно читает бумажку за бумажкой. Вот прочитано все, врач берет ручку. Иван Иванович напряженно ждет вердикт. В этот момент в окно кабинета заглядывает солнечный луч, врач жмурится, поворачивается влево навстречу

солнцу и, улыбаясь, снимает очки, одновременно двумя пальцами свободной руки массируя виски.

— Ну что, Иван Иванович — только зарубцевавшаяся язва. Химиотерапия, лучевая терапия и удаление не требуются. Необходимо только домашнее восстановительное лечение. Не верится...— Он показал на бумаги с результатами.— Но факты говорят сами за себя. Удачи вам!

Однако для верности, не уезжая из Москвы, Степанов решил провериться еще в другом медицинском центре. Он снова, как и ранее, прошел полное обследование по всем направлениям. Результат был тот же — все в норме.

Иван Иванович входит в Интернет, на тот сайт, где читал объявление о Никите, находит информацию о нем. Мальчик уже в Германии, идет лечение, прогноз хороший. Мельком просматривает комментарии, они из всех городов и весей страны и полны изумления и восхищения. Он не заикливается на них, а обращает внимание на новое объявление, набранное крупным шрифтом, что мать Никиты разместила на сайте, в котором просит назваться того человека, кто перечислил такую огромную сумму, просит сообщить свои координаты, чтобы выразить благодарность и сообщить о нем людям. Степанов улыбнулся, почувствовал теплоту в сердце, но решил ничего о себе не сообщать...

Закончив все дела в Москве, Иван Иванович едет домой. Погода стоит скверная, природа буквально плачет, что, в общем-то, не свойственно июню месяцу, хоть и в конце его. Серое небо тяжело повисло над грустной землей. Не видно уж былой синевы, не чувствуется былой юной свежести и прежних вибраций юной энергии. Пруд за поворотом своей зеркальной гладью отражает ту же небесную серость и словно с укором глядит ввысь. Поскучнели и поникли яблоневые ветви и кисти сирени за оградой дач. Смотрит Степанов на этот неожиданно возникший летом осенний пейзаж, а на душе, несмотря на непогоду,— радость. Это была, конечно, радость здоровья, радость исцеления, божественного исцеления, исцеления Свыше — он это понимал, хотя полубогословное сознание еще не вполне воспринимало это,— но была и большая радость от содеянного добра, бескорыстного доброго поступка, бескорыстного еще и потому, что ни на мгновение в его душе не возникло сожаление о потраченных им для больного ребенка деньгах.

Все друзья и сотрудники, жена и дети, когда Степанов вернулся домой из Москвы, в один голос, говорили — это чудо! Он же отвечал всем: «Нет, никакого чуда здесь нет, просто я дороже всех заплатил за лечение!»

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ЧЕРЕМУХОВЫЕ РАССВЕТЫ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Майскими погожими днями, когда уже вовсю припекало солнце и черемуха укрывалась звездными узорами цветов, Роман собирал рюкзак и в выходной день уезжал на свою полянку, на которую наткнулся, когда бродил со спиннингом по берегу реки в поисках щуки. Наткнулся на это место, посидел на крупном валуне, посматривая на излучину реки, на густые заросли черемухи, что обступили полянку с трех сторон, на старицу, впадающую в реку, и слушал далекий перекат и соловьиные трели со всех сторон. Послушал и остался с ночевкой. И каждый год, когда распускалась черемуха, он собирал рюкзак и торопился на берег реки, чтобы встретить черемуховый рассвет. А зимой долгими вечерами вспоминал, как в предрассветных сумерках заливались соловьи, стараясь перепеть друг друга. И розовело небо, мелькал первый луч солнца и пробежал по водной глади, а он сидел на берегу и наблюдал за черемуховым буйством, за метелью из лепестков, что кружились над поляной и над ним, а вокруг был такой запах цветов, что, казалось, протяни руку и прикоснешься к нему — этому черемуховому рассвету...

На остановке толпился народ. У всех корзины и сумки, а у некоторых лопаты и грабли. Видать, на зиму забирают, а по весне снова привозят. Дачный сезон открыли, едва сошел снег, и все заторопились вырваться из этого каменного муравейника, который осточертел за долгую зиму. Все отправлялись на дачи, чтобы повозиться в земле, сделать грядки и высадить всякую зелень. Да еще нужно с кустами повозиться, подрезать сухие ветки, побелить яблоньки и груши, а придет время, посадить помидоры с огурцами. И так каждый день, каждую неделю, месяц за месяцем, пока не завершится дачный сезон...

Автобус бряцал дверками на остановках, некоторые дачники выходили, другие заходили, и у каждого была поклажа. В окно ворвался ветерок, и сразу сладковато запахло придорожной пылью. Роман стоял на задней площадке. Вполуха слушал автобусные нескончаемые разговоры ни о чем, смотрел на дорогу, на многочисленные дачи, мимо которых проезжали, на дачников, которые уже копошились на своих участках, и провожал взглядом, если попадалась цветущая черемуха. Вся белая и нарядная, а запах от нее...

Поворот, а за ним мелькнула остановка, и чуть погода автобус заскрипел рессорами и остановился. Пассажиры заторопились. Подхватывали поклажу, спускались по ступеням и, шумно переговариваясь, словно ручейки-живчики растеклись по многочисленным улочкам и переулкам, на ходу осматривая покосившиеся заборы, замечали сухие ветви на кустах и деревьях, а там мусор откуда-то занесло, и тут калитка просела, и думали, с чего начинать свой дачный сезон...

Роман вскинул рюкзак на плечо и неторопливо направился по выщербленной дороге вдоль дачных участков, за заборами которых горели костерки, где сжигали всякий мусор, оставшийся после долгой зимы, собирали опавшие листья и тоже бросали в костер, подрезали ветки и туда же — в огонь. Потянул прохладный ветерок, и тут же пахло горьковатым дымком. Донеслись голоса дачников, которые работали и успевали разговаривать с соседями, сами рассказывали и слушали всякие новости. А новостей-то накопилось много, зима долгая. Вот и делились... А бывало, что заходили в гости друг к другу и пили чай из закопченного чайника. Пили тут же на крыльчке или на скамейке, разложив старую газету, а на ней горстка конфет, печенки и нарезанная колбаса с хлебом. А потом опять брались за нескончаемую работу...

Изредка останавливаясь, Роман смотрел на царство золотистых одуванчиков, что разрослись по обочинам дороги, а там клевер мелькнул, а уж крапива-то разрослась: высокая, жгучая, а щи из нее сварить — у, какие вкусные! Трясогузка быстро засеменила по дороге, отвлекая от своего гнезда. Давно уж позади остались дачи. Мимо него проехал рыбак на велосипеде: в сапогах, в фуфайке, видать, с ночевьем останется, пук удилиц привязан, а на багажнике большой и тяжелый рюкзак.

Роман свернул с дороги. По едва заметной тропке добрался до густого кустарника. Остановился и прислушался. Отовсюду доносилось неумолкаемое пение пичуг, которые радовались весне и теплему яркому солнцу. Неугомонные воробышки с громким чириканьем возились в пыли, и с шумом разлетелись в стороны, а потом снова сбивались в кучки, и ну давай, кто кого перечеркает. А если внимательно прислушаться, то сквозь птичьи хоры доносилось звонкое журчание воды — это большой перекал разговорился, тоже весне радуется и бормочет, и бормочет неумолчно...

Раздвигая ветви, Роман добрался до небольшой полянки с молодой порослью травы. Запахло водой и речными травами. Полянку с трех сторон окружали кусты, а за ними буйно разрослись заросли цветущей черемухи — это было его место, куда он стремился попасть, когда цвела черемуха...

Роман сбросил рюкзак на землю и осмотрелся. Небольшая полянка, уютная. Вон весенним половодьем принесло копешку сена и она, застряв в кустах, поразвесила на ветвях длинные косы прошлогодней духмяной травы. А здесь кострище, и рядом заметны следы от шалашика, который унесло быстрым течением. Это не беда. Недолго новый смастерить. Роман не любил палатки. Ему больше нравилось поставить шалаш, набросать внутрь охапки травы, а потом лежать и слушать ночами, как бормочет перекал на реке, слушать, как спросонья всполошено ворохнется птица в кустах, а вокруг такой запах черемухи, что... Роман вздохнул, вспоминая. Хорошо-то как! А потом нахмурился, взглянув на родник, где было полно мусора. Из-под него едва заметно пробивалась струйка воды и, прячась между камнями, исчезала среди галечника. Роман кивнул головой. Ничего, бедняга, потерпи, расчищу, и снова зажурчишь-завенишь.

Роман убрал мусор из родника, потом углубил его. Вода помутнела. Прокопал канавку до речки. Камнями выложил порожки — ступени. И остановился, поглядывая, как постепенно набиралась вода в роднике и, достигнув края, зажурчала-запела, сбегая по подготовленному руслу. Роман закивал головой — хорошо. Часика два-три пройдет, муть исчезнет и под солнечными лучами заискрится вода, заиграет, и закружатся песчинки, поднимаясь со дна, и запоет, зазвенит родник, радуясь, что вернулась сила, и будет журчать-бормотать, все новости рассказывать...

Задумавшись, Роман смотрел на полноводную реку. Пройдет немного времени, и вода начнет спадать, войдет в привычное русло, вдоль берега поднимется камыш, длинные косы распушит по течению роголистник и зашлепает хищник, гоняясь за мелочевкой-сеголетками. Казалось бы, привычная картина, но в то же время каждый год что-то в ней прибавляется, что-то исчезает, но образ самой реки, образы этих картин всегда сохраняются в сердце, и Роман зимними вечерами начинает вспоминать свою реку, свое место и цветущие черемуховые заросли...

Роман взглянул на горы, кое-где покрытые желтыми проплешинами, на стайки деревьев, которые словно взбегали к вершине, на призрачный лес, освещенный яркими солнечными лучами. Вдали виднелось устье старицы, где до сих пор еще сохранилась небольшая запруда. Когда-то, очень давно, там находилась мельница, а вдоль старицы и на берегу реки была деревня. Снесли ее, лишь сохранились остатки осинового рощи и густой черемушник, куда приезжал Роман каждую весну и все...

Роман стоял и вспоминал, как в детстве вместе с братьями и друзьями пешком добирались сюда. Не забыл старицу, с обрыва которой наблюдали за голавчиками, что разгуливали по поверхности. Сколько лет прошло с той поры, а Роман помнил и деревню, и запруду с осинником и черемушником, и друзей, с кем сюда бегали. Да все, что здесь видел, он не забудет...

Вздыхнув, Роман огляделся и принялся за шалаш. Неторопливо делал, добротню, чтобы на весь сезон хватило. Широкий получился шалаш, просторный, с охапками духмяного сена. Нависшие ветви прикрывали его сверху, кустарник загораживал от сильного ветра. Перед входом горел костер, постреливая искорками, а рядом лежало бревно, на которое уселся Роман, достал несколько картофелин и закопал в угли. Потом вскипятил воду в котелке, бросил в него листья смородины, щепотку заварки и поставил рядом с огнем, чтобы чай настоялся, а сам уселся на берегу и посматривал на бормочущий пережат, что сверкал под вечерними лучами солнца. Глядел на остров, что был неподалеку, сплошь заросший кустами и деревьями, который отбрасывал черную тень на стремительную воду. Слушал пение птиц, что никак не могли утомиться в густом черемушнике, и опять, невольно, переводил взгляд на устье старицы — туда, где стояла когда-то деревушка. Стояла, а сейчас... Сейчас ничего не осталось, кроме воспоминаний...

Поднявшись, Роман подошел к костру, присел на бревно и веткой выкатил из горячих углей картошку. Обжигаясь, схватил одну и начал дуть, чтобы немного остудить. Не выдержал, заойкал, соскреб пригоревшие места, разломил, вдохнув духмяный запах, посыпал крупной солью, немного откусил и зажмурился от удовольствия. У, как вкусно!

Дотянувшись до луковицы, Роман сильно сдавил ее в ладонях, чтобы была сочнее, разрезал на четыре части, содрал кожуру, круто посолил и, откусив кусочек картошки, бросил четвертинку лука в рот и захрустел, — а так еще вкуснее!

При свете костра он смотрел на сгущавшиеся вечерние сумерки, уллетал вместе с кожей печеную картошку, похрустывал луком, мелкой молоденькой редиской и запивал душистым чаем со смородиновым листом.

Потом подбросил хворост в костер, наблюдая, как взметнулись искры, выстреливая в темное небо яркими точками, как весело заиграли языки пламени, освещая черную гладь воды. Набросив на плечи старую полинявшую штормовку, Роман долго сидел возле костра, посматривая на огонь, прислушиваясь к ночной тишине, откуда изредка доносились звуки пережата, шорохи потревоженной птицы, глядел на огромное черное небо, где ярко светили, перемигиваясь, далекие звезды, и чувствовал себя маленькой пылинкой, частичкой большого и необъятного мира...

А едва забрезжил рассвет, Роман тихонечко выбрался из шалаша, зябко передернув плечами, подошел к костру, где едва теплились огоньки пламени. Он оглянулся. Странное и беспокойное чувство охватило Романа, но в тот же момент был какой-то восторг в душе, когда оказался внутри предутренних сумерек. Редко виднелись далекие звезды, едва заметный порыв ветра и холодок проскользнул по телу, он поежился, вдохнул и задержал в себе ароматы воды, влажной травы, и утреннего тумана. Посидел, осматриваясь, а потом принялся подбрасывать в костер сухие ветви. Затрещали они, охватывая теплым воздухом, постреливая искорками и, вскоре загудело пламя, разгораясь все сильнее и сильнее.

Роман сидел на камне, а перед ним медленно таяли остатки клочкастого тумана,

он смотрел на открывающую водную гладь, на остров, где в предутренних сумерках горбались неведомые животные, а неподалеку раздался всплеск — это хищник вышел на охоту. Понемногу стали проявляться кусты и деревья, отбрасывая на воду темные тени. Казалось, веселее забормотал, закартавил пережат, радуясь новому дню. При свете костра поблескивала вода в роднике и журчала по сделанным порожкам, словно колокольца звенели в предрассветных сумерках. Заворочались спросонья птицы, зашуршали ветвями. Роман разогрел чай, раздвинул угли и бросил в ямку две-три картошки — завтрак. Посмотрел на небо, где пролегли светлые полосы. Вот-вот, еще немного и из-за гор мелькнет первый луч солнца. Взглянул в сторону старицы, а потом повернулся и посмотрел на горы, на устье старицы и многочисленные заросли черемушника, что были разбросаны вдоль реки, где стояла раньше деревня.

Небо все ярче окрашивалось в голубовато-розовый цвет, освещая редкие облака. Где-то в кустах одиноко щелкнул соловей, словно не решаясь нарушить утреннюю тишину, но вслед за ним уже смелее защелкал второй, третий, пятый и... И вскоре разнеслись соловьиные трели, перекрывая картавое бормотание пережата и радуясь новому дню, и еще мгновение, мелькнул первый луч солнца, пробежал по сонной воде, оставляя сверкающую дорожку, задел, зацепился за кипень черемухи, окрашивая ее в бело-золотистый цвет, и вспыхнула она, разгораясь все ярче и наряднее. Всколыхнул утренний ветерок чудо весеннее, и Роман почувствовал резкий и густой аромат, словно облако опустилось на полянку, окутывая округу горьковатым привкусом цветущей черемухи. Он сидел, а над поляной и над речной отмелью закружился белый буран из черемуховых лепестков, сорванных утренним ветерком, и они медленно опускались на землю, покрывая ее тонким белым покрывалом.

Он смотрел по сторонам. На душе был покой и непонятный восторг, а ненужная суета забывалась и исчезала. Роман сидел на берегу, и в то же время над рекой, а вокруг него были цветущие заросли черемухового рассвета...

Утро нового дня.

Ефим Гаммер
(г. Иерусалим, Израиль)

«ОРБИТА» КОСЫГИНА
рассказ из цикла «Реалии нашей жизни»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Самиздат семидесятых... памятный самиздат. Породил сыскные команды, доносчиков и зеков. Потом, в свободные времена, историков, исследователей и кандидатов наук. В моем, еще непонятном для читателей варианте,— станцию телевизионной космической связи «Орбита». Так называемую «тарелку», отнюдь не инопланетную. Установлена она в таежном городе Киренске. И по сей день, должно быть, забавляет сибиряков московскими телепрограммами.

Как же и по какой причине появилась она в таежном углу, где ни канализации, ни водопровода не существовало, а количество каменных строений можно было пересчитать на пальцах?

Но прежде текстовая загадка. Интересно, найдется хоть один человек, способный определить автора нижеследующих строк?

Подсказываю, не Пушкин.

Итак... «Внимание широких масс должно быть привлечено к вопросу кредитной политики. Правильная, классово-чуткая политика распределения кредитов в деревне — одна из основных задач».

Ну?

Нет, эти строчки не из современного телешоу «Крестьянский вопрос».

Нет, они даже не из письменных заявлений деда Щукаря, выдвинутого при лампадах и в смазанных сапогах в Думу. Они из Киренской газеты «Ленская правда», переименованной впоследствии, когда я работал в ней, в «Ленские зори». № 53 — (342). Суббота 7 июля 1928 года.

Название заметки «Международный день кооперации». Автор — А. Н. Косыгин. Да-да, тот самый, Алексей Николаевич, любитель джаза и сподвижник Леонида Ильича, борца за мир между народами и их поработителями, автор литературных произведений, написанных другими людьми — профессиональными журналистами, обладатель членского билета Союза писателей СССР №1.

Спрашивается, как А. Н. Косыгин очутился в такой глухомани — пятьсот километров на север от Иркутска? Ответ прост: он там работал в середине двадцатых годов, там и родилась его дочка.

II

Но сначала о Киренске...

Назван он не в честь Керенского. И не рожден от слова «кирять». Древний царь Кир нам тоже до лампочки в этом непридуманном повествовании.

Город возник в давние стойкие времена. Из острога.

Непонятно? Пояснение: в давние стойкие времена, при завоевании Сибири, заложили в междуречьи бревенчатую тюрьму — «бежать не моги!» Справа надежной преградой Лена, слева взбалмошная река Киренга, а кругом тайга — до Британских морей — с авторитетным даже для преступников Хозяином. (Кстати, психоватая Киренга и передала свое имя городу, потопив предварительно немалое количество его основателей).

Заложив острог, целинники подняли его до стропил. А затем заложили пятистенники для тюремщиков и обслуживающих тюремный люд работных людишек и всяких прочих сварных родственников, домочадцев и нарождающихся ненароком детишек. Потом, спустя годы и годы, для жен декабристов, сидящих в тамошней Кутузке. Они, эти жены, достигшие после кончины бессмертия, мало-помалу — при жизни — поднимали невысокий, надо признаться, интеллект местного населения, очень неохотого до учебы. Все бы им, местным, в тайгу, по кедровый орех, али на медведя. Еще рыбу горазды выгребать сетью, перепелку рукой безоружной сцапать, да и соболика в глаз примочить — все могли, не учась, по призванью. Вот Бомонд и французский язык, честное слово, ни то, ни другое им не давалось. И бежали они, местные, от училищ — силки ставить, рысь раздевать донага, волку пасть выворачивать. А все стремление к просвещению скинули на собственного летописца, выкормленного ими за тягу к наукам березовой кашей с оленьей.

Вот он — единственный — и учился. Учился и превозмог. Бонжур — говорил. И мерси — говорил, даже если били его невзначай по морде за эти неприличные слова.

Летописца звали Ким. Не путать с коммунистическим интернационалом молодежи или с популярным именем стахановцев и ударников. Ким располагал седой бородой, китайско-русско-якутской внешностью, родословной от Ермака, верительной грамотой от Чингис-Хана и нержавеющей стилем неведомого происхождения, из химически чистого железа, в ту пору — да и сегодня! — еще недобываемого. Была у Кима утеха — писать летописи. То бишь подноготную города Киренска. И писал, благо грамотный.

Мне доводилось читать его летописи, выправленные грациозным пером дворянского происхождения. Ошибок много. Оценки за сочинения явно завышены. Впрочем, я догадывался: поставь ему двойку, и один-разъединственный ученик звезданет тут же в гнездовище жень-шеня и накарякает там такое, что и через сотни лет Россия не отмоеся от его наркотического бреда.

Поэтому ему, летописцу, позволялось училками из Петербурга писать только в классе, за партой. Иначе — кол. Угрозы эти Ким воспринимал по-азиатски. Во французском прононсе слышалось ему — «на кол!» И он из класса не выходил даже по нужде. Поэтому много сотворил летописей.

По ним выходило, что Киренск основан за двести лет до Москвы и по праву первородства наделен мессианским предназначением встать во главе Российского государства до окончания имперских времен.

Обман? Или намек на сегодняшний день?

Стилист, однако, он был превосходный. Вот примерец из его писаний.

«День вертит солнечный жернов к ночи. Ночь извергает небесный огонь на расвете. И вспыхивают облака зорным заревом. Первые российские облака, рожденные у восточных границ. Облака, коим нести очищающее пламя на запад, к отстающим в развитии от нового времени градам и весям Матушки-Родины. Сапоги там правят бал. А на паркет надо бы валенки».

Так, приблизительно, писал летописец Ким.

III

Мне представляется, что Косыгин, Алексей Николаевич, тоже читал рукописи летописца Кима. Их не прятали в спецхране, тем более такого в Киренске не наблюдалось. В прошлом там даже не было ни одной библиотеки. Как и великого тяготения к знаниям, в особенности книжным. Однако произведения Кима кочевали из уст в уста, иногда и в письменном виде — для грамотных. Очень уж любо было киренчанам ущучить Москву: вы от Ивана Калиты, а мы на двести лет раньше, из острога. Нас — тьмы, и тьмы, и тьмы.

Потом ходокот отправляли к Блоку. Купи строчки, а то по башке дадим.

Купил или не купил — этого летопись не сохранила. Но использовал — факт!

В 1928 году Алексей Николаевич Косыгин тоже купился на строчки патриотов районного центра, где его предок по отцовской линии, как считали местные старожилы, задолго до революции, считался богатейшим купцом. Правда, воинственной силой творчества Кима-летописца Алексей не владел. Это и проявлялось нередко в его заметках — тогда внештатного корреспондента «Ленской правды», популярного для малограмотных книголюбителей издания.

Образчик его сочинений от 15 февраля 1928 года. «Ленская правда» № 13 (301). Среда.

ВЫЗОВ КРИВОШАПКИНЦАМ

Деревня ждет «масленицу». По подсчетам самих же крестьян д. Кривошапкиной, масленка обойдется им примерно в полторы тысячи рублей.

Я вызываю кривошапкинцев — бросить старые бытовые предрассудки и отказаться от традиционной «масленицы». Оставшиеся средства обратить на приобретение облигаций 4 крестьянского займа «Укрепление крестьянского хозяйства».

Думаю, кривошапкинцы, как жители одной из передовых деревень, примут вызов и выполнят лозунг т. Калинина: «Каждое крестьянское хозяйство должно иметь облигацию 4-го займа».

А. Косыгин.

По подшивкам тех времен я лично убедился: кривошапкинцы и петропавловские, марковцы и никулинцы — жители разных деревень Киренского района — предпочитали займу корову и лошадь, одного петуха на десяток кур, обрез и шашку. Неслухи, малообразованные партийной пропагандой! А может быть, благодаря этому и выжили? Сибиряки все же... Кривошапками могли закидать всю Россию, если бы не были ленивыми.

IV

Что общего между двумя цитатами, приблизительной от Кима, достославного сына Киренска, и дословной от Косыгина, урожденного в Санкт-Петербурге? Общее — направление...

И слова летописца-Кима, и «вызов» его последователя, будущего председателя советского правительства Косыгина, нацелены с бесстрашием таежных жителей на Запад. Из полагающего себя в перспективе российской столицей г. Киренска туда, куда время обновлений еще не поспешает на своих куриных ногах. Каждому киренчанину это и без разъяснений ясно. Ему не гоже смотреть на компасную стрелку, и так знает, куда клонит ветер. И кривошапкинцев, и петропавловских, и марковских, и никулинских.

Я был близко знаком со многими — и кривошапкинцами, и петропавловскими, и

марковцами, и никулинскими. Во всех гордыня. Выражается она так: пора скинуть Киренск с трона столицы района!

По-своему они все были правы. Что для них Киренск? Самозванная столица района, уродившегося ого-го каким: размером с европейскую страну, скажем, Францию. На телеге ехать — не проехать. А на барке только летом, по Лене или Киренге. Зимой наст. На оленях лучше. Словом, добраться хоть до одной деревни — летом ли, зимой — можно только с опричниками. А сибиряки и им уши могли отрезать из любви к справедливости.

Столицу своего района деревенские, мягко говоря, не любили. Тем более, что в темной древности — по дороге в современность — она была облапошена. И кем? Самобытным летописцем Кимом, дурачком местного значения, а может быть и философом. Он и превратил Киренск в островной город — нате вам! Объегорил Городского Голову! С ними бы, деревенскими, такой фокус-мокус у Кима не прошел бы. Они — Петропавловские, Никулинские, Марковские — жестоковыйные. Крепко стоят на материке и не колышутся от дуновения эпох.

Теперь загадка на сообразительность...

Как Киренск оказался островом? Вот вопрос! Вопрос всех вопросов! Для несведущих! Это известно любому старожилу глубинки, по летописям того же плодovitого автора. Хотя бы уже потому, что об этом случае из биографии Киренска он писал от первого лица. Слова такие... Впрочем, слов его употреблять не буду. Перескажу их, как в сочинении на вольную тему.

Итак...

Когда Ким повышал образовательный уровень у жен декабристов, его не выпускали из класса ни по малой, ни по большой нужде. Не дай Бог, убежит в тайгу, башебузик. К жень-шеню. Клюкве. Медведю и подругам его росомахам. Он и не бегал. Терпел и малую, и большую. Безденежье лютое доконало! А если посмотреть в корень, то там легко обозначено: у Кима, кроме учения, была специальность! Печник он! Печник! Самой высокой квалификации! По советским временам, считался бы ударником производства, на Доске Почета имел бы право висеть на зависть лодырям и прогульщикам.

Как-то раз получилось, что Городской Голова предложил ему сложить печь. И где? Не у черта на куличках. В собственном доме! Более того, за монеты звонкие, царской чеканки.

Ким и согласился, хотя вынужден был прогуливать занятия. Приработок все же дороже бесплатной грамоты.

Печь он сложил. Из глины первоклассной. Так как обладал секретом добычи этого строительного материала.

Но тут необходимо подчеркнуть: в ту пору Киренск еще не слыл островом и не стал посмешищем для деревенской публики. Да, его отлогие берега обегали две реки. Сибирские, естественно. Лена и Киренга. Между них был перешеек. Что позволяло даже в половодье выбираться в тайгу. По кедровый орех. Или на сохатого-рогатого. Белка тоже в хозяйстве пригодится.

Глину Ким добывал в потаенном месте. Где? Секрет производства, скажем, в пещере Альзам, на речном плесе. Притом с риском для жизни. Поскользнешься — и завернешь вниз головой в своенравную Киренгу. Следовательно, если не убережешься, то непременно попадешь на корм рыбам, охочим до бесплатного мяса.

Но Ким был мастак! Не утонул.

Глину добыл, замесил. Печь поставил.

Деньги захотел получить.

Городской Голова сказал ему в день зарплаты: «А шел бы ты! К репрессированным декабристам!»

Ким догадался: денег не будет никогда, потому что никогда их не будет. И ответил русскими словами. Без «бонжура» и «мерси».

— Ты мне это припомнишь! И дети твои! И дети детей твоих! И все прочие потомки!

И пошел. Но не за парту. А к Киренге, туда, где выковыривал глину для печи. И там, на том примечательном месте, подвернул саперной лопаткой слабый на умишко грунт. И Киренга — не сразу, доложим, — а спустя несколько трудоемких лет тоже подвернула, вернее, вывернула дугой свое русло. И потекла, бурля негодованием, в обход Киренска. На встречу с полноводной подружкой Леной. Обхватила город объятием небывалой силы, окружила, как Паулюса в Сталинграде, и капут!

Вот и вся история. Вот вам и весь остров, невзначай возникший на территории Киренска. Вот вам и весь Ким. Грамотным был. А выучили его жены декабристов. На свою голову выучили. В результате он под их мужей—декабристов и взбунтовался, заодно взбаламутил всю Киренгу.

V

Платить деньгами за всякие новшества, даже включая займы, сибиряки мало желали. Другое дело, орехом кедровым, рыбкой выловленной, горностаичком с простреленной шкуркой — пожалуйста! К сведению для неверующих в характер заматерелых на сорокаградусном морозе мужиков доложу без стеснения: в 1971 году в одной из покинутых, по причине смерти от старости, деревне я обнаружил в подвале, леднике по-ихнему, десятки тысяч царских денежных знаков и много «керенок».

Так что деньгами ни-ни! Натурой либо товарообменом. Тут и приспела цитата из Косыгина. Из «Ленской правды» за 1928 год.

Рубрика: ВЕСТИ ИЗ ОКРУГА. (По телефону и спешной почтой от наших корреспондентов)

ЧЛЕНСКИЕ ВЗНОСЫ БЕЛКОЙ

В д. Максимово (Усть-Кутского района) комсомольцы организовали ячейку Осоавиахима. В ней насчитывается 17 человек.

Ячейка взялась за работу. Занятия проводятся по два часа в неделю, в дни отдыха ребята занимаются физкультурой, проходят строй.

Ввиду заморозков хлеба у некоторых нечем платить членские взносы. Но и тут ребята не отступили: вместо денег тащат в ячейку добытые беличьи шкурки. Собрали три рубля на выписку газеты.

Ячейка просит окружную организацию Осоавиахима прислать указания, как работать дальше.

После этой косыгинской заметки, я догадываюсь, каждый встал бы на сторону кривошапкинцев и никулинцев. Какого черта им действительно нужен столичный город Киренск с его указаниями? Белку, конечно, нужно пострадать, но ведь не ради членских взносов. Мясо для пропитания, а мех на продажу сгодится. Тогда и смысл жить, как положено, по древнему закону семьи, с уважением к заезжим китайским торговцам, а их расстреливают, будто они японские шпионы. Какие они шпионы, если деньги наличными?

Они платят, их расстреливают. А партийцы? Партийцы не платят, сами требуют деньги и ради них морочат головы газетными шапками в «Ленской правде»:

КРЕЧЕТОВ — КРЕСТЬЯНСКИЙ СЕРЕДНЯК КУПИЛ НОВОГО ЗАЙМА НА 120 РУБ.

С МЕСТ ИДЕТ ПРИЗЫВ К КРЕСТЬЯНАМ ОКРУГА — НЕ ТРАТИТЬ НА «МАСЛЕННОЕ ГУЛЬБИЩЕ» ДЕНЕГ. А КУПИТЬ НА НИХ ОБЛИГАЦИИ.

Был у меня соблазн: поинтересоваться судьбой середняка Кречетова. Но ни в одной деревне — ни среди кривошапкинцев, ни среди марковцев или никулинцев — нигде я не получил его прижизненный адрес. Может быть, его и не существовало? В особенности после сообщения о том, что не вобщак, а на какой-то поганый займ кинул он свои натруженные рубли.

И все-таки мне повезло. На обочине от темы про середняка Кречетова. В деревне Марково. От деревни ничего не осталось. Все вымерли, кроме домотканного старичка, невыразимого количества лет на вид. Он говорил, что ему сто двадцать. По-библейски.

— Дедусь! — спросил я при встрече.— А какая власть была на дворе, когда ты уродился?

— Наша!

— Какая, дедусь, ваша?

— Я их маму имел!

— Так вы, дедусь, еще старше, чем себя изображаете.

— Я с Ермаком ходил в поход. И взял себе якутенку. Она мне трех щенков принесла. И подохла. Собака оказалась дряхлая.

— У вас, дедусь, со здоровьем...

— Мы с пониманием. После ста возвратная молодость. Наливай — не жалеи!

— Да вы, дедусь, философ!

— Философом я был во времена Гиппократата. Я ведь прислан сюда опосля медицинского факультета. Скольких я вылечил, скольких спровадил на тот свет. И все мне благодарны. Жалко, деревня вымерла. И я готов — туда, к ним. Во здравье, так сказать, родины. По стаканчику! И вперед!

Стакан я ему, естественно, налил. (По Сибири не ездят без пузыря).

Старик хлебнул и повеселел. И, раскрыв уши пошире, готов был слушать и с напругом вспоминать, что положено.

— Дедусь! Я к вам в Марково завернул не по оплошности. Тут у вас возник комсомольский почин. В году двадцать восьмом, как о том писал в газету товарищ Косыгин.

— Мы, милок, живем без починок. Как уродились, так и живем — хлеб жуем, покуда зубы на месте. А когда зубов нет, употребляем жидкую пищу. Наливай — не жалеи.

Я опять налил, хотя интуиция подсказывала мне: будет перебор. И действительно, дедок зевнул раз, зевнул два, уронил голову на стол, и дал храпача. Не добудишься, даже стуча стаканом о стакан. Так что мои журналистские изыскания ни к чему не привели. И мне ничего другого не оставалось, как, возвращаясь на морозе в Киренск, читать и перечитывать корреспонденции А. Косыгина, и с горечью осознать: активность местных жителей пошла на убыль. Ну, это и понятно, если деревня вымерла. Не то, что раньше, когда...

МАРКОВСКИЕ КООПЕРАТОРЫ ПРОЯВИЛИ АКТИВНОСТЬ

12 января в Марковском народном доме под руководством союза совторгслужащих была поставлена пьеса из кооперативной жизни «Именины подвели». Реклама была вывешена за два дня вперед, весь сбор от спектакля должен поступить в пользу красного уголка.

А. Косыгин. «Ленская правда» январь 1928 года.

Не знаю, какую пользу получил красный уголок от этого сбора. Представляю, сбора вообще не было. Сибиряки, как отметил, предпочитают платить кедровым орехом, белкой, но не наличными. При слове «наличные» у них чешутся кулаки.

VI

Теперь от древнего дедушки надо повернуться лицом к Алексею Николаевичу. Нет, уже не к внештатному корреспонденту «Ленской правды», ставшей затем «Ленскими зорями». А к политическому лидеру одной из крупнейших держав в мире.

Случилось так, что в 1973-м году т. Косыгин вознамерился вернуться на день-другой в «Альма-Матер» свою, в Киренск.

Желание это возникло у него в Якутске. Там он принимал японского посла. И, наверное, принял с послом на грудь по четвертинке. Японец — рисовой, он — московской. Башка поехала. У обоих. Японец всплакнул о своей хижине из папиросной бумаги и мотанул в Токио. Косыгин со слезой в голосе вспомнил о своих журналистских писаниях в ташном городе на острове, где родилась его доченька. И, отдав должное притягательным воспоминаниям, приказал отбить телеграмму в Киренск. «Приезжаю! Ждите!! И дождетесь!!!»

Отбивали телеграмму с трепетом в пальцах.

Получили ее с трепетом в сердце.

Что делать?

Самое простое заключается в том, что у Косыгиных в Киренске, по заверениям старожилов, имелась собственность. Наследственная, от предков купеческого рода — владельцев каботажных судов, бороздящих сибирские реки.

Старики поговаривали. Молодые мотали на ус, если уже отрос. А нет, так держали в памяти. Хотелось знать доподлинно. Но иди — проверь! Архивы для беспартийных закрыты.

Догадываюсь о соображениях киренского начальства. «Ну, не будет внук-правнук капиталистов, если он председатель Совмина и сподвижник Брежнева по борьбе за мир, претендовать на Ленский речной флот. Он ведь еще без горбачевских представлений о приватизации и последующего превращения из коммунистов в олигархи. Но дом родной? Почему бы ему дом родной не увидеть? Ностальгия их в Москве замела, если кидаются в глухомань, где и туалетного сидяка никогда в наличии не наблюдалось».

Вот с этим «сидяком» и возникли у нас в газете «Ленские зори» большие проблемы. Дело в том, что все совслужащие ходили во двор. И по малой нужде, и по большой. И неважно было, ты главный редактор или ты корреспондент, или маленькая, как птичка, линотипистка.

Туалет один. Туалет на всех. Он дощатый. При температуре минус сорок ничем подозрительным не пахнет, так что санитария стопроцентная. Но... из-за небрежности, или из-за недостаточного внимания к предмету употребления, на нем, то есть вокруг «очка», вздымались айсберги из мочи и всяких неприличных для этого рассказа фекальных штучек.

Картинка нарисована. А подтекстовка к ней такая: Косыгин обязательно заглянет в редакцию газеты, в которой сотрудничал внештатным корреспондентом и писал свои произведения, в отличие от Брежнева, самостоятельно. Заглянет в редакцию и вдруг...

Что вдруг?

В редакции «Ленских зорь» в первую очередь подумали о туалете. «А вдруг он захочет покакать?»

Это уже доподлинная цитата. Однако не выдам ответственного человека из редакции районной газеты, первым осознавшего о неучтенных протоколом проявлениях косыгинского организма. Организм, он и есть организм. С ним всякое случается.

Редактор Хохлачев вызвал слесаря Диму. И приказал, под воздействием приезда высокого гостя:

— Немедленно уберите эти наледи с писями!

Дима не просыхал на работе. Такая была у него работа — не просыхать. Потому и уточнил, чтобы не ошибиться.

— А говно?

— Все уברי!

— Трешник. И двойняк вперед.

Надо отдать честь слесарю Диме, он не воспользовался «двойняком», чтобы тут же его пропить. Он уважал свою универсальную профессию. И потому пригласил за рублевку шахтера, у которого по случайности был выкраден из Донбасса, от пьяного беспробудно Стаханова, отбойный молоток. Этим отбойным молотком они раскололи глыбы неприличного по внутреннему содержанию льда и спустили их в очко. Но... перед тем, как идти пить, вспомнили: Косыгин — интеллигент, ему подавай товар в чистом виде, без микробов и бактерий. Они посоветовались, чтобы сойтись во мнении: разводить микробов и у придурка ума хватает. И тогда — в один голос — решили: выпить мы все равно выпьем. А рабочая гордость? Это чистота и порядок!

Сбегали они на Лену с коромыслом, принесли в туалет два ведра. И помыли все, как и полагается, чтобы Косыгин, садясь крабом на очко, не лицецрел по партийной принципиальности всякие нечистоты. Вот теперь-то, проделав трудоемкую работу, включая в нее и подходящую по случаю русскую смекалку, пошли пить. И пили до самозабвения.

Если бы сегодня здравствовал Косыгин и знал бы о том, как заботились о его животике в редакции «Ленские зори», он обязан был бы выдать всем сотрудникам этой газеты Государственную премию по экологии.

А как же иначе? Представьте себе, в продолжении зашкаливающих инициатив, стараниями редакционных сотрудников, с привлечением художника из таежной интеллигенции, был сочинен транспарант. Красным плакатным пером по белому полю ватмана старательно вывели: «Туалет вниз, во двор, и налево!»

Признаюсь, имея на стене такой путеводитель перед глазами, никогда, даже по мути великой, не заблудишься.

Казалось бы, пора вздохнуть свободно.

Но не тут-то было. Внезапно в редакции «Ленских зорь» раздался нечленораздельный вопль.

— Приехал!!!

Предварило вопль то, что редактор газеты Хохлачев выглянул из окна на скованную снежным настом Лену и узрел кортеж легковушек, в основном, «Москвичей», конфискованных, понятно, у местных жителей. На день-два-три-четыре, сколько понадобится, чтобы достойно принять высокого гостя и проводить его затем в аэропорт.

Чинно, по порядку, без самурайских самопожертвований личности, шли они по реке. В одном из салонов, но в каком — это секрет, везут САМОГО!

Углядев столь раздражающую душу сцену, Хохлачев растерянно молвил:

— Приехал? Почему не сообщили?

Схватился за телефон. И давай названивать по начальству.

Страх окутал редакцию. Дело в том, что таежный художник запил. И не успел из-за нехватки краски пририсовать к транспаранту стрелку, с уклоном: мол, вниз по лестнице, и во двор, пожалуйста.

Однако обошлось. И суматоха улеглась. Наша машинистка, среагировав на крики, преобразовалась в художника и израсходовала весь тюбик губной помады на этот дорожный указатель. Так поступают советские люди!

Потом выяснилось — тревога была ложной. Кортеж машин проводил просто-напросто тренировочный пробег. На случай приезда Косыгина. И не по пьянке, по приказу горкома партии. Кстати, трезвыми водители были потому, что все виды алкогольных напитков уже изъяли из магазинов. А участникам тренировочного пробега

пообещали по два литра спирта, если они заведутся и поедут. Они и завелись. И поехали. Им холод — не тетка.

VII

Главная проблема с Косыгиным, пославшим телеграмму из Якутска, состояла вовсе не в очке, которое стараниями слесаря Димы и его товарища было готово к приему фекальных масс и прочих испражнений. Главная проблема, вернее, неприятность, торчала занозой в том, что никто не помнил дом, в котором Косыгин родил свою дочь.

Мне, как бывалому журналисту, дали редакционное задание: обнаружить этот таинственный пятистенок. При удаче, намекнули с двужильной ясностью в очах, лично я возьму интервью у Него.

Казалось бы, Киренск — город маленький. Его обойти своими ножками — это всего час-два. С одной стороны — Лена, с другой — Киренга. Не запутаешься. Двинул я на поиски и попал по подсказке знающих людей в заводское общежитие. Гляжу, комендант, могучая баба с задатками штангиста. Сидит за канцелярским столом, пьет чай вприкуску с кусковым сахаром.

— Что вам надо? — спрашивает подозрительным тоном, будто я пришел проситься на ночлег.

— Мне? Надо узнать: здесь жил Косыгин — да или нет?

— Нет! Здесь никто такой не жил.

— У вас есть доказательства?

— Я тебя паспорт? Кто ты такой на мою голову, чтобы спрашивать о Косыгине?

— Я из редакции «Ленских зорь», вот этой, — показываю ей на газету, лежащую вроде салфетки под фаянсовым чайничком с заваркой. — У меня задание найти дом Косыгина. Тот, в котором он жил здесь.

— А зачем?

— Затем, что Косыгин опять приезжает сюда, доходит? Дом свой хочет увидеть! А у меня наводка, что жил он именно тут.

— А-а-а! Косыгин? Тот самый?

— Самый-Самый! Показывай хоромы.

— Они не виноваты!..

— Кто?

— Они там... там они... с работы... неурочное время, сам понимаешь... пьют и любят... но не прилюдно, а так втихую, под одеялом. Так что не виноваты, втемяшь в свою голову!

VIII

Самое поразительное, я попал по адресу. Старый и чрезвычайно по-советски опытный редактор Хохлачев дал мне правильное направление. Другое дело: тетка-комендантша не представляла себе, чем командует. Впрочем, необходимо пояснение. Тетка-то знала, где командует — в рабочем общежитии. Не знала другое: на месте общежития прежде стоял Дом Косыгиных. Избу эту из-за отсутствия жильцов снесли еще в каком-то занюханном пятьдесят втором, когда боролись с космополитами. И построили общагу. А тут, представьте себе, у Косыгина в голове ностальгушки. Он хочет посетить Коробок нержавеющей молодости.

Секретари райкома, догадавшись о косыгинских пожеланиях, приняли единственно правильное и, понятное дело, гениальное решение: немедленно выселить из помещения всех работяг. Провести там срочный ремонт. Повесить портреты Брежнева и Косыгина на стенах, и показать их председателю Совмина во время экскурсии по

исторической Родине его дочери. Пусть себе поет под Роберта Рождественского: «Что-то с памятью моей стало».

Здесь необходима словесная пауза. Здесь необходима минута молчания.

Суть всей стратегической операции, проводимой в Киренске, заключалась в ином. В город завезли телевизоры. Их уже все — до последнего — раскупили. А смотреть в них — это как в оловянное зеркало, когда по старинке причесываешься. Не то, что Москву, Ленинград — свой областной центр Иркутск не увидишь. Без спутниковой связи. Связь же в Киренске была, как в вышеописанном общежитии — половая.

Местным жителям представлялось — решение об установке в этом древнем городе современной «тарелки» может принять только Косыгин. Поэтому его надо и обрадовать видом родного пятистенника, взять интервью, показать художественно оформленную красной помадой стрелку на транспаранте в дворовый туалет. Словом, удивить и обрадовать ростом культуры в дикой провинции.

Ведь никто другой! Он — именно он! — писал о развитии жизни в лучшую сторону. Вот пример.

КАК ИСПРАВИТЬ НЕДОЧЕТЫ

На израсходованную сумму по содержанию ревизионной комиссии можно содержать постоянного платного квалифицированного работника. Ревизионная же комиссия, получив деньги, ничего не сделала и не оставила результатов и следов своей работы...

А. Косыгин

«Ленская правда». № 33 — (332). Среда 25 апреля 1928 года.

На ремонт общаги райком партии тоже израсходовал много народных денег. Но при этом следует заметить, эти деньги действительно пошли на доброе дело. Впоследствии заводские ребята снова вселились в этот дом и жили уже в гораздо лучших условиях. Правда, после работы продолжали заниматься своим любимым делом — пить водку и любить красивых киренских девушек.

Самое пикантное во всей этой фантазмогории заключается в том, что Косыгин так и не прилетел из Якутска к нам. Погодные условия оказались в последний момент не ахти подходящими для его здоровья — нелетными. И он, не приземлившись в Киренске, махнул напрямиком в Москву.

Интервью с ним не состоялось. Но состоялось подключение Киренска к станции космической связи «Орбита». И закупленные впрок телевизоры стали демонстрировать нам выступления на трибуне Кремлевского зала Брежнева, Косыгина, Сулова и других старцев марксизма-ленинизма.

Как же киренчане добились такого чуда? Все это очень просто.

Сидя на чердаке нашей редакции, я раскопал подшивки газеты — за прошлые годы. И обнаружил статьи и заметки А. Н. Косыгина. И тогда, зная, что любому автору интересно почитать самого себя, а не товарища Брежнева, предложил редактору Хохлачеву выпустить подарочный номер «Ленской правды» с материалами бывшего рабкора нашей газеты. Он и был выпущен в трех экземплярах. На ватмане. Полосы с версткой я успел прихватить в типографии, еще до того, как все спохватились: делают ведь Самиздат! Причем, очень необычный. Еще нагорит!

Чтобы не нагорело, один экземпляр отправили в Иркутск, в обком партии.

Второй экземпляр приватизировал райком партии.

А Косыгину прислали в Москву главный экземпляр. И к нему приложили просьбу: подключить Киренск к спутниковой телевизионной связи. Председатель Совета Министров, умилившись своим ранним произведениям, исполнил просьбу земляков. И «тарелка», именуемая в обиходе «Орбитой Косыгина», вознеслась в таежной глубинке — над пихтами и кедрами.

Жители этого сибирского края надеялись вырваться за счет телепрограмм из своей отсталости к московским проспектам. Знали и помнили: Косыгин им в этом поможет. Ибо еще на заре Советской власти он писал о прорыве сельского жителя к всеобщей культуре. Правда, желание мужиков получить за ценную пушнину не только зерно, но и табак, чай, сахар он называл иждивенчеством, все больше стремясь проводить высокую политику — навязать населению займ, утвердить государственную монополию на закупку пушистой охотничьей добычи, потому и стал впоследствии важным государственным деятелем.

А вот его нетленные строчки. Ими, пожалуй, я и закончу это повествование.

БУРСКОЕ БОЛОТО

Отдаленность от города, от своего районного центра Макарово, к которому Бур совершенно экономически не тяготеет, послужила одной из причин чрезвычайной культурной отсталости Бура сравнительно с другими селениями нашего округа.

Регулярного почтового сообщения нет. Письма, газеты идут с большим опозданием даже в зимний период, не говоря уже о летнем, когда почти всякое сообщение отсутствует.

Из культурных учреждений имеется лишь красный уголок, работа которого поставлена весьма слабо: арендуемое помещение не приспособлено, никакой общественной культурной работы не ведется.

В то же время культурных сил для деревни в 40 домов, надо считать, больше чем достаточно: здесь обследовательский пункт РОКК, в котором работает врач, фельдшер, имеется учитель, посылаются ежегодно работники Ленсоюзом для постоянной работы в кооперативе. Однако, несмотря на такое большое наличие сельской интеллигенции, общественность в деревне отсутствует.

По словам местного крестьянства, врач, фельдшер на сельские собрания совершенно не ходят, учитель на собраниях бывает редко.

То же наблюдалось на общем собрании, где стоял вопрос о создании интегрального машинного т-ва: учитель пробыл на собрании 10—15 минут и почти не принял никакого участия. Выступления учителя показывают его малую приспособленность для ведения общественной работы среди крестьянства. Небольшое выступление учителя на сельском собрании пестрит словами: «идеология», «психология» и др., совершенно чуждыми крестьянству.

Все это способствовало возникновению того общественного болота, которое сейчас имеется в Буре...

Работа по распределению займа не велась, среди крестьянства не распространено займа ни на один рубль. Полученные облигации займа в Бур на 35 рублей были распространены исключительно среди местных служащих.

Председателем сельсовета было заявлено, что заем у них вообще нельзя распространить, а кто хочет купить, может купить в городе (за 200 верст), никакой разъяснительной работы по распространению займа проведено не было...

Наиболее активную часть собраний составляют группы из бывших торгашей — таенов, которые в прошлом закабалили и кредитовали тунгусов, однако ни один из таенов избирательных прав не лишен.

Наибольшим же злом района является острая конкуренция среди заготовителей пушнины.

К сезону заготовок в Бурском районе работало четыре заготовителя: потреббщество, госторг, охоткооперация, киренское кредитное т-во. Два последних заготовителя выезжали специально для заготовок белки, и после сезона, оставив розданные кредиты, уехали.

Регулирование кредитами отсутствует, сельсовет этим не руководит, никакой согласованности среди заготовителей нет. В результате такой заготовительной работы

нет ни одного двора, ни одного охотника, который не был бы должен заготовителям, причем, суммы розданных кредитов в отдельных хозяйствах достигают 400—500 руб. на двор. Бесконтрольное и бессистемное кредитование всех заготовителей, лишь бы больше захватить пушнины, создало и укрепило иждивенческие настроения у населения.

Иждивенческие настроения настолько сильны, что, объявив на собрании о выделении ссуды Ленсоюзом в размере до 600 пудов хлеба на кредитование населения ввиду неурожая, не только не удовлетворило участников собрания, а сейчас же было предъявлено требование о выдаче в кредит и других продуктов, как-то: масло, чай, сахар, табак и прочее под осеннюю пушнину...

Среди крестьянства ведутся разговоры, что пушнина нужна всем заготовителям, а раз так, значит, будет и кредит. Не даст кооператив, пойдем к Маркову (так называют Госторг) — там дадут.

Так что следует урегулировать вопрос о числе заготовителей на Буре, не допуская к сезону заготовок выезда гастролеров...

А. Косыгин.

«Ленская правда» № 32 (321). Суббота, 21 апреля 1928 года.

Как видим, в регионе величиной с иную страну, «из культурных учреждений», по словам будущего главы советского правительства Алексея Николаевича Косыгина, имелся лишь красный уголок, «работа которого поставлена весьма слабо».

Ну, теперь и прикиньте, насколько своевременным было вмешательство спутниковой связи и телевизора в развитие культурного потенциала жителей той замечательной по природной красоте местности. Произошло это в 1973 году, когда я работал в газете «Ленские зори». В историческом масштабе совсем недавно.

Валентин Огнев
(г. Щекино, Тульская область)

ИЗ ИСТОРИИ ПОСЕЛКА «ЗАВИСТЬ»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Несколько лет назад мне поступил звонок с неизвестного номера. Звонивший представился (назовем его предприниматель Игорь) и попросил о встрече со мной по вопросу составления родословного древа. Я согласился на встречу. Приехал он со своим другом, с которым я лично тоже не был знаком, но это была известная личность в определенных кругах небольшого городка.

Во время встречи Игорь предложил оказать ему помощь в восстановлении родословной. Но в беседе почему-то основной упор он делал на семейную легенду. Легенда была следующего содержания. После революции 1917 года его предок переселился из крупной густонаселенной деревни в новостроящийся поселок. Он построил хороший дом, выделенные земли были одними из плодородных. Крестьянское хозяйство было крепким, так как хозяин был рабочим человеком. Но у него был брат, работавший председателем сельского совета и проживающий в деревне. Брат по какой-то причине затаил зло на своего родственника и собирался принять меры по его раскулачиванию. Добрые люди подсказали, что их собираются раскулачивать, и они в одну из ночей покинули поселок. Связь с родственниками прервалась.

Так как имею сведения генеалогического характера по этой местности, я согласился помочь Игорю в составлении родословной и, если обнаружатся другие документы, сообщать о них.

Через небольшой промежуток времени мне вновь позвонил Игорь и сказал, что в один из ближайших дней он будет проездом в моем городе и просил о встрече. Мы с ним встретились. Во время встречи основной темой беседы был разговор о поисках документов о раскулачивании его предков. Ему было разъяснено, что в его случае официального как такового раскулачивания не было. В известных списках репрессированных его предки не значатся. В законном порядке документы о раскулачивании не оформлялись, его предки выехали как бы добровольно. По всей видимости были составлены документы на бесхозное, брошенное хозяйство с передачей его в колхоз. Такая форма избавления во время раскулачивания от неугодных, зажиточных крестьян существовала повсеместно. Родословная предков Игоря мало интересовала. На возникший вопрос, почему его более всего интересовал факт раскулачивания, он ушел от ответа.

Я и ранее собирал архивные документы по интересующему Игоря населенному пункту, чтобы в дальнейшем использовать их для написания истории этого поселения. Во время одного из посещений архива среди источников обнаружилось, что предки Игоря не являлись первозаселенцами поселка. Об этом ему было сообщено и сказано, что по факту передачи хозяйства его предков в колхоз документы могут быть в других архивах. Интересующий нас населенный пункт с 1928 года админист-

ративно был передан в другую область. Он стал уговаривать меня посетить эти архивы для поиска документов о его предках. В этой телефонной беседе вновь был задан вопрос Игорю: для чего ему нужны документы? Он ответил, что в этом населенном пункте один предприниматель выкупил земли и сейчас там он организовал хорошую базу отдыха, а Игорю нужно возратить усадьбу предков с землей, для него этот вопрос очень важен.

В связи с семейными обстоятельствами я отказался от поездок в другие архивы. После этого разговора Игорь начал уклоняться от составления родословной и прекратил поддерживать со мной связь.

Я по мере надобности ездю в архив и во время одного из посещений архива были обнаружены документы по истории образования поселка, которые дают разгадку обращения ко мне Игоря.

В начале 20 века Центрально-Черноземный регион России являлся районом с избыточным крестьянским населением. И сразу же после событий 1917 года население густонаселенных сел и деревень стало переселяться на близлежащие свободные бывшие помещичьи земли. Это был не самовольный захват земли, а в соответствии с законодательной процедурой оформления. Происходило образование новых небольших селений. Так произошло и образование поселка Казанский Становлянского района Липецкой области. На момент основания селения территория относилась к Тульской губернии Ефремовского уезда.

По поселенному бланку (1926 г.) поселок Казанский Ламского сельского совета Лобаново — Шиповского района Тульской губернии возник после 1917 года – в 1922 году. Но возникновению поселка предшествовала в течение нескольких лет тяжба переселяющихся и живущих крестьян в деревне Ламская.

В 1919 году решением общества деревни Ламская в полукилометре от селения, за рекой Семенек были выделены земельные угодья 14 домохозяевам (по последующим документам 16 домохозяевам). Переселенцы начали обустраиваться на выделенной территории. И вот 24 августа 1920 года в Тульский Губземотдел поступает жалоба от группы крестьян деревни Ламская. В ней они указывали причины, по которым необходимо было бы запретить строительство поселка: переселенцы по поддельным документам получили земельные угодья, «ввиду доброкачественности» земли «и полурвстном расстоянии от селения», «тем более, что через реку Семенек проложен исправный мост». Также в жалобе жители деревни Ламская оказывали давление на руководство Губземотдела, написав, что если не запретят строительство поселка, то возможен острый конфликт между ними и переселенцами. Жалобу для рассмотрения направили в Ефремовский уземотдел. По указанным в ней фактам проводилась тщательная проверка, землеустроительные работы, и 21 февраля 1921 года было вынесено решение, в котором указывалась законность выделения земли переселенцам из деревни Ламская. Но с этим решением не соглашались заявители. Они постоянно будировали вопрос о незаконности, нецелесообразности образования нового поселка, обращаясь с заявлениями в различные государственные органы. Переселенцы также обратились в Тульский Губземотдел. В своем заявлении указали, что не желают переезжать с территории вновь строящегося поселка, т. к. земли для поселка выделялись законно, а в обществе деревни Ламская полная бесхозяйственность, частая смена руководства из-за взяток, неумении начальства руководить обществом, незаконные поборы с крестьян, постоянные споры жителей из-за земельных наделов. Они, переселенцы, уже собственными и выделенными Ефремовским севкомом семенами обсемили поля, на усадьбах стали возводить постройки, осуществлять посадки плодовых деревьев, образуя новое селение.

Отдельные жители деревни Ламская в отношении переселенцев в это время идут на подлость. Они пасут свой скот, лошадей на засеянных полях переселенцев, при этом осуществлялась потрава и вытаптывание посевов. Эти действия граждан дерев-

ни грозили оставить переселенцев без урожая. Ефремовская уездная земельная коллегия 16 мая 1921 года вынесла решение о принятии самых репрессивных мер к жителям населенного пункта Ламская и недопущения потравы хлебов переселенцев. Решение коллегии было направлено в Дмитриевский волисполком для исполнения.

Группа жителей деревни Ламская продолжала писать заявления в различные инстанции. И во всех жалобах ставился один и тот же вопрос. Это вопрос о прекращении строительства поселка. А причиной для ликвидации поселка было, по их мнению, выделение переселенцам плодородной земли. Они в заявлениях стали предлагать организовать поселок в других местах сельского совета. При рассмотрении этих заявлений органами власти признавалась необоснованность указанных в них фактов, поселок нельзя было организовать на предлагаемых земельных участках по определенным причинам, в первую очередь, отсутствие воды. Считалось, что выделенные земли будут способствовать развитию сельского хозяйства при обязательном использовании крестьянами 4-хполья. Это было обязательное условие при переселении.

На все коллегиальные заседания Тульского Губземотдела и Ефремовского уездного земкома приглашались представители сторон. Расстояние до города Тула составляло около 150 верст, до города Ефремов — 20. Это сказывалось на бюджете переселенцев.

И вот следующее решение останавливает все распри крестьян деревни Ламская по поводу строительства поселка. 3 июня 1921 года состоялось заседание Коллегии Центрального Отдела Землеустройства Наркомзема по пересмотру согласно постановления Президиума ВЦИК, решенного в Коллегии Центрозема 13 мая 1921 года дела по жалобе уполномоченных граждан деревни Ламская Дмитриевской волости Ефремовского уезда Тульской губернии.

Рассмотрев дело, Коллегия вынесла решение, что земельные участки переселенцам выделены на законных основаниях с соблюдением всех норм. Но были даны рекомендации. Одно из предложений было о возможности увеличения числа переселяющихся. В дальнейшем в число поселян добились разрешения и отдельные лица, которые были против поселка. В поселенном бланке 1926 года мы уже видим, что число переселившихся увеличилось почти в 2 раза и составило 25 домохозяев. После включения в списки лиц из числа жалобщиков заявления по поводу строительства поселка в органы власти прекратились. В новом списке указано, что на 25 домохозяев было выделено 12,50 десятин земли под усадьбы, 165,88 десятин пашни. Жители для личных и хозяйственных нужд использовали воду реки Семенек и трех колодцев. Заселялось селение и после 1926 года, в том числе противниками образования поселка. Как мы видим из документов, предки Игоря заселились уже после 1926 года.

Населенному пункту было дано название Казанский. Поселок в настоящее время существует. На его территории, в тихом и живописном месте расположена база отдыха «Казанский луг».

Когда я изучил дело об образовании поселка и сравнил все обстоятельства существования этого поселка, то понял, почему со своей легендой приезжал ко мне Игорь. В первом случае роль играли плодородные земли, а в современном случае — роль сыграла база отдыха. Но в обоих случаях большую роль сыграла «черная» зависть. Отдельная часть крестьян деревни Ламская стала завидовать переселенцам. Переселенцы могли же на плодородных землях получить больше сельскохозяйственной продукции, т. е. и материальных благ. Для Игоря — зависть на получаемую прибыль на хорошо организованной базе отдыха.

Но если глубже рассмотреть вышеописанные события, то они дают все основания на факт существования одной из теорий зависти — это некая генетическая программа, которая досталась нам от предков и закрепилась в процессе эволюции.

При подготовке данного материала автором использованы источники Государственного архива Тульской области.

Вячеслав Лямкин
(г. Бийск)

АВДОНЬКА

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Поздней осенью, когда черные проплешины убранных огородов да стога привезенной с полей соломы, промоченной недельными дождями, нагоняют печаль, под утро приснился Авдоньке погибший сын Гришка.

Будто сидят они в сарае под пахучими березовыми вениками, а Гришка и говорит ему:

— Батька, бросай пить, добром не кончишь! На мать посмотри, разве она от хорошей жизни в веру подалась?!

Затем берет его за руку и ведет за собой к калитке.

А за оградой-то на удивление — улица не улица, а кладбище...

Видит Авдонька — жена и дочь в слезах стоят перед глубокой ямой, в которую на белых полотенцах опускают Гришку...

Гулко ударился первый ком земли о крышку гроба, кинутый кем-то из родственников. Второй, третий...

Проснулся Авдонька весь в поту. Слабость в теле, словно и не ложился отдыхать — тяжело на сердце до щема...

Мысли путанные в голову полезли. Захотелось изменить прожитое, расставить вехи иначе, да так, чтобы до сих пор кипело радостно в груди.

— А смог бы? — задался вопросом. — Еще бы!..

2

Лукавил Авдонька. Что только с ним родные ни делали: и бабка Илясиха над головой воск отливала, и жена Валентина настойки лечебные в чай украдкой добавляла. Все едино, прикладывался Авдонька к бутылочке. С жадностью, с трепетом опрокидывал в себя полный стакан и ждал, когда горькая разольется теплом по телу и ударит в голову. Пил до беспамятства, иногда с устатку, но еще чаще, заглушая неуемную грусть, клещом майским впившуюся в душу. От того и любил Авдонька шумные компании и почти всегда вел мужиков к себе.

Заваливались разноликой гурьбой в ограду, размещались под навесом у сарая, орали до одури, дрались. А после, побежденные зеленым змием, валились с ног, забываясь тяжелым пьяным сном.

Подобными урывками и пролетела большая часть жизни, оставив за собой привкус горечи. Богатств и достатка не нажил, да и не гнался за этим.

Валентина, славившаяся на весь поселок знахаркой, не выдержав вечного пьян-

ства, ушла от него с простыми, горькими, как соль, словами: «Толя, сил моих больше нет!»

— Да и то верно, Валька! — поддержали соседки.— Дети взрослые, поймут!.. Сколько ты от него натерпелась! То в бане ночуешь, то синяки тональным кремом замазываешь!..

После развода переехал Авдонька жить в половину дома, доставшуюся ему от рыбхоза. В будние дни дольше стал задерживаться на работе, а в выходные поддавал крепко, нисколечко себе не изменив.

Выпивши, любил называть дочь «кровинушка моя». Пьяный слушался только ее. Придет Ирка вечером разогнать шалман в доме, а он, хоть и «никакой», а понимал — кровинушка пришла, и беспрекословно уходил в комнату, заваливался спать на диван.

Детей Авдонька любил и гордился — пошли в него. И старшая Ирка, и Гришка — высокие, сутулые, с несуразно длинными руками. И даже походку у него переняли.

Работа в руках у Авдоньки спорилась. Особенно по дому. Плотницкие дела: забор поправить, сараюшку перекрыть — делал аккуратно и самое главное с душой. В рыбхозе считался незаменимым в плане механизации: движок на тракторе отремонтировать, краном управлять, на крайний случай мог и комбайнера заменить.

К жене, теперь уже бывшей, Авдоньку тянуло. Частенько забегал к ней на обед. Половину жизни из памяти не выкинешь. Принимала данность и Валентина — с надеждой заглядывала в выцветшие со временем глаза трезвого Авдоньки и молила Бога, чтобы все обрзумилось. Но не дошли ее молитвы...

В ту зиму стояли морозы настоящие — сибирские. Заканчивалась командировка в Шелаболихе. До хрипоты спорили, на чем вывозить строительный деревянный вагончик. Помог выйти из положения сварщик Васька Круглыхин. Отыскал у одного деда во дворе добротные сани, оставшиеся от тяжеловоза. На них и погрузили вагончик, прицепив к «бб-му». Мужиков в вагончик набилось человек пятнадцать. Дорога предстояла длинная, и кому-то в голову пришло подтопить буржуйку. Плеснули на дрова бензин, попало на старое сено, лежавшее в саях...

Погрелись, называется. И сани, и вагончик вспыхнули в одно мгновение. А шофер с поварихой в кабине заигрывал. Не видел начала возгорания. Люди в вагончике закричали, возникла паника. Кто-то из шелаболинских огонь заметил и помог двери, подпертые снаружи, открыть. Мужикам тогда сильно досталось. Рыжий с ремзавода угорел насмерть. Авдоньку и двоих парней, рядом с буржуйкой сидевших, огонь лизнул основательно.

После пожара состояние у Авдоньки оказалось тяжелое. Ему ампутировали левую ногу по колено и три пальца на правой руке, и если бы не Валентина — не выкарабкаться бы ему. Не отходила от него ни на час. Тайком поила отварами и настоянками. А когда Авдонька пошел на поправку, сразу же забрала его домой.

Но беда одна не приходит. Не успел Авдонька привыкнуть к новому душевному и физическому состоянию, отравился Гришка.

Только-только притупилась боль, да с новой силой вспыхнула, словно колуном пытались отделить душу от тела.

— Да сам не пойму, Андрей, как случилось?!! — Плакал Авдонька в трубку телефона, рассказывая о свалившемся горе двоюродному брату Валентины. В подполе у матери взяли они банку литровую спиртовой настойки на ядовитом корне. Выпили с другом. Кольке-то сразу плохо стало. Он маленький, щупленький. А наш, пока «скорую» вызвал, пока помогал Кольку спасать, про себя и не вспомнил. Спихнулись только в больнице, когда он без сознания в руки медсестры упал.— Приезжай, приезжай, Андрей, послезавтра вынос!..

После смерти сына Валентина поседела, осунулась. На голове ее черный платок появился. В церковь стала каждый день ходить. Знахарство из души выкинула.

— Не от Бога дадено! — отвечала она на просьбы. — Господь через смерть Гришину и указал!..

А через год, продав бабкин дом, уехала Валентина с дочерью в Ленинградскую область в женский монастырь. Купили при монастыре домик, остались жить. Богу молиться за грехи, за непутевого Авдоньку, за упокой сына Григория.

Авдонька остался один.

Благо, тетя Маша, соседка, живущая за стенкой (дом разделен на две половины), присматривала за непутевым. Без корысти помогала ему, от доброго сердца.

Авдонька отдавал ей часть своей небольшой пенсии, что получал по инвалидности, и тетя Маша покупала ему продукты, платила за свет, откладывала на уголь и дрова.

Жила она без мужика. Муж ее — Санька — работал раньше в лесхозе, да лет пять назад помер ночью во сне, оставив жену с десятилетней дочкой Ольгой. Старшая дочь тети Маши — Нина уже давно уехала и обустроилась в городе.

Ко дню, когда приносили пенсию, Авдонька выходил из запоя. И только Зойка, разносившая почту и пенсию, появлялась в дверях, стучал костылем по стене, зовя свою «экономку».

— Машка, ты скоро? Пенсия прибыла!

— Эх, безнадега! — вздыхала тетя Маша, пряча несколько тысяч в передник. — Ничему тебя жизнь не учит!

— Зато проучила! — бурчал Авдонька, расписываясь в ведомости. — Если не было бы горя, то люди его сами бы придумали, а то шибко сладко бы жилось на свете.

Тетя Маша махала на него рукой:

— Разве счастье — это плохо? — спрашивала она то ли у себя, то ли у присутствующих. И уже в дверях предупреждала:

— Орать начнете — приду, разгоню!

Особое положение занимали собутыльники. На них тратилась оставшая часть пенсии: спившийся сосед дядя Вася — бывший инженер рыбхоза, Ростик — вечный калымщик и алкаш, да сердобольный Антип, работавший в том же рыбхозе на МТМ, особо любивший одну присказку и вставлявший ее каждый раз, когда держал в руках полный стакан: «Эх, душенька, родимая все примет!»

В день пенсии первый в гости заскакивал Ростик. Всегда запыхавшийся, он вытирал рот тыльной стороной руки и спрашивал:

— Ну, принесли? Машка приходила? Взяла?.. — И, получив утвердительный ответ, облегченно вздыхал, хватал деньги и бежал в магазин. Брал четыре бутылки дешевой водки, столько же «портвешка» и мчался обратно.

Антип появлялся тихо. Тщательно вытирал сапоги о задрипанный коврик, будто ждал приглашения. Самым последним приходил дядя Вася, обязательно с закуской — помидорчики или огурчики соленые. Важно прицеливался на место у окна и начинал распорядиться:

— Стаканы помой! — погонял он Ростика. — Да помидорки на тарелку выложи. Антип, шевелись! Вилки давай!.. Эх-ма, мужики, — потирал дядя Вася ладони, когда стол был накрыт. — В любом застолье самое главное — культура! Закусочка, ритуал важный, обычай!

В дяде Васе манера «руководить» раздражала. Зачастую приводила к ожесточенному спору, и нередко застолье заканчивалось потасовкой. В разгар посиделок кто-нибудь вмениял ему за чрезмерную деловитость, и дядю Васю начинало нести.

— У меня два высших образования! — ораторствовал он, когда присутствующие находились уже в хорошей «кондиции». — А «вышка» — вам не два пальца обмочить! Вами необходимо руководить! «Серая масса» может выйти из-под контроля общественной нравственности и превратиться в опасное оружие. Например, ты, Ростик, — тыкал он шабашника в грудь, — один ничего не стоишь! Бездельник! Галош дырявый!.. А десять вас, двадцать — уже угроза обществу и морали, жизненному

устою. Потому тобой надо управлять, приучать к порядку, иначе уподобишься сельскохозяйственному животному и начнешь хрюкать!

Худосочный Ростик долго молчал, глаза его наливались злобой, губы синели, словно у утопленника, и излишне жестикулируя руками, он выдавливал из себя речь:

— Образованием тычешь!? Вокруг тоже не дураки живут!

— Да, да, прав! — поддакивал Антип. — Мы два плюс два сложить можем!

— Серые массы, говоришь!? — продолжал Ростик. — Родительским воспитанием перед обществом и предстали! Ты не задумывался, почему у одного тыща в кармане, а у другого чирик? Хотя они оба человеки — цари природы! Откуда неравноправие взялось, знаешь? А то-то и оно, не знаешь, а я тебе скажу, умный ты наш! Дело в значимости! Да-да, в значимости! А значимость раздается на небе! — Ростик показывал пальцем в потолок. — И хоть ты тужься, хоть надрывайся, тебе по твоей значимости и достанется! Поэтому и приходится приспособливаться! А насчет порядка, ты его сейчас найди? Вон, посмотри! В мире сплошь и рядом бардак! А люди молчат, многих устраивает! И тебя устраивает, и нас!.. Оттого как в бардаке скрыться легче, чем в порядке!

— А это тебе за сельскохозяйственное животное! — встревал Антип, подводя итог душевного разговора кулаком, впечатывающимся под глаз дяди Васи.

После подобных инцидентов наступала идиллия в отношениях «общества». И снова пили за дружбу и уважение, а Ростик и Антип чувствовали себя опять равноправными членами компании.

С неделю шиковали, покупая водку, а затем переходили на самогон. За десяток дней до очередной пенсии средства заканчивались, самогон в долг тоже переставали давать, и тогда Ростик шел канючить деньги у тети Маши.

— Ах ты, гадина ползучая! — орала на весь поселок тетя Маша. — Совести нет, приперся! Тебе глотку почесать, а ему неделю до пенсии тянуть? Ты же его не накормишь! Дождешься от тебя! Последнее вытащишь!

После взбучки Ростик терялся на несколько дней и появлялся снова в «долгожданный денек».

На каждого из троицы распределялись обязанности.

На Антипе — печка. Когда наступали холода, он регулярно приходил и закладывал «голландку» на вечер, сразу приготапливал на следующий день — Авдонька сам утром затапливал. Не забывал, конечно, Антип и про себя. Нет-нет, да вынесет ведерочко угля из Авдонькиной сарайки.

Ростик для Авдоньки сажал и выкапывал картошку, засыпал в погреб. Колол и складывал дрова. Работу выполнял старательно и быстро, зная ей цену — после полагалось щедрое застолье.

А инженер дядя Вася руководил процессом.

— Ты, дурень, неправильно чурку ставишь!? — вещал он с крылечка. — Надо вниз сучком ставить!

— Тебе надо, ты и ставь, а мне удобно, когда вверх сучком стоит! — отзывался Ростик.

— Я б тебе показал, да у меня ревматизм!

— Алкоголизм! — бурчал Ростик себе под нос, недовольно косясь на инженера...

3

В ранние часы, до зорьки, садился Авдонька у окна. Вокруг — ни суеты, ни дружков собутельников, и никто не мешает насладиться тишиной. Нравилось Авдоньке подмечать перемены в природе, или как просыпается улица.

Первым вылезал из будки, гремя цепью, соседский пес. Лохматый, неухоженный, вечно голодный.

В соседской стайке тяжело вздохнет корова. Гулко ударят копыта о доски насти-
ла — поднялась. Только потом в конце поселка проснется петух.

Хлопнет дверь — ранняя хозяйка, гремя подойниками, готовится к утренней дойке.

Мимо проедет местный житель Холька на старой лошади, запряженной в скри-
пучую телегу. Видно, отыскал, где можно покосить или на свалке рухлядь какую
приметил.

Меж сосен пробьется первый лучик солнца. Утро! Еще одна бессонная ночь ушла
в прошлое, в небытие.

4

После отъезда жены и дочери Авдонька ощутил себя брошенным. Хоть и нахо-
дился под присмотром тети Маши, хоть навевывались друзья-собутельники, но час-
тенько ему грустилось.

Особенно обострялось ощущение одиночества, когда получал письма от дочери.
В тот момент приходило четкое осознание — никому на свете до него нет дела. А
прошлой зимой, когда тоска, словно асфальтный каток, выжимала из души последние
соки, он неожиданно встретил «близкого» человека. По крайней мере так ему показа-
лось. Хрупкая девчушка-подросток в несуразно большом пуховике, обутая в обыкно-
венные летние кроссовки, шла утром по крепкому морозцу со стороны остановки.
Авдонька только взглянул на нее, и ему сразу стало понятно — перед ним еще одна
человеческая жизнь-веревка, запутанная в крепкий узел.

— Кто, знаешь? — спросил он у Антипа, пришедшего затопить к вечеру печку.

Антип не понял, о ком идет речь. Про девчонку рассказал Ростик, придя на ве-
черние посиделки с бутылкой самогона.

— Танька, дочка Зайчихи, помнишь, сторела пьяная. Девчонке тогда лет пять ис-
полнилось, ее сразу в детский дом отправили. Большая вымахала. Теперь по выход-
ным к бабке Смольяновой приезжает, помогает по хозяйству.

— Сирота, выходит! — вздохнул тяжело Авдонька, закуривая в печку.

— Выходит, — вставил Антип. — Заяц-то старший на МТК при мне на тракторе с
дамбы кувыркнулся!

— Ты че, Авдоня, удочерить ее хочешь? — хихикнул Ростик.

— Да мне не позволят. Я так, к слову. Смотрю, идет сегодня утром, от холода
ежится. Думаю, спрошу. Ни разу не видел.

А ближе к полуночи, когда Ростик с Антипом разбежались по домам, Авдонька
постучал костылем по стене:

— Машка, не спишь? Зайди, дело есть!

— Чего тебе? — тетя Маша появилась на пороге, запустив в дом клубы морозно-
го воздуха. — Проводил дружков, скучно стало?

— К Смольянихе девчонка приезжает по выходным. Знаешь?

— Танюшка. Сирота горемычная!

— Купи ей валенки! Бедолага в кроссовках ходит, — Авдонька протянул ей деньги.

— Ты, Толик, случаем не заболел?! — тетя Маша округлила глаза. — А на кой
пить будете?

— Машка, не лезь под шкуру! Просто купи!

А на следующий день Авдонька с нетерпением караулил Таню, когда она вече-
ром пойдет на последний автобус. Впервые за много лет он почувствовал себя зна-
чимым, когда увидел девчушку, идущую на остановку в новеньких валенках, на ре-
зиновой подошве, купленных тетей Машей на рынке сегодня утром.

5

Рассвет накрыла осенняя хмарь. Забарабанил дождь по крыше, напрашиваясь в
гости. Рваные облака плыли медленно и настолько низко, что, казалось, врежутся в

лесной массив. Из окна всмотришься в молоденькие сосенки, растущие на опушке, и те ежатся и тесно жмутся друг к дружке. Березка молоденькая стыдливо прикрылась последними листочками, безжалостно срываемыми хлестким северным ветром. На горе, в загоне, жалобно блеяли овцы, сгрудившись у копны промокнувшего за ночь сена.

От осенних дождей в доме сыро и зябко. В комнате местами отвалилась штука-турка, обнажив ребра дранки. Авдонька поднялся с неудобного, выдавшего виды дивана и проковылял до кухни. Докурил оставшуюся с вечера сигарету, закинул в «голландку» дров, и пока грел чай, успел почистить картошку.

Знал, скоро забежит Ростик и попросит червонец на опохмелку. Сам же Авдонька в последнее время пил с неохотой. Пропустит стаканчик, кровь по жилам разогнать, да для поддержания разговора. Сядет у печки, откроет дверцу, курит и смотрит на огонь, молча. Нет, самогон хуже не стал. Привередой никогда не считался, и «Нитхинол» пил за неимением лучшего. А что-то оборвалось у него внутри. То ли утренние часы уединения отразились на душевном состоянии, то ли другое повлияло, но не осталось без внимания. События замечали.

— Авдоня, ты че, поди прихворал? — беспокоился Ростик, трогая ему лоб. — Давай Машку позову, пусть «скорую» вызовет.

— Не беспокойся, — отнекивался Авдонька. — Кишки прихватило. Пройдет скоро.

— Ну, смотри, тебе виднее, — успокаивался Ростик. — Если надо, маякни — я мигом!..

Сегодня к обеду Авдонька ждал гостя. Двоюродный брат бывшей жены Валентины позвонил несколько дней назад и предупредил о приезде. С ним у Авдоньки сохранились хорошие отношения.

Андрей жил с семьей в Ребрихе. Проездом оказался в Павловске, решив навестить бывшего родственника.

— Ну, как поживаешь, Толик? — с порога начал Андрей. — Ты сиди, не вставай, говори, я сам похозяйничаю.

Андрей выглядел молодо. Коренаст, плечист. Простоват. Сам павловский, но уехал в Ребриху за женой. Обосновался в чужой стороне, пустил корни. С Гришкиных похорон, считай, его Авдонька не видел.

— Живем, хлеб жуем! — ответил Авдонька. — Скрипим помаленьку. Чайник на печке только вскипел, картошка на сковородке жареная. Садись, перекуси с дороги. С Валентиной созваниваешься? А то от Ирки с год назад письмо получал.

— В том месяце звонила. Болит у нее сердце за тебя. Просит приглядеть за тобой.

— Поболит и перестанет. Машке звонит, узнает, а со мной не хочет разговаривать. Ты картошку-то ешь!..

— Ем, ем. Я, собственно, по делу приехал. Перебирайся, Толя, ко мне в Ребриху. В доме престарелых друг мой хороший работает. Пока есть возможность, устрою. Сам понимаешь, за тобой и уход должный будет, и питание, и лечение. А здесь только мучаешься?

— Машка вон за мной ходит. Продукты покупает, я ей часть пенсии отдаю, она следит. Ростик дрова колет, картошку нынче и посадил, и выкопал, и в погреб ссыпал. Антип уголь перекидал. Печку мне на ночь заправит, на утро принесет. Ведро помойное выльет. Дел начать и закончить. Пожрать я сам себе сгандоблю. Силы есть. Чего я в твоей Ребрихе-то не видел?

— Ты подумай, Толя. Эти твои Антипы и Ростики не вечны. Ну, год, ну, два проскрипишь, а потом? Захочешь, а не возьмут!

— А с домом что делать? Тебе подписать!?

— Да он мне даром не нужен! Можешь продать, деньги на книжку положить. Можешь подарить кому-нибудь. Можешь дочери в наследство оставить. На твое усмотрение!

— Взбаламутил только! — ответил Авдонька и обещал подумать.

Андрей посидел немного и, сославшись на срочные дела, вскоре уехал, оставив свой номер телефона.

Приезд родственника, а вернее его предложение, оставило на душе двойственный отпечаток. С одной стороны заставило немного задуматься, покопаться в себе, а с другой — напугало и ошеломило. Представив себя уезжающим из поселка в Ребриху, ужаснулся — не готов покинуть родные места.

— Нет, никогда!..— решил он для себя.— Здесь женился, дети здесь родились, выросли. Если разобраться, роднее этого клочка земли ничего и нет!.. Дочь живет далеко, да и я себя не мыслю без поселка и соснового бора, без речушки, бегущей позади огородов. И как Андрей мог мне предложить отъезд! Бред!..

Но вскоре жизнь расставила точки на свои места, показав — по существу, человек одинок в жизни «...и кроме матери родной ты больно никому не нужен...».

6

Почти с неделю лили дожди, загоня сырость в дома. Погода менялась на дню по три раза. Сначала ветер, словно пастух, пригнал тяжелые, свинцовые тучи с севера, и те, словно долгожданные гости, надолго засели в пойме небольшой речушки. К обе-ду за лесной опушкой прояснилось, и казалось, протянет стороной, но не на сей раз: зарядили дожди, и лишь на четвертый день наступило затишье. К вечеру похолодало. Снег белый-белый, пушистый и чем-то особенный, лег тихо ночью.

Утром вместе с первым снегом пришла и дурная новость. Прибежала Ольга, тети Машина дочка зареванная, и сказала, что матери плохо с сердцем. Вызвали «ско-рую». Медики приехали быстро, и Авдонька в окошко с беспокойством наблюдал, как соседку увозят в больницу.

На следующий день старшая Машкина дочь Нинка, жившая в городе, забрала Ольгу с собой. Перед отъездом зашли к нему.

— Дядь Толь, ты держись! Мамку на операцию положили. Ольгу я к себе... Воду из системы слили. Деньги возьми — мать велела передать, и ключи от дома, если позвонить нужно, воспользуешься. Мама сказала, чтобы ты один не раскисал. Она скоро вернется!..

Уехали... А в доме долго стоял аромат терпких Нинкиных духов.

Не сразу, на третий, может, на четвертый день подкатил к горлу ком и Авдонь-ка четко почувствовал, осознал — в соседке своей и ее дочери приобрел семью, а теперь невольно лишился. Рухнул остов его жизни. Вместо крепкой стены он ощу-тил пустоту.

Первое время за продуктами ему ходили или Антип, или Ростик, а когда снег лег основательно, в поселке случилось происшествие, из-за которого Авдонька не раз вспомнил о доме престарелых...

7

Вовка Ухин утопил вороного тяжеловоза в Касмале. По молодому льду погнал коня, держась кромки, где места самые коварные — до берега рукой подать, а глубоко. Вороной по грудь в воду ушел, не выдержал тонкий ледок, и как ни хлестал его Вовка нагайкой — тщетно, не смог выкарабкаться.

Пока горе-рыбак добрался до поселка, пока собрал мужиков в подмогу, пока приехали к месту, оказалось уже поздно.

От горя Вовка «пустился в тяжкие». Около месяца оплакивал жеребца. Ростик и Антип, забыв про Авдоньку, пропадали вместе с ним.

В те дни жизнерадостного Вовку не узнавали. Небольшого роста с широченными

плечами, вечно грудь нараспашку, он сидел дома, склонив пьяную голову над столом, и всхлипывал, словно ребенок.

— Я жеребенком его у деда Коваля на «Запорожец» синий выменял. Помните, деда Коваля?.. На Ядринцева жил... Знал старик толк в тяжеловозах. Не хотел меняться. Говорит, добавляй тыщу, знатный конь вырастет. Два раза жуковские его выкрасть хотели. Не конь, а картинка!.. Ух-ху-ху-ху!.. Ууууу!..

Авдоньке без помощи приходилось нелегко. В магазин принаравливался теперь «путешествовать» самостоятельно. Но если за продуктами сходить полбеды, то занести в дом уголь и дрова — тяжело.

Дни бежали в заботах, а в глазах росла тревога. Скоро и декабрь на дворе, а от соседей ни одной весточки. Поправилась ли Маша?.. Сделали ей операцию?..

Авдонька выбирался на улицу, подходил к калитке и долго, опираясь на старые костыли, всматривался в сторону дамбы, ожидая машины — вдруг привезут тетю Машу и Ольгу.

Наконец-то дождался!.. Но из долгожданной машины вылез муж Нинки — бритоголовый толстенький молодчик, небольшого роста, напоминающий шар. Казалось, у него даже шеи нет, сразу от головы начинается туловище. «Деловой!» — дал ему определение Авдонька.

— Привет, батя! — он застал его у калитки. — Шевелишься? Как ты?

— Да так же, как и ты! — ответил Авдонька. — Ты чей, Нинкин?

— Ага! — протянул молодчик нараспев. — Ну, батя, за домом смотришь? Давай следы, порядок соблюдай. Скоро у тебя новые соседи будут!

— В смысле новые!? — Авдоньке показалось, будто он слово прокричал. — А Машка?

— Да не переживай, батя!.. Нормально! Живые!.. — молодчик похлопал Авдоньку по плечу. — Марии Степановне после операции нельзя тяжести поднимать. Да и уход за ней первое время нужен. Нинка и решила ее у себя оставить. Дом продадим, рядом с нами им с Ольгой квартиру купим. В городе веселей, чем в вашей дыре.

«Деловой», проверив дом и забрав вещи, уехал.

Перед Авдонькой рушился его маленький незатейливый мирок.

Ощущать себя беспомощным не очень приятно...

Раздираемый разными мыслями, Авдонька, сам не свой, остаток дня провел в бесполезной суете. Вдобавок на следующий день поскользнулся на крыльчке с дровами в руках. И то ли ушиб единственную ногу, то ли связки потянул, сам не понял. С трудом добрался до дивана и дня три не мог с него встать. Естественно дом выступил и простудился. В это время он даже и не спал, а просто лежал на своем стареньком диване и смотрел в потолок, ощущая острую боль в колене да заходясь сухим, рвущим грудь изнутри кашлем. Думал: для чего человек рождается на белый свет, чего больше должно преобладать в нем — добра или зла? Как надо жить — счастливо или страдать в горе? Но ответить на возникшие вопросы не смог, лишь знал по себе — не искал ни горя, ни счастья. Жил — как положил Господь. И счастье, и горе сами его нашли... Тогда-то и пришла к Авдоньке одна важная мысль — костюм примеряют по плечам. Если великоват — запутаешься, запнешься. Окажется маленький, не успеешь начувствоваться — раньше с себя его скинешь. И, похоже, у него-то, у Авдоньки — костюмчик великоват...

Очнулся от робких толчков в плечо.

Таня Зайцева, сирота, валенки ей в ту зиму просил купить, зашла по просьбе бабки Смольяновой, справиться о здоровье тети Маши. Вообще хотела мимо пройти, боялась. Мало ли чего у «забудьги» на уме?.. Но потом, вспомнив слова бабки: «Не пужайся, он безобидный!» — завернула в сторону калитки.

— Эй, дяденька! Проснитесь! Вы живой! — Таня включила в коридоре свет и прошла в дальнюю комнату.

Авдонька приподнялся. Почудилось, будто его Иринка стоит...

— Дядя Толя, вы бледный! Прихворали, поди? Холод у вас страшный! Вы когда печку-то топили?

— Кровинушка моя! — вырвалось у него. — Помоги мне на кухню перебраться. Я-то ногу зашиб!..

С горем пополам добрались до кухни. Таня усадила Авдоньку на табурет у печки, потрогала у него лоб.

— Горячий! — вскрикнула она. — Вы один живете? К вам кто-нибудь ходит, помогает?

— Да кому я нужен! Сирота, как и ты! — ответил Авдонька и вдруг зашелся в клопочущем кашле.

Таня не стала больше ни о чем спрашивать.

— Так же нельзя, дядь Толь! — сказала она. — Сейчас исправим. Вы сидите, а я похозяйничаю немножко.

Первым делом Таня затопила печку, напоила Авдоньку горячим чаем и таблетками, найденными в кухонном шкафу, вымыла посуду, пол, принесла угля и дров на несколько дней, пожарила картошки.

— На завтра вам хватит, дядь Толь! — сказала она, управившись с делами. — Таблетки не забудьте выпить, на столе лежат, я вам приготовила. Утром и вечером. А я во вторник приеду. И если лучше не станет, то будем вызывать фельдшера.

От Таниной заботы на глаза навернулись слезы. От лекарства и тепла Авдонька почувствовал себя лучше. Даже разговорился немного:

— Ты в каком классе учишься, кровинушка моя?

— В одиннадцатом. Летом буду поступать в медицинский.

— Молоток! Ты скажи, трудно без мамки с папкой жить?..

Она ничего не ответила, только отвернулась в сторону.

— И мне тяжело. Привык. Да и ты, наверно, привыкла. С отцом твоим на «комплексе» вместе работал, хороший мужик был, безотказный. Да ты его и не помнишь, поди. Мать твоя после него и запила. — Авдонька спохватился. — Ой, чепуху замолол. Ты прости дурака старого. Нахлынули воспоминания.

— Да ничего, дядь Толь, бывает! Ладно, я пойду. А то мне до детского дома еще добираться, автобус-то уже ушел.

Он окликнул ее на пороге:

— Спасибо, Танюша, тебе за заботу! Ты приходи, я буду только рад.

Утром Авдонька даже сам вышел на улицу. Подышал свежим морозным воздухом, вылил помойное ведро в конец огорода и с удивлением заметил — в душе и в мыслях нет тревоги. Кашель немного донимал, в колене чуть-чуть саднило, но терпимо. А чуть позже Авдонька поймал себя на мысли, что часто смотрит на часы и считает минуты, и ждет не дождется, когда наступит завтрашний день. Причиной тому оказалась сиротка Таня, излечившая его, нет, не таблеткой горькой, а светлой душой, добротой и заботой. Но, несмотря на странное состояние беззаботности и некой легкости мыслей, то и дело из потаенного уголка памяти всплывал разговор с Андреем. К вечеру в странном безудержном порыве, ощутив, как острыми клещами впивается в него чувство одиночества и ненужности, да-да, именно ненужности близким, из коих являлась одна дочь, или тому же обществу, он кинулся искать оставленный Андреем номер телефона. Помнил, на клочке прошлогодней районки Андрей писал размашистым почерком. А куда он его засунул, из памяти вышибло. Поднял вверх дном весь дом, даже пробовал пол на кухне вскрывать — бесполезно. В горькой безнадеге отыскать номер телефона, Авдонька, укладываясь спать, пододел на ночь фланелевую рубашку в крупную клетку, сшитую ему тетей Машей. Вороча-

ясь с боку набок, неожиданно почувствовал уплотнение в нагрудном кармашке. Сразу вспомнил, что сидел в рубахе, когда приезжал Андрей. Развернул долгожданный листочек газеты, убедился, не ошибся ли, и вроде бы успокоился, окончательно определив для себя будущее.

8

Таня выполнила обещание, пришла через день. Влетела в дом легкая, веселая, наполнив комнаты теплым, ласковым светом.

— Дядь Толь, привет! Ну, как самочувствие?

— Благодаря тебе, доченька, почти выздоровел.

— Ну, скажете тоже! Давайте температуру смерим... Ого, тридцать восемь! Вы сидите, я сейчас мигом.

И привела фельдшера с рыбхоза.

— Ларис, посмотрите его. Третий день уже температура не спадает.

Лариска своя, поселковская. Чуть полная, чуть скандальная. Ну, а человек неплохой. Правда, начала его в плохом свете выставлять, но для профилактики можно.

— Пить ему меньше, Танюш, надо бы! И температуру лечить не пришлось бы.

И уже обратилась к нему:

— Авдонькин, а куда твои друзья неразлучные подевались?

— Ухин больше им наливает. А я, Ларка, с Машкиного отъезда, ни капли в рот!

— Ладно, давай глянем тебя.

Она посмотрела горло, послушала грудь:

— Хрипы у тебя, Авдонькин. Будем надеяться, бронхит. Дам тебе антибиотик, парацетамол, будешь пить, ну и питье обильное, отвары. Поди от Вальки-то чему-нибудь научился.

Фельдшерица ушла, а Таня снова начала хозяйничать.

Сбегала в магазин за продуктами, управлялась с печкой, немного прибралась на кухне, приготовила суп.

После, за чашкой чая, спросила Авдоньку:

— Дядь Толь, а расскажите мне про отца? А то я про родителей ничего толком не знаю.

— Ну, они моложе нас ненамного, квартиры тогда молодым давали. Где Витька Барсуков сейчас живет, они, напротив, в малосемейке жили. Леха, отец-то твой, он простой был, незатейливый, работающий. Смотришь, то он на комбайне, то на тракторе. Погиб, почему зря! По дамбе осенью поехал, а насыпь, когда пруды перед отловом спускали, подмыло. Не рассчитал — опрокинулся на тракторе. Мать твоя — красивая женщина, его шибко любила. Если кто говорить начнет плохие слова про нее, не верь никогда. Она после гибели отца начала пить. А у тебя фотки есть?

— Откуда! Дом говорят, сгорел!

— Ну-ка, достань вон ту коробку! — Авдонька показал наверх кухонного шкафа. — Сейчас я тебе покажу.

Из пыльной коробки, поданной Таней, он достал несколько старых фотографий.

— Смотри, здесь мы день рыбака отмечаем. Видишь, отец твой стоит в фуражке, а за ним мама. На, держи! Дарю на память! Забирай.

— Ой, дядь Толь, спасибо вам огромное! — Таня кинулась его обнимать.

— Бери, бери, мне они уже ни к чему! — пробурчал он и еле сдержал слезу.

9

Говорят, когда летаешь во снах, значит, душа твоя счастлива. Она возвращается в места, где человеку жилось хорошо. Летит душенька среди вершин сосновых, среди

ивовых касмалинских протоков, над березовыми колками и холмистыми сочными сенокосами, над прудом с теплой прозрачной водой и, неожиданно, опускается на лесную полянку, на которой маленький мальчуган впервые в своей жизни находит боровик и, с неподдельной радостью, сорвав его, бежит и показывает отцу.

— Папка, смотри, я гриб нашел!

— Теперь ты настоящий грибник, сына, самый «дорогой» гриб отыскал!

Авдонька с трудом узнает в молодом человеке с корзинкой в руках себя самого, а в забавном мальчугане Гришку.

«Летающие» сны Авдонька заметил после, когда окончательно решил уехать в дом престарелых в Ребриху. Если до того некое предчувствие тяготило и не давало покоя, то сейчас ощущалась легкость, словно сбросил с себя кандалы, чувствуя облегчение.

На выходных, когда Таня снова пришла его навестить, подал ей газетный листок, с номером телефона и ключи от Машкиной половины, оставленные ему Нинкой.

— Сходи за стенку, позвони. Спроси Андрея. Скажи, дядя Толя захворал, пусть приезжает и забирает меня к себе. Спросит, кто говорит, скажешь соседка. Поняла? Ну, иди!

Таня кивнула головой и ушла. Вскоре вернулась.

— Сказал, в среду приедет. Дядь Толь, а вы уезжаете?

— Уезжаю, доченька. Трудно одному! Лучше, если уеду. Для тебя, для меня, для других.

— Да бросьте, дядь Толь, чепуху городить!

— Не чепуха вовсе! Я, Танюш, вижу. Обуза и для себя, и для тех, кто со мной возится!

— Разве обуза! — вскрикнула Таня, чуть не заплакав. — Мне не обуза!

Авдонька вовремя спохватился.

— Доченька, не слушай старого! И, правда, замолол. Я ненадолго, в гости. Развеюсь, сколько можно на одном месте сидеть. Лучше давай прощаться, долго, наверное, не увидимся.

Таня обняла Авдоньку крепко-крепко.

— Дядь Толь, когда вернетесь, дайте знать. Я буду опять приезжать к вам помогать.

— Конечно же, доченька! Первая узнаешь!..

10

Андрей приехал в среду.

— И правильно, не стал тянуть с решением! Дом на кого оставил? Или продавать?

— Дарственную напишу. К нотариусу заедем, узнаем, как делается.

— На Иркут?

— Не угадал. Есть у нас сиротка одна. Отец погиб, а мать спьяну сгорела...

Авдонька часто задавал себе вопрос, что будет ощущать, когда покинет родные места. Размышлял: живет человек потихоньку и вдруг срывается и едет, куда глаза глядят, и что тогда чувствует его душа?..

Страх перед неизвестностью сковывал его горло, когда они закрывали дом, грузили вещи в машину. Но в подсознании теплилась надежда вернуться когда-нибудь сюда. С твердым утверждением в своей правоте он вышел на улицу и, обернувшись к Андрею, сказал:

— Немножко подожди. Пройдусь по улице.

Не торопясь, опираясь на костыль, пошел. Шел, вспоминая прожитое, запоминая

родную улицу во всей ее красе, с разноликими заборами и крышами, с пригорком позади огородов с одной стороны и небольшой речушкой с другой.

Прошел мимо ограды Саньки Корнея, начавшего рубить новый сруб для бани, мимо Хольки, завалившего пол-улицы хлабьем, нашедшим на свалке, прошел мимо барака, где бобылем жил Ростик. Вспомнил Антипа и дядю Васю, лежащего дома с приступом хондроза, подсадовал, что не распили с ними бутылочку на посошок...

Сжалось сердце, когда всплыло в памяти, как друзья на руках несли гроб с телом сына... Не сдержал слез, дал волю чувствам и расплакался. Невольно сравнил себя со старым псом Верным. Когда тому пришло время умирать, он ушел из дому. Ни с того, ни с сего исчез. Только через неделю, когда искал Авдонька заплутавшую корову, нашел его на опушке в противопожарном рву свернувшегося в калачик, с закрытыми навек глазами. Совсем одинокого...

— Прощай, родной поселок, прощай! — вырвалось у Авдоньки из уст, когда сел в машину, а затем впервые в жизни произнес.— И с Богом!..

Николай Макаров
(г. Тула)

О МЕДИЦИНЕ... И НЕ ТОЛЬКО

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

В воздушно-десантных войсках врачи не только прыгают с парашютом, но и занимаются своими профессиональными обязанностями.

...Тесницкие лагеря. Полигон. Лето. Одна тысяча девятьсот семьдесят третий год. Только год моего офицерского и врачебного стажа. Теплые, июльские сумерки около медицинского пункта вдруг нарушаются —откуда? — цыганским гвалтом.

Выхожу. Стоит «копейка», рядом с ней, как саранча, вылезшие цыгане. Восемь человек. Из «копейки». Восемь мужиков, более чем средней упитанности. Девятый, пожилой цыган, полулежит, закатив глаза, на переднем пассажирском сидении.

Увидев меня в белом халате, гвалт разом обрывается и ко мне подходит один из них. Объясняет ситуацию. Едут они, дескать, из гостей домой, в Тулу. И отцу стало плохо. Умирает, мол, он.

В это время санинструктор Леша Филатов, старший сержант, под метр девяносто, с дневальным, уложив на носилки больного, направляются в медпункт. Табор — за ними.

Естественно, не пускаю их. Ставлю диагноз. Оказываю первую помощь. Элементы реанимации. Другие профессиональные процедуры, необходимые при острой сердечной недостаточности. На все про все — несколько минут.

Цыганский вожачок (а может и барон?) жив-здоров. Лепечет что-то по-своему. Отходит от болевого шока. Постепенно «врубается» в обстановку. Делает телодвижения, пытается встать с носилок. Успокаиваю его. Предлагаю отвезти на своей «санитарке» в больницу.

— Нет! Нет! Все хорошо! Гуд! Камрад, спасибо! Дальше — мы сами.

Цыгане бережно поднимают его с носилок, усаживают в «копейку» на прежнее место. Сами (семь человек) внедряются (точнее не скажешь) на заднее сидение. Водитель подходит к нам, доставая огромный кошелек из крокодиловой кожи.

Я скромно отказываюсь от протянутых денег. Простите. Что вы? Клятва Гиппократов!.. И вообще, у нас медицина бесплатная... Лучшая в мире...

— Нет, доктор! Ты возьми деньги. Если не возьмешь — значит, плохо лечил нашего отца. Значит, не вылечил. За свой труд (во, философ — не за работу, а — за труд) каждый должен получать по заслугам.

Цыган, цыган, а развел... Слушай только.

Протягивает мне сторублевую купюру (мое денежное лейтенантское довольствие в ту пору равнялось ста двадцати рублям) и Алеше Филатову — пятьдесят рублей...

За добросовестно проделанный труд...

...Зимние квартиры. Место постоянной дислокации. Около Комсомольского парка. Июльская воскресная духота. Мое суточное дежурство по медицинскому пункту полка. Не отдыхает только ленивый. Тишина даже на территории воинской части.

Эту идиллию вскоре нарушает тарабарщина мужского и женского голоса на незнакомом языке. В медпункт врывается Васька Синицын, майор, начальник штаба батальона, стопроцентный цыган (за 25 лет службы я больше ни разу не встречал цыгана-офицера) с окровавленной девчушкой на руках. Врывается и его жена, цыганка. Окровавленная девчушка (почему-то тоже цыганка?) на руках — их семилетняя дочь.

Бледная. Ни кровиночки на смуглом личике. Кровь на руках и белом ситцевом платье. И ни одного слова, ни одного всхлипывания от нее. Абсолютно сухие глаза. Это не болевой шок. Это не потеря сознания. Это сознательно стиснутые зубы, чтобы не закричать, не заплакать от боли.

Пострадавшую (раненую?) — в перевязочную. (Родители, куда прете? Стойте за дверью). На перевязочный стол. Что там — у нее? Левая рука. Предплечье. От кисти вверх по внутренней стороне по направлению локтевой ямки четыре пятисантиметровые борозды распоротой кожи. Лоскуты кожи. Кровище.

Сухожилия. Мышцы. Вены. Артерии пульсируют. Слава Богу — ничего не задело. Кожа только порвана. Противостолбнячная сыворотка. Обработка раны. Тугая повязка. Зашивать раны не стал — ребенок. А я не детский хирург, не косметолог.

Так и объяснил отцу и матери, когда повезли их дочь на «санитарке» в больницу «Семашко». Там, во время наложения швов на эти раны (жуткие, страшные для ее семилетнего возраста), она опять не проронила ни словечка. Ни одна слезинка не упала из ее по-цыгански очаровательных, прекрасных глаз.

Только возвращаясь из больницы домой, она попросила отца:

— Не наказывай Мурзика!

Оказывается, в ее ранах был виноват домашний любимец, сиамский кот Мурзик. Которого она вынесла на улицу поиграть с другими кошками. Когда собралась унести его обратно домой, Мурзик всего один раз махнул лапой с острыми, как лезвие бритвы, когтями...

Через пару недель на Маринке все зажило, как... на цыганке. Маленькой, симпатичной цыганке...

...Это же душно-томное лето. Опять мое дежурство (везет мне!). На этот раз субботний вечер. Время после солдатского ужина. Очумевшие от ужаса глаза полуголового солдата.

— Там... Девочка... Утонула...

Сумка неотложной помощи через плечо. С места, как на стометровку с низкого старта. Сзади — Лешка Филатов, санинструктор, мой земляк. Также «тамбовский волк», из соседнего села.

До озера, прямо за территорией части,— рукой подать. Вон, белеет на берегу, комочек бесформенного тельца в окружении растерянной детворы и полдюжины солдат.

Не отдышавшись, с места «в карьер», кладу этот «комочек» (возможно еще живого тельца) животом себе на колено. Нажимаю на ее хрупкую спинку.

Ух! Пошла вода изо рта и носа. Жму еще. Еще пошла вода. Переворачиваю ее на спину. Кладу на кем-то подстеленную гимнастерку. Делаю искусственное дыхание. Изо рта в рот. Леша синхронно производит непрямой массаж сердца.

Минута. Другая. Без изменений. Включается «автопилот» — протягиваю руку. Санинструктор уже приготовил адреналин и шприц с длинной иглой.

Готово? Ну, с Богом! Делаю внутрисердечную инъекцию адреналина (до этого случая изучал эту манипуляцию только по учебникам). Филатов вместо меня продолжает делать искусственное дыхание.

Неужели — все? Неужели?..

Ура!!! Пульс есть. Маленький, нитевидный, еле заметный! Но есть! Сердце вновь забилось в грудной клетке. В ее маленькой клеточке. Она закашляла. Задышала самостоятельно. Процесс пошел...

В подбехавшую машину «Скорой помощи» мы передали живую девочку. Живую!.. К сожалению... не узнал ни ее адреса, ни как ее зовут...

...Без году неделя как перевелся служить в медсанбат. Бактериологом в СПЭВ (СПЭВ — санитарно-противоэпидемио — логический взвод, за время службы в котором название менялось раза три-четыре. Но не в этом суть).

Первое мое врачебное дежурство в медсанбате (сейчас имеет гордое название: «Аэромобильный госпиталь»). Пятница. Окончание рабочего дня. У офицеров и прапорщиков — физическая подготовка. Волейбол. Я сижу в приемном отделении (вначале этот случай хотел описать без кое-каких подробностей, но... истина дороже).

Итак.

Привозят больного солдата из саперного батальона. Болит живот (в моей голове сразу что-то шелкнуло: «прободная язва»). Укладываю на кушетку. Пальпирую живот. Большой орет. Сам живот — твердая «доска». Точно. Мысль, неизвестно откуда влетевшая в мою голову еще до осмотра солдата, оказалась пророческой. Прободная язва!

Иду в спортзал. Говорю хирургу — Валерке Пыхтунову — хирургу от Бога! (мой однокашник по Томску).

— Хорош играть! В приемной — «прободная»!

Игра в разгаре. Мяч мечется над сеткой. Азарт. Как бросить игру? Некогда!

— Смотри сам! Чему тебя учили?

Через десяток минут иду снова в спортзал. Теперь силой уволакиваю его из игры. С неохотой идет за мной. Мнет, щупает живот. Опять мнет. Большой в полудреме. Что странно — не орет. И живот, вроде, мягкий.

— Не сс..! Не паникуй! Ничего страшного. Простая кишечная колика. Под наблюдение дежурного врача. Под твоё наблюдение. Больного — в палату.

После волейбола — баня. Пивцо. Винцо. Продолжение банкета. Если что — вызывай. Телефоны. Домашний. Еще — один. Еще — другой. Адрес. Еще — адрес. Еще — другой адрес. Водила знает. Если что, присылай машину.

Все уехали. Остался один. С дежурными медсестрами, с дежурным по части (прапорщик Цюка), с личным составом эвакуроты (было такое подразделение в медсанбате — эвакуационная рота), с более полусотней больных (в хирургическом и терапевтическом отделениях). Так что, выходит, остался не один.

Делаю вечерний обход. Захожу в палату, где лежит мой «крестник». Он стонет. Ощупываю живот. «Доска!» твердая, жесткая «доска!» А не мягкие мышцы живота. Консилиум (?) с дежурной медсестрой: надо срочно оперировать.

Двенадцатый час ночи. Посылаю дежурные машины. Одну — за Пыхтуновым. Другую — за операционной сестрой: Любой Дерябиной.

На первой машине приезжают двое: мой друг-приятель (с Валеркой еще в Томске забирал его сына с женой из роддома) и Володька Агапов, хирург-анестезиолог.

Идем к больному. Мой диагноз: «прободная язва». Их диагноз: «аппендицит». Кишечной колики, однозначно, нет. Все равно: на стол!

Агапов оперирует. Макаров ассистирует. Пыхтунов осуществляет общее руководство из ординаторской. С дивана, устав от «продолжения банкета» (это мое первое участие в подобной операции, не считая институтских тренировок на собачках. Хирургия — не моя стихия. Ничего тут не поделаешь. Но если Родина прикажет. Не зря же шесть лет учился чему-то в медицинском).

Мы в масках. Больной на столе. Операция началась. Новокаин. Разрезается кожа. Новокаин. Вновь разрез. Новокаин. Вскрывается брюшина. И... фонтан жидкости. Из этого разреза.

Перитонит!!! От прободной язвы!

Санитарка — за Пыхтуновым. Мы с Агаповыми и Дерябиной в напряжении, не зная, что предпринимать дальше.

Возвращается санитарка. Появляется Пыхтунов. Помятый. Небритый. Глаза мутные, красные. Маску держит рукой. Мельком глянув на больного, Агапову:

— К аппарату! — И вышел.

У меня на языке вертится вопрос: «Как он будет в таком состоянии оперировать?»

Через десяток минут он опять появляется в операционной. Он или не он? Собранный, напористый, жестокий, в любую секунду готовый броситься и разорвать в клочья, хищник.

Пыхтунов оперирует. Макаров ассистирует. Агапов — общий наркоз. Операция началась. По поводу прободной язвы желудка.

Я никогда не видел, как настоящие Художники пишут свои картины. Создают Шедевры. Наверное, так же, как оперировал (надеюсь, и сейчас оперирует) Валерка Пыхтунов. Из восьмого десантного взвода Томского военмедфака.

Операция закончилась благополучно. Основные действующие лица: больной — в наркозном сне в послеоперационной палате; хирург с анестезиологом — в ординаторской пишут «оперу»; дежурный врач готовится к встрече командира батальона Белого Валерия Ивановича и начальника медицинской службы дивизии Щербина Владимира Ивановича.

Начинается новый рабочий день.

Приемный покой. Я докладываю о случившемся ночью Щербину (он самый большой медицинский начальник в дивизии). Белый стоит рядом. Рассказываю о ходе операции (только деловая часть, никаких лирических отступлений). И... не понимаю реакции начмеда.

— Как ты смел? Кто приказал? На каком основании? Почему? Бактериолог и оперировать? Его что ли нельзя было вызвать?

Я молча смотрю на Белого: что, дескать, за беспредельщина такая?

— С тобой еще разберемся! И накажем! По всей строгости! Чтобы неповадно! Другим! А где — эти? Негодяи!

Пытаюсь влезть в гневный монолог Щербина.

— Отдыхают после операции. Заслуженно.

Командир батальона, подполковник медицинской службы Белый Валерий Иванович, мой непосредственный начальник, командирским резким четким голосом подводит резюме:

— За проявленную смелость и решительность во время несения дежурства объявляю гвардии капитану медицинской службы Макарову Николаю Алексеевичу благодарность в приказе с награждением денежной премией!..

— Служу Советскому Союзу!..

...Очередные показательные занятия. Прохождение штурмовой десантной полосы ротой разведки. На глазах у генералитета из Министерства обороны. На глазах у Рауля Кастро.

Все в огне. Все в дыму. Все стреляет. Все взрывается. Кусочки самбо. Кусочки каратэ. Кусочки рукопашного боя. Мельканье кулаков. Мелькание подкованных сапог. Мелькание штык-ножей. Мелькание саперных лопаток.

На последнем рубеже, около горящего полуразрушенного здания, перед глазами высокопоставленной публики (дым вдруг рассеялся), вместо того, чтобы откатиться

влево (как на тренировках), один солдат откатывается вправо (забыл, наверное, в этом огненном азарте). Откатывается вправо и получает, со всего размаха, удар штык-ножом. В область сердца...

Крики?.. Нет, криков не было. Западло русскому десантнику кричать от боли, от какого-то там удара штык-ножичка. Тем более, на глазах у нашего лучшего брата-министра обороны Кубы.

Опять дым повалил в сторону зрителей, которые так ничего и не поняли. Мне в этой огненно-дымовой свистопляске приходится делать бойцу обезболивающее, накладывать тугую повязку на грудную клетку. На носилки пострадавшего и — в медсанбат.

Какие-то доли миллиметра отделяли сердце (был слегка задет перикард — оболочка сердца) от лезвия штык-ножа. Через месяц десантник поехал в отпуск...

...Похожий случай. Почти похожий.

Слякотная мартовская ночь. Ротные стрельбы из всего штатного оружия. Автоматы, ручные пулеметы, ручные гранатометы, противопехотные наступательные гранаты, пулеметы и пушки всех ротных БМД (БМД — боевая машина десанта): шквал огня в кромешной темноте. Свет только от трассеров; горящие фонарики на спинах командиров, да подсветка мишеней, габариты боевых машин.

Цепь солдат и БДМ растягивается по фронту почти на километр. Кто-то на пяток метров впереди, кто-то на эти же метры отстает. Днем-то трудно держать более-менее равнение при ротных стрельбах (хотя, идеальное равнение, в принципе, и не нужно), а что тогда говорить о ночных стрельбах. Когда практически не видно ни соседа слева, ни соседа справа. Какие-то только огоньки. То ли мишенная подсветка, то ли фонарик у кого на спине. Вальпургиева ночь, одним словом. Шабаш на Лысой горе. Так, ненароком, можно и попасть вместо мишени в кого-нибудь. Тьфу, тьфу, чур меня, нечистая.

Я еду сзади на «санитарке» (УАЗ-452-А), рядом с БТРД (БТРД — бронетранспортер десанта, похожий на БМД, только без башни и пушки). На котором находятся, кроме механика-водителя, руководитель стрельб и посредник из штаба дивизии. Мой первый комбат, подполковник Нестеров Виктор Васильевич (для ближайшего окружения и друзей — «Нестор Петрович»).

В какой-то момент, неуловимый миг (а можно ли этот миг уловить?) меня «накрывает» какая-то вязкая чернота весеннего уплотненного (можно даже потрогать) воздуха. В тревоге бьется сердце. Время останавливается.

Сейчас что-то произойдет. Что-то случится непоправимое. Нужно остановить эту огненную ночную свистопляску. Срочно прекратить стрельбу. Иначе — быть беде.

Перебираюсь на БТРД. Прошу Нестерова прекратить стрельбу. Он, естественно, посылает меня с моими ощущениями к батьке Махно. И...

Прямо перед нами в каких-то пяти шагах вправо от машины раздается вскрик... Звуки замирают. Все замирает. Мертвая тишина. И скулеж невесты, как появившийся в этом шквале огня, собаки.

С сумкой неотложной помощи бегу (перепрыгиваю эти метры с брони) на крик.

Не подводит меня, к сожалению, предчувствие. На прошлогодней мокрой жухлой траве лежит солдат. Лицом в землю. Освещаю фонариком. Да БТРД направляет фары. На спине еле заметная дырочка. Сходу ставлю диагноз.

Сквозное пулевое ранение в правую половину грудной клетки. Задето правое легкое. Пневмоторакс. Делаю обезболивающее. Тугую повязку на спину и грудь. Носилки. Матерю вокруг столпившихся. В том числе руководителя стрельбы — комбата Васю Поповича, и посредника со штаба дивизии — Нестерова, и командира полка — Сердечного.

Быстро в «санитарку». Медсанбат. Бригада хирургов на месте. Операция. Все

обошлось благополучно. Несмотря на то, что пуля была от «Калаша-5,45», со смещенным центром тяжести.

Раненому повезло. Выстрел был произведен почти в упор (случайно, конечно же) и особых бед своим крутящимся-вертящимся моментом пуля не принесла. Как впоследствии выяснилось на следственном эксперименте: один солдат чуть-чуть опередил цепь «наступающих», другой солдат на чуть-чуть отстал от этой цепи. И никакой мистики... Или мистика?..

...Еще о невероятном ранении. И о невероятном везении. Случай анекдотичный: нарочно не придумаешь.

Лето 1982 года. Тесницкие лагеря. Железнодорожная станция «Тесницкое». Погрузка в эшелон тыловой группы Тульского десантного полка, отправляющейся в Гороховицкие лагеря. В район предстоящих учений. В район десантирования. У меня почетная миссия: назначен старшим медиком на эти полковые учения (всего год назад, как перешел служить в медсанбат — вышестоящую организацию) и также отбываю с этим эшелоном с другими офицерами дивизии.

Личный состав, не задействованный на погрузке, отдыхает, кто как может. Спят. Гоняют футбол. Курят. Слоняются туда-сюда без дела. Повара с ПХД (ПХД — пункт хозяйственного довольствия) кормят сухарями местного привязанного к дереву небольшого бычка. С острыми рогами.

Один дотошный повар дает этому бычку покурить. Зажженную сигарету. И то ли повар растерялся, то ли бычок не знал с какого конца надо брать сигарету, но получилось точно по чеховскому «Хамелеону». Горящий уголек «бычка» (здесь: «бычок» — остаток сигареты) попадает в ноздрю настоящему бычку.

Рев раненого на корриде зверя. Оборванная веревка. Резкое движение головой. С острыми рогами...

Рев раненого на корриде тореадора. Потоки крови. Руками зажатая мошонка.

В медсанбате на операционном столе констатировали: повреждена только исключительно (!!!) кожа, кожный покров мошонки. Остальные очень и очень жизненно-важные органы под этой кожей не повреждены. И даже — не задеты.

Мистика?..

Александр Петренко
(г. Краснодар)

«ХОЗЯЙКА ЗВАНКИ»

Александр Викторович Петренко (псевдоним — Александр Ралот), краснодарский прозаик, публицист и краевед. Автор пятнадцати электронных книг, и десяти бумажных. Публиковался во многих российских и зарубежных периодических изданиях, в том числе в «Приокских зорях». Член Союза писателей России. Победитель и лауреат многих российских, зарубежных и международных конкурсов. Лауреат литературной премии им. Олега Бишарева. Награжден рядом литературных медалей.

*Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить;
Подчас и не бессилен
С Милоной пошалить*

Гавриил Державин
Зима 1794 года.

Дверь в комнату распахнулась и в нее влетела запыхавшаяся служанка.

— Барыня! Ой, что я вам сейчас поведаю. Конюх наш, давеча прискакал. Так он по дороге, такое...

— Сядь, угомонись. Толком можешь сказать, что случилось? Пожар на конюшне? — Дарья чуть ли не силой усадила девушку на стул.

— Некогда мне сиднем сидеть. Бежать надобно. Неровен час, вы распорядитесь стол накрывать. Кушанья подавать. Наливки, всякие.

— Никуда я тебя не отпущу. Ежели ничего в имении не горит, так что же ты, словно скаженная, в комнату врываешься?

— А как же иначе-то? Ведь они вот-вот досюдова доедут!

— Да кто они?

— Конюх по дороге сватов повстречал. По вашу душеньку, барынька, поспешают!

* * *

В высшем свете не первый год ходила молва о красоте девиц Дьяковых. На балах сестры выглядели просто очаровательными. Не раз, влюбленные, до безумья, молодые (и не очень) кавалеры обращались к их отцу за благословением. Но обер-прокурор, статский советник Алексей Афанасьевич, выдавать дочек за первых-встречных, не спешил. Тянул время. Но все же выдал одну за известного архитектора и поэта Львова. В скорости и вторая стала именоваться графиней Стенбок.

* * *

Даша званых балов не чуралась, но какого-либо трепета от подобных мероприятий не испытывала. Танцевала весьма недурно. Когда просили, с явной неохотой, играла для гостей на арфе. Из вежливости, без удовольствия.

Девушке было гораздо интереснее рыться в бухгалтерских книгах отца. Многочисленные отчеты от управляющих имений. Чертежи казенных построек. Рулонами лежавшие в кабинете батюшки.

* * *

Однажды, будучи в гостях у хозяина со странной фамилией Капнист, Даша познакомилась с молодой, симпатичной женщиной, которую присутствующие называли Пленирой. Так прозвал ее супруг. Известнейший поэт — Гавриил Державин. Утверждал, что придумал имя сие, переделав глагол «пленять». Отец ее прибыл в Россию из далекой Португалии. Состоял в свите императора Петра Третьего, а матушка была кормилицей великого князя Павла.

* * *

Вечером того же дня многочисленные гости хлебосольного дома затеяли игру в горелки. Развеселились не на шутку. Все это действо Дарье не нравилось. Но законы приличия не позволяли ей уйти. Тем более, что в скорости наступила ее очередь водить. Погналась за убегающими и налетела на мужчину в расшитом золотом камзоле. Тот церемонно отошел в сторону и вежливо поклонился.

— Дашутка, познакомься,— запыхавшаяся от бега Пленира представила ей вельможу. — Мой супруг, Гавриил Романович.

Дьякова наконец подняла голову и встретилась взглядом с веселыми глазами мужчины. Душа девушки, в мгновение ока, обрушилась в какую-то бездну. О наличии которой она, до этого дня, даже и не помышляла.

* * *

Императрица назначила поэта и чиновника Державина своим личным кабинет-секретарем. Отныне пребывание в столице стало для него обязательным, а по сему, Гавриил приобрел участок на набережной Фонтанки.

Дашин свояк, архитектор Львов, спроектировал усадьбу. И работа закипела. Девушка при первой же возможности спешила туда. Просила показать ей эскизы. «Заказчики» вознамерились разместить в одной из комнат соломенные обои. Пленира захотела расписать их собственноручно. Пригласила всех оценить работу. Приехала и Дарья. Девушке к тому времени уже стукнуло двадцать пять. Красотой ее бог не обидел. Но потенциальных женихов отпугивала величавая фигура и пронизательный взгляд. Такая жена, однозначно, будет главенствовать в семье. С ней, уж точно, не забалуешь!

— Присмотрись вон на того. Чем тебе не пара,— Пленира на правах верной подруги указала на одного из гостей.

— Ты мне лучше подыщи такого, как твой Державин. За него пойду, не глядя. И с ним буду счастлива до конца своих дней!

К подругам подошел поэт.

Девушка смутилась. Густо покраснела. Тут же распроцалась, сославшись на неопложные дела. Вечером того же дня уехала к старшей сестре, в Прибалтику.

Более они с Пленирой никогда не встречались.

1794 год

Похоронив супругу, Державин не находил себе места. С утра до вечера слонялся по гостиной, расписанной ее рукой. Потом вдруг убежал из дому и бесцельно бродил по столице.

Шесть месяцев спустя

В голове поэта зазвучал голос: — Женись на Дьяковой. Только она сможет излечить тебя от пустоты! Исцелит, окончательно! — Чиновник не заметил, как уснул. А утром встал окрепшим.

Созвал друзей. Сообщил им свое решение.

— Ежели немедля не женюсь, ей богу, впаду в распутство. К тому же, Дарья недавно вернулась из поездки. Это ли не знак?

* * *

Отец Дарьи не так давно обрел свое упокоение на кладбище. Девушке предстояло давать ответ сватам самостоятельно.

— Дайте время подумать. Более того, не сочтите за труд, пришлите мне, для ознакомления, хозяйственные книги Гавриила Романовича. Замужество — дело не шуточное!

Немолодые сваты повидали всякое. Но с такой просьбой столкнулись впервые.

— Барышня, не извольте сомневаться. Гавриил Романович пришлет требуемое незамедлительно.

— А чего на них глядеть? Нет в том никакой нужды. Но коль ей надобно, отправляйте. Противиться не стану.

* * *

— Ясно! Дела расстроены, но не до крайности. Ежели взяться с умом, то поправить можно,— девушка захлопнула последний «гроссбух». Ее страшили не финансовые дела. Она была уверена, что справится с ними в кратчайший срок. Дарью тяготило другое. Сможет ли она заменить Пленуру? Не замечая, девушка, еще не став законной супругой, уже ревновала любимого человека к покойнице!

* * *

Госпожа Державина трудилась, не покладая рук. Выкупила у матери имение Званка. Начала возводить на берегу реки роскошную усадьбу. Их семейное гнездышко. «Там супруг будет сочинять свои произведения. А я окружу его заботой и лаской. Коля Львов мне в этом поможет. А как иначе? Родственник мой, да к тому же и друг «заказчика». Пусть сотворит шедевр. Чтобы свершилась полная гармония природы и архитектуры. И будут званы в Званку все друзья. Каждое лето отныне станем проводить только здесь. Да и еще! Надобно пригласить садовников. Самых лучших. Нужны парки. Чтобы зелени поболее. В них поселится муза для моего супруга. Не может не объявиться!».

Одни имения она, без всякой жалости, продавала. После двух лет неурожая рассталась с винокуренными заводами, зато купила канатную фабрику (Флоту российскому и торговому подобная продукция завсегда надобна будет!) и конезавод.

— Значит, так! Записывай, дабы не забыть! — обратилась хозяйка имения к управляющему. — Нынче пошлешь расторопного человека в город, а лучше съездить. Купишь у купцов, только оптом, так дешевле выйдет, шерсти и ниток, поболее.

— Для чего, матушка? Ведь лето на дворе, дни погожие стоят? В теплое никто не кутается.

— Правильно. Вот продавцы цену-то и сбросят. А зима, она в положенный срок обязательно заявится. Неужто ты в этом сомневаешься?

— Нет. Конечно. Вам барыня виднее. Будем вязальщиц из деревни выписывать? Сколь потребно?

— Нисколько. Нет. Одну все же привези. Самую лучшую. Пусть наших лакеев своему ремеслу обучит. А затем у них товар принимать станет. Со всей строгостью!

— Непонятно мне, матушка. Растолкуй, про лакеев-то.

— Чего же тут не ясного. Они ведь дежурят в доме по ночам, так?

— Знамо дело. По очереди. Согласно списку, утвержденному.

— Не спят?

— Вроде бы нет. Да разве за ними, окаянными, углядишь.

— Вот пусть чулки или какие другие вещи вяжут. И им будет чем на дежурстве заняться, и нам с Гавриилом Романовичем прибыть. Далее истопников отправь обратно по деревням. Летом им здесь делать нечего. Оставь одного, для баньки.

— А осенью опять сюда доставлять?

— Не надо. Музыканты наши печи топить станут. Чай спина от этого не переломится.

Через несколько лет материальное состояние четы Державиных приумножилось вдвое!

* * *

Державин не видел ничего зазорного в том, чтобы сказать комплимент-другой и оказать некоторые знаки внимания молодой девушке или даже написать специально для нее пару поэтических строк.

Милена (именно так ее стал величать Державин) не ревновала. Умом понимала, что, как бы она ни старалась, ее любимый все равно сравнивает нынешнюю жену с той первой. И это не в ее пользу.

Эх, послал бы нам господь деток,— размышляла Дарья,— глядишь, все было бы иначе. Но один год сменял другой, а они не нарождались.

* * *

Случилось так, что Гавриила Романович, после долгих мытарств, смог выхлопотать приличную пенсию для пожилой вдовы.

Старушка не раз пыталась отблагодарить чиновника. Но тот все подношения немедля возвращал назад. Тогда она сама пришла в его кабинет и поставила на казенный стол плетеную корзину.

— Там для вас лежит лекарство от сердечной тоски. Я отчетливо вижу ее в ваших глазах. «Назовите это Горностайкой»,— не сказав больше ни слова, женщина покинула помещение.

В корзине лежал белой щенок с огромными глазами.

Строгий начальник пришел в восторг. Тут же спрятал «лекарство» за пазуху и велел немедля подавать карету. По дороге решил длинную кличку сократить.— Буду звать собаку просто — Тайка.

Супруга тихо радовалась, наблюдая, как муж возится со щенком.

И животное, и Милена беззаветно любили Державина. Более того, всячески оберегали его от всевозможных невзгод. Правда, каждый по-своему.

1803 год

Державин служил одной императрице и двум ее наследникам. Но пришло время покинуть государеву службу. Старомодное бескорыстие было не в моде. И на старика подчиненные и начальство смотрело нынче с явным недоумением.

Совсем недавно покинул этот мир друг и родственник Николай Львов. Его жена Мария в скорости отправилась вслед за мужем. Двух их дочерей чета Державиных забрала в свою Званку. Туда же Гавриила Романович привез и осиротевших детей сослуживца. Имение наполнилось юными голосами.

Для молодого поколения устраивали балы и маскарады. Женщине очень хотелось, чтобы Державин постоянно слышал веселый детский лепет.

* * *

Милена, обняв супруга, стояла на террасе их дома на Фонтанке.

— Вон там! — она показала рукой вниз, — я хочу разбить парк. Уверю тебя, он будет превосходен. Но не сейчас, а когда появятся деньги.

Хозяин дома улыбнулся: — Не печалься о том, что я нынче в отставке. Поверь, рублики в скорости придут. Их принесет Муза. И на твой проект хватит, и на наряды нашим девочкам.

Даша удивленно посмотрела на поэта. Как бы невзначай, провела ладонью по его лбу.

* * *

Через несколько дней увидел свет сборник державинских произведений. Книга разошлась, как горячие пирожки.

Работа в парке закипела. Даша принялась за новые проекты. Но войска Наполеона уже перешли границу.

* * *

После полной виктории русского оружия отправились путешествовать на Украину. Дома объявились лишь летом. Сад запустел, а некогда пышные кусты сирени, облюбовали полчища кроваво-красных жуков.

— Милена, ты видишь это?

Даша молча кивнула.

— Дурное знамение.

Июль 1816 года

Державин захворал. Супруга мгновенно вспомнила треклятых жуков и стала упрашивать Гавриила Романовича поспешить к доктору. Но тот категорически отказался.

* * *

— Дарья Алексеевна, голубушка. Едем! Лошади вконец застоялись. Вечереет уж. Она не отвечала. Смотрела на свою Званку. Думала, что прощается с ней навсегда. Но судьба распорядилась иначе.

* * *

К безутешной вдове пожаловал всесильный граф Аракчеев.

— Мне ведомо о некоторых ваших финансовых затруднениях. Могу помочь. Куплю у вас имение.

Державина отказалась.

Предложение поступило вновь. На этот раз от самого императора.

— Доставь письмо во дворец,— Милена протянула лакею конверт. Внутри лежала короткая записка.— «Памятью супруга не торгую. Готова подарить имение государю, но продать — никогда!»

Весна 1842 года

После смерти супруга Дарья Алексеевна прожила долгих двадцать шесть лет.

Взошел на престол Николай Первый, подавив восстание на Сенатской площади. На дуэли погиб поэт Пушкин, которого обожал ее Державин. И еще много чего случилась за эти годы.

* * *

Вдова, как умела только она, распределила имущество между родственниками и слугами. Велела перевести весомое пожертвование в Казанский университет. Учредить там стипендиальный фонд. Оказывать финансовую помощь. Выдавать деньги исключительно неимущим студентам.

Открыть в имении училище для девочек-сирот.

Отдав все необходимые распоряжения, велела запрягать карету. Вести ее в Званку.

* * *

По приезду первым делом отправилась в сад.

Сирень цвела обильно и роскошно. Жуков на ней не было.

— Добрый знак! — подумала женщина.— И вообще никто и никогда не любил его, как я! И в этом невозможно усомниться!

* * *

Гроб с телом хозяйки Званки отправили по реке, на старом ботике. Кораблик должен был доставить его к могиле Гавриила Романовича. Иного места своего упокоения эта женщина и представить себе не могла!

* * *

*Напиши мою Милену,
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;*

Гавриил Державин.

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ
Предисловие

Все полагают, что на Руси жизнь скучна своим однообразием, и ездят отсюда за границу развлечься (здесь и далее выд. Н. С. Лесковым.— Авт.), тогда как я утверждаю... что жизнь нигде так не преизобилует самыми внезапнейшими разнообразиями, как в России. По крайней мере я уезжаю отсюда за границу именно для успокоения от калейдоскопической пестроты русской жизни.

Н. С. Лесков «Смех и горе»

♦ Сразу оговоримся, что не столько хрестоматийная «болдинская осень» в холерном карантине гения русской поэзии подсказала нам в затворничестве самоизоляции известной пандемии название этих новелл — пусть кто как хочет их именует: очерки, рассказы и пр., — но недалекое соседство с моим домом улицы, названной в честь героя Великой Отечественной войны генерала Болдина. То есть наш небольшой квартал, домов в десять, пятиэтажек, по направлению юг-север располагается между главным проспектом Тулы имени величайшего практика создания социализма Владимира Ильича Ленина и улицей Фридриха Энгельса, основоположника диалектического материализма (Маркс «отвечал» за политэкономия). Торцами прямоугольник квартала с одной стороны упирается в сквер с памятником Льву Толстому (ск. Буйкин, арх. Колчин, 1973), с другой — в некотором отдалении охватывается улицей Болдина.

А межсезонье — вместо пушкинской осени? Это по причине отсутствия в этом году зимы как таковой. Только дважды наблюдался легкий морозец, державшийся по полтора-два дня. Словом, с осени по весну, включая и их по преимуществу, многомесячное межсезонье, на которое, чтоб до кучи! и зловещая эпидемия наложилась. Даже людям верующим, воцерковленным негде и свечку за избавление от напастей поставить: в домах давно образа из обихода вышли, а храмы на карантине...

Насчет беззимного межсезонья, впрочем, неча все валить на глобальное потепление. Вот и президент Трамп в него не верит, может и правильно мыслит, даром что из немцев происходит, — это где родина «сумрачного германского гения». Почему-то все высоколобые, явно с подачи СМДИ (средства массовой дезинформации), забыли о простой вещи: вековой ритмике качания холод-тепло. Вот и во времена Пушкина схожее с нашим наблюдали: «Зимы ждала, ждала природа...». А когда с карантина снимут музеи, сходите в Третьякову или в Эрмитаж (по месту жительства), торопли-

вые же пусть по «инту» наберут по поисковику «старые голландцы», на полотнах которых узреют ребятишек, катающихся на коньках по льду замерзших — ныне теплых — голландских водоемов и играющих в хоккей (какая там Канада родина хоккея...). А все потому, что самое ближнее к нам по времени малое оледенение случилось всего-то в XII—XIV веках! Сейчас вот потепление, а впереди очередной малый ледниковый период. Не утверждаем, но возможно, что «глобальное потепление» есть такая же коммерческая шутка, как разрушение озонового слоя атмосферы испарениями хладагента фреона из холодильников (?!). Как только на рынке этих приборов восторжествовали транснациональные компании с иным способом тепловыведения, так в один миг и прекратились «песни народностей» про озоновый слой... Понятно, что с глобальным потеплением гешефты и «панамы» намного серьезнее, глобальнее, потому и название такое.

И все грандиозна ситуация с нынешней пандемией. Но здесь и слово-то молвить, забредя в самую безлюдную пустыню, опасливо, не то что в обиход пускать через интернет, тем паче оттиснув литерами на бумаге... даже в одном экземпляре. С экрана телящика с утра до вечера ролик крутят: суровый мужик в черном монашеском одеянии и с деревянной киянкой-молотком в руке пугает добрый народ на нижегородско-американском наречии. Дескать, по *фейсу* вас за *фейки*, то есть распространение недостоверностей про эпидемию, штрафы килограммовые. Все по закону, который по доброй истари русской традиции, «что дышло...». Поэтому промолчим до дозволения.

Ну да ладно, а то вовсе перейдем в тот треп, что ближе к вечеру по всем программам телящика по два-три часа без перерыва на перекур ведут осанистые мужики, причем бабьими визгливыми голосами, слитными, без пауз, словами и по пять-шесть человек одновременно, как на одесском базаре в разгар торгового дня... А нут-ка разьясим читателю: чего это расписался в свободнодосуговое болдинское межсезонье?

Конечно, справный сельский мужик в стародавние времена, когда в каждом губернском городе еще не стоял наспех возведенный из гофрированных оцинкованных железных листов заводик по отверточной сборке японских, китайских, европейских и американских лаковых пластмассовых легковых авто, поездив в оброчный день вволю на своей труженице лошадке, по прибытии в родную избу не торопился тотчас ставить ее в стойло к овсу и сену, а с полчаса неторопко выгуливал своего гнедого или каракового по двору. Чтобы конь успокоился, отпотел, забыл на время от рыси, галопа, иноходи. А детишки малые, что на пороге избы столпились, подмечают не по-детски наблюдательными глазами: ходит на недоузке отцовом их Савраска по кругу и никак не может отойти от рабочего бега... Так и сочинитель, попав в безвыходный из дома карантин, все не в силах тотчас облениться, посуточно успокоиться на уютном диванчике с книжкой в руках, при включенном для фона телевизоре (а в холодильнике початая бутылочка «со слезой»!). Все неймется ему. Зажмурит глаза — и видится на домашнем рабочем столе целиковая десть еще не исписанной бумаги с водяными знаками писчебумажной фабрики купца 1-й гильдии Мартемьянова с сыновьями. И в легкомысленной хрустальной вазочке торчком пук свежечиненных гусиных перьев. А в сложном письменном приборе с дарственной серебряной табличкой, преподнесенном друзьями-литераторами к тезоименитной годовщине, стынут без дела отличные железисто-галлусовые чернила немецкого химического завода *Wolfgang Keiserstuhl*.

Так и мы, ничтоже сумняшеся. Вроде как к лету все дела переделаны по части рукописания: завершил очередной том многокнижной научной монографии; уже в первые две недели карантина и в романе новом, как французы говорят, *point sur les «i»*. Опять же первый номер этого года литературного журнала, что редактирую, вышел, а за следующий по графику только через месяц следует браться. Отчего бы, потрудившись усердно и с перевыполнением годового плана, и не прилечь на оттоман-

ку с томом Достоевского, Лескова, Тургенева, которых вроде бы и наизусть память держит, но наслаждение от очередного перечитывания столь велико, что даже рюмка-другая грузинского коньяка «Грэми» десятилетней выдержки в сравнение не зачтется... Словом, не хочет извозчищий трудяга Савраска идти в стойло к овсу и сену, а все меряет да меряет кругами истоптанный свой двор. Кем родился, тем и приго-дился, перефразируя известную поговорку — от географического акцента, так ска-зать, к профессиональному.

Итак, апологизировали свое писчебумажное усердие в болдинское межсезонье — очередной сюрприз глобализации, в отличие от сомнительного рукотворного гло-бального потепления — с явно созданным в лабораториях избирательным на старшие поколения вирусом и наблюдаемым повсеместно губительным его действием. Ох, забыл про *фейки*...

Второй вопрос для самого пишущего: какова же форма-жанр и тема такого, «от нечего делать», рукописания? И на него, особенно не растекаясь по древу, сообра-зим ответ.

«Ты до дна масляи, только тобой подавишься»,— русский фольклорный семан-тический аналог известного утверждения, почему-то приписываемого остряку Бер-нарду Шоу в его отзыве на философию Гегеля. О том, что всякая идея, доведенная до совершенства, есть абсурд. А наш любимый сочинитель Николай Семенович Лесков в произведении, из которого извлечен эпиграф к настоящему предисловию, в отно-шении к литературе таковую маслянистость или совершенство именует «абсолютной честностью». И мы таковым эффемизмом будем пользоваться, уже и не закавычивая этих слов. То есть разберемся в триединстве: лесковская абсолютная честность, жанр литературного сочинения и тематика оногo. Причем не в логической, не в философ-ской, не в семантической трактовке, что скучно, просто отвратно для читателя бел-летристики, ведем речь, а, что называется, от опыта. А если автор ссылается на личный опыт, то это еще более усугубляет внимание и приязнь (гипотетического) читателя. Речь, понятно дело, идет о современном массовом — ха-ха-ха! где он, наш родненький, в наше-то оцифрованное и умозамещенное (термины наши) вре-мя? — читателе, попривыкшем, вернее напрочь переученном телящиком, интере-соваться не каким-либо творчеством, а грязненьким бельишком его создателя. От-сюда и интерес к личному. Что ж, эффективно бороться с врагом его же оружием, поэто-му массовый нездоровый интерес к личному используем в своих «корыст-ных» целях.

Регулярно публикуясь в десятке-другом литературных журналов, российских и белорусских, в последнее время заметил с огорчением, что почти все мои предло-жения вежливо или молчаливо, мягко говоря, не встречают интереса. Обычное воз-ражение — большой объем. Грешен, воспитанный на Лескове и Достоевском, тяго-тею к объемлющей пространности в своих рассказах (о крупном жанре и речь не идет в современной литературной журналистике). С другой стороны, даже не все так называемые новые журналы, то есть начавшие издаваться сразу по окончании «лихих девяностых», когда было «не до тебя, Федя, не до тебя», стремятся отдавать предпочтение «стенгазетному формату» — пока мы последнее слово используем в традиционной русской этимологии, от «формы», в данном случае объем в стан-дартных машинописных листах. Стенгазетный — значит объемом в страницах по числу пальцев на одной, максимум на двух руках. То есть редакция такого журнала преследует две большие цели: всем сестрам по серьгам, а если журнал с платными публикациями, то и сборы с авторов на печатание тиража вроде как не обремени-тельны для них.

Это все понятно; вообще говоря, издающие сейчас литературные журналы кол-лективы суть герои наших нелегких будней победившего класса-гегемона, истинные подвижники, великая честь и хвала им, счастливым творчеством организующим, но в

миру бедным аки мыши церковные — монахам в этом мире ради поддержания остатков бывшей великой русской литературы. Советской тож.

Но вот здесь и закрадывается сомнение (не путать с сомнением!): а только ли ради одаривания литсестер серьгами журналы не печатают даже хорошо им знакомого, дружественного автора, формат сочинений которого несколько превышает стенгазетный? Может все дело в абсолютной честности этого автора, который в своих плодах литературных упражнений старается, конечно, в силу отпущенных ему кем надо способностей, отобразить всю глубинность — до «дна масляного» — сегодняшней жизни, провалившись в бездонную и страшную яму глобалистской бездуховности, она же расчеловечивание, умозамещение и цифрофрения? А такая глубинность отображения есть сущность традиционного русского критического реализма в литературе. Или нового такого же реализма, извиняемся за нескромность, манифест которого был опубликован нами в нескольких литературных изданиях. Но востребована ли она сейчас, эта-то глубинность, точнее, устремленность к ней?

Вот в чем вопрос и ответ. И никуда от него не денешься в человеческой психологии. Любому же человеку и по обыденной жизни присущ в той или иной мере «страусов комплекс», а когда эта жизнь проваливается в указанную выше яму, то... и взятки гладки с несчастливца. А для отказов таким «глубинным искателям» и пришел в нынешний журнальный обиход паскудненький американизм *формат*, он же *неформат*, созвучный на 100 % с названным выше традиционным словом, но понятийно расшифровываемый как «подходит / не подходит нашему журналу <имярек> по причинам идеологическим, широко и конкретно понимаемым, и... будьте столь любезны, милостивый государь <имярек>, в дальнейшем не ставить нас в неудобное положение. Остаемся и пр.».

Поскольку же в эпоху глобализма классовость общества, опять же глобального, человекиника по А. А. Зиновьеву, отсутствует, то и идеологии в доселе принятом смысле нет. А в определении американизма *формат* под идеологией завуалировано подразумевается именно «страусов комплекс». Круг замкнулся, как в физиологии «порочный круг патогенеза» — биологи и медики поймут, равно как и любой всесторонне образованный человек — прерогатива не столь уж отдаленного прошлого. Увы и безвозвратно.

Полагаем, хотя и кратко, но доступно объяснили триединство абсолютной честности, тематики и жанра — последнее в части «стенгазетного формата», из какового (триединства) как-то надо выпутываться, ибо сейчас не время «писать в стол», публиковаться где-то надо. Хотя и «свой» литературный журнал, что называется, под рукой, но крепко в память запали слова советского классика Бориса Михайловича Зубавина, первого главного редактора «Нашего современника», в семинаре которого я состоял в бытность учебы в Литинституте. Седовласый ветеран советской литературы с огромным жизненным (штурмовал рейхстаг капитаном-артиллеристом) и творческим опытом, организатор литературного процесса ненавязчиво говорил, что если кому-то из нас, его питомцев, доведется возглавлять журнал, то особо не обременяйте его нетленные страницы своими сочинениями...

Итак, ниже представлены столь уважаемые редакциями короткие по *формату* (привычное слово) «вещицы», что можно публиковать выборочно, соотнося их тематику с принятым в журнале *форматом* (американизм). Все же не удержимся в заключении «идеологического предисловия» (как в советских изданиях книг), процитировать Н. С. Лескова из упомянутого выше очерка: «*Поэт того же мнения, что правда не годится, и даже разъяснил мне, почему правды в литературе говорить не следует; это будто бы потому, что «правда есть меч обоюдоострый» и ею подчас может пользоваться и правительство; честность, говорит, можно признавать только одну «абсолютную», которую может иметь и вор и фальшивый монетчик.*».

Опять же ниже встретимся с любимыми нашими героями, персонажами десятка

ранее изданных романов, тружениками Тулуповского госуниверситета доцентом Николаем Андреевичем и профессором Игорем Васильевичем Скородумовым. Поехали! (Сегодня двенадцатое апреля на численнике).* Вообще-то ниже речь пойдет о нынешних молодых людях Федерации Российской...

Бредут две пешки по Руси, но в душе себя представляя если не ферзями, то уж слонами наверняка. Потому, подгулявши, и двигаются вдоль улицы зигзагами. И так при всех режимах. Дело даже не в сорокаградусной утехе, а в той восхитительной черте народного характера, которую мы сами именуем пофигизмом, а западники — загадочной русской душой. Но главное — мы крепко помним присказку: пьяный проспится, а дурак — никогда. Главное, чтобы количество дураков не превысило число просто пьяных. В противном случае и до либерализма можно додуматься!

* Еще одна *nota bene*: почему-то в литературном круге, прежде всего читательском, сложилось устойчивое убеждение, что *всё* выходящее из-под нашего пера суть сугубая сатира, которой сейчас не место, интереса для читателей не представляет. В точку попали! У нас и намека на сатиру нет, это просто неприкрытое ничем отображение нашей реальности, а она такова (см. эпиграф), что самое серьезное описание ее и кажется сатирой...— Прим. авт.

17D-ВОДКА ОЦИФРОВАННАЯ БЕЗАЛКОГОЛЬНАЯ

♦ Вовка Шевляков после окончания университета по специальности культурологии, в которую его впинула мать, школьная учительница музыки — по своей приязни к гуманитарности и полному отсутствию у чада способностей к чему-либо, по давним, позднесоветским знакомствам все той же хлопотуньи матери пристроился в областную администрацию. Поскольку материн протектизм имел не слишком выдающийся статский чин, то Вовку определили в захудалый бабский департамент, каковые уже несколько лет как переименовали в «министерства», а именно по стезе наробраза, на начальную мелкую должность, неопределенно именованную «специалист». «Министром можешь ты не быть, спецом диплом тебя обяжет», — тяжело-весно скаламбурил отец, после развала оборонного завода, где начальствовал сборочным цехом, умудрившийся занять крохотную автошколу.

Если в духе времени административного восторга областные департаменты переименовали в министерства, то и по нисходящей сделали передвижку к более громким наименованиям: бывшие отделы сейчас назывались департаментами. Вовка попал в таковой, что уже не умещался в огромном здании администрации, бывшего обкома и исполкома, в центре города, а занимал отдельный двухэтажный дом в южной части города, вплотную к студгородку родного Вовке универа. Когда-то, а конце сороковых годов, на самой южной окраине города построили завод технической резины, а вдоль длинной улицы, упиравшейся в заводской забор, соорудили уйму двухэтажных барачных для рабсилы из окрестных деревень и выходящей из тюрем местной шпаны. В девяностые «лихие» и в начале нулевых все эти бараки, исключая самый непригодный, отданный местной писательской организации, расселенные в «золотые» семидесятые советские годы, прибрали к ловким рукам и переделали в этикие фальшивые теремки с надстроенными парижскими мансардами. Дом с Вовкиным департаментом, миновав ловкие руки, оказался в муниципальной собственности.

Вовка не то что бездельником и полным дураком к своим двадцати трем годам подошел, просто бог не дал ему с рождения этих самых конкретных способностей, а из умений, учитывая маловоспитательные годы его созревания, приобрел только самые расхожие в школьной и студенческой среде. Здесь особо и говорить нечего.

Ничтожный чин Вовки в бабском департаменте с основным достоинством — мадам провинциальная министерша и весь кагал средне-высшего начальства далеко, через полгорода, вовсе не удручал его: неясно-оптимистическое отрочество как-то само собой, явно с оглядкой на наступившую окрест суконно-цинковую жизнь, перешло в замедленно-сонную юность и далее раннюю молодость. Здесь он тоже ничем не выделялся из среды сверстников. И девица у него необременительная, как у всех — с местом для уединенного общения; *комп* и *смайт* с *интом* скрашивают домашние вечера...

На службе время шло неторопко, но и необременительно. Вовка просто «выключал» свою голову в будние дни с девяти ноль-ноль до восемнадцати с теми же двумя нулями. Директорша уединенного департамента Евгения Яковлевна, дама отчаянной молочно-восковой спелости, пользовавшаяся вниманием солидных мужчин города, редко наблюдалась во вверенном ей присутственном месте, обретаясь преимущественно в свите министерши. Поговаривали департаментские, что «Евгеша» готовит себе место в администрации позначительнее. Словом, если она и помнила о своем подчиненном Вовке Шевлякове, то скорее всего по редкостному в ее бабьем царстве мужскому полу.

Но вот непосредственная столоначальница, то есть завотделом, Вовки Елена Викторовна, являлась классической наробразовской руководительницей среднего звена, поскольку вышла из советских гороновских работников. Опять же ее предпенсионный возраст заставлял, с одной стороны, вести себя настороженно ко всем и

всё, а с другой — не допускать ни малейшей оплошности в работе подотчетного ей отдела. Огромный жизненный и руководящий по мелочам опыт Елены Викторовны говорил, что где тонко, там и рвется. То есть наибольшее вероятие огрехов приходится на молодых сотрудников, тем более молодых мужиков в бабской среде. Именно поэтому с самого явления Вовки Шевлякова в отдельской продолговатой комнате со стеклянной отгородкой кабинетика начальницы, с восемью сотрудницами в возрасте от тридцати до пятидесяти лет и одним мужиком лет сорока пяти — пятидесяти с несколько мутноватой биографией, но взятым в отдел за умеренное знание компьютерных заморочек, в чем бабье не разбиралось... так вот, с появлением Вовки Елена Викторовна взялась за его приучку к работе и департаментскому политесу.

«Держись, Вован,— доверительно по мужскому компатриотству сразу предупредил новобранца компьютерщик Серега, как он рекомендовал себя называть,— Викторовна есть продукт совка в его худшем бабьем, гороновском качестве. Это по работе, хотя по жизни-то добрая, внучатая». Серега имел инязовское педагогическое образование и хорошую память; несмотря на помятость лица по понедельникам, иногда щеголял латинизмами, дескать, «*summa jus summa injuria*»,— успокаивал он Вовку после легкой вздрючки от начальницы,— то есть высочайшее право есть высочайшее бесправие; это по-русски означает, что я — начальник, ты — дурак. «Плюнь! Заглянем-ка лучше после звонка в хорошо тебе знакомую по учебе в универе «Наливайку», а?»». Заглядывали и не раз. Обычно по числу воспитательных вздрючек.

При всем своем наплевательском безучастии к служебным делам, Вовка морщился, вспоминая первый язвительный выговор начальницы.

— Ну-у, Владимир,— на втором месяце его службы сказала Елена Викторовна, позвав его в свой стеклянный закуток,— полагаю, вошел уже в общий курс, то есть направленность работы нашего отдела, да? Потому первое тебе самостоятельное задание: сейчас по разным отделам готовят доклад для Евгении Яковлевны на педагогической конференции нашего федерального округа, читай — почти всей страны. От нас затребована развернутая справка по современному состоянию цифровых технологий в школьном образовании. Конкретику по нашему региону тебе наши сотрудницы соберут — у них вся статистика по школам ведется. Ты же все свяжешь воедино, ну и теории общей, как в докладах такого уровня принято, где надо подбросишь. Почему тебе поручаю? — Наши девушки,— здесь начальница неопределенно подняла на секунду брови,— уже давненько по времени свои университеты пооканчивали; ты же прямо со студенческой скамьи — тебе и карты в руки, в курсе новейших веяний в цифровом образовании, а оно сейчас семимильно шагает, год-два и отстал от новаций. И красной нитью в этом документе современный девиз: от слова к цифре! Все понятно?

Вовке опять приметилось, что при словах девиза у пенсионной Викторовны постарушечьи совсем, хотя и в бодрой форме себя держала для своих лет, вроде как смигнулся правый глаз (очков она не носила).

— Понял, Елена Викторовна.

— И хорошо. Вере я уже объяснила. К концу дня она тебе на компьютер статистику и данные нужные перебросит. Сроки торопят, три дня тебе. Затем я просмотрю, если будут замечания — исправишь. Вот методичка министерская, в смысле российского минобра, оттуда вводную, структуру и стиль изложения возьмешь. Иди, трудись.

Проходя от «стекляшки» начальницы по пенальной комнате отдела к своему столу, последнему в ряду перед входной дверью, он застопорился на миг у стола Веры, незамужней, тридцатипятилетней, поэтому отчаянно молодящейся, которую от скуки офисной жизни явно потянуло на молодяк при появлении в отделе Вовки, молча вопросительно кивнул ей подбородком, еще пока робко зараставшим уже третий год модной кадыкастой бородкой «под игиловца». Также по моде он и прическу содержал с выстриженными висками и заушинами — опять же под хохлацкий оселедец.

— Во-о-вик,— с игривой растяжкой откликнулась она слегка густоватым от курения контральто,— задание получено, после обеда скачаю тебе. Яволь, мой каптен! — Шаловница, как и Серега некогда учившаяся на инязе местного педа в части невестребованного сейчас немецкого языка, шуточно козырнула.

Вовка отсалютовал в ответ и двинулся на свое местопребывание, почему-то думая не о мудреном задании, а о наращенных ногтях Веры и еще двух сослуживиц чуть помоложе: «И как они умудряются столь бойко тарабанить по клавишам с такими когтями?».

Поскольку его герла Нонка еще вчера позвонила, что родняки на выходные, с вечера пятницы по раннее понедельничное утро, уезжают на дачу для сентябрьского сбора чего-выросло, то, в предвкушении двух дней и трех ночей в постели, на удивление самому себе, неприязненная было поначалу скучотичная работа как-то пошла. Не всяко лыко в строку, но компиляция данной Викторовой методички и статтабличек от Веры все же укладывалось во что-то связное. Заглядывая в принесенный из дома университетский учебник информатики, даже с объявившимся вдохновением, так что пальцы скакали воробушками по клавиатуре, сочинил и потребную отсебятину, связывая фразы учебника, минобразовской методички и данные Вериных таблиц.

Чувствуя себя молодцом, по-гусарски подвигаясь поочередно плечами — только ментика на правом не хватало! — прошел пенал комнаты, предупредительно кашлянув, вошел в стеклянную загородку начальницы, молча положил на угол ее стола победительную папочку с листами распечатки.

— Угу, в срок,— безразлично одобрила Елена Викторовна, не поднимая головы, углубленная в явно спешные бумаги,— иди, в выходные просмотру, домой возьму. Будут замечания, так до понедельника.

— Вот и чиновником, брателло, становишься, мелкая радость от ненужной работенки вспылала,— незлобиво и необидно заметил Серега, выходя вместе с Вовкой из департамента после отбойного звонка,— а что? может в «Наливайку» ностальгическую в честь окончания труднедели?

— С удовольствием бы, но...— с некоторой потерей бдительности, к которой все наущал его отец, Вовка вкратце рассказал о выходных днях с кем надо, которые начинаются с раннего пятничного вечера.

Серега пожелал успехов в серьезном, не канцелярской чуши, мужском деле и, отсалютовав, уверенно двинулся в сторону недалекой «Наливайки». «*Jeden das Seine*»,— упомянул он, тоже, как и Вера, выпускник по непопулярному ныне немецкому отделению (английский неосновной) иняза,— каждому свое, как фрицы по Геббельсу на воротах концлагерей вывешивали. Да-а, кому с девчонкой двое суток развлекаться, а мне домой тащиться. Хоть в «Наливайке» взбодрюсь!

Вовка же, плексигласово глухо позвякивая в наплечной сумке взятыми с утра из дома дисками оцифрованных порнофильмов, заскочил в ближайший по ходу «спар», закупил требуемое для вдохновения и едова, раздосадовано отогнал мыслишку о собственной машине, до которой еще два-три года мечтать, дождался нужный номер автолайна и покатил к Нонке. Матери еще вчерашним вечером сказал о приятельских выходных. Та с серьезным воспитательным видом восприняла явный секрет Полишинеля, неопределенно помечтав о внуках.

Явно огорчив мать в ее мечтаниях о внуках преимущественным безопасным проносом в их с Нонкой программе на выходные дни, в понедельник Вовка тем же обратным маршрутом автолайна еще за четверть часа прибыл в департамент вальжноусталым и с полностью чистой от служебных мыслей головой. Пенальная комната отдела понедельнично, то есть без обычных казенных шуток (Серега с традиционно помятым, но до синевы, по-офицерски, как он говорил, выбритым лицом), наполнялась до штатной численности: в сентябре охотников до отпусков не наблюдалось.

Лаврового венца от Викторины Вовка не ожидал, но на служебную сухую бла-

годарность где-то в глубине души рассчитывал. И даже вдохновенность от двух суток с добавком постельных утех не помогла ему стойко выдержать, не заикнуться на выговоре начальницы, которая, не вызывая в свой кабинетик, нарочито сама вышла в люди, подошла к Вовке и с обидной аккуратностью положила на его стол давшую папочку:

— Владимир Олегович! Просьба к окончанию рабочего дня перевести эту... это на русский язык. Замечания в тексте,— не повышая выдержанно голоса, но всем слышно — у женщин ушки топориком! — впервые официально назвав молодого подчиненного по имени-отчеству, произнесла Елена Викторовна и направилась к выходу из отдельской комнаты.

— Я на пятиминутку к Евгении Яковлевне,— и вышла, аккуратно, без стука, затворив за собою дверь.

Вовка, как бы ища поддержки, обвел сидящих впереди него женщин и Серегу. Только последний полуобернулся и хмуро подмигнул, мол, держись, казак, атаманом станешь. Бабы же, заученно уловив интонацию начальницы, никак не отреагировали. Даже неопытный еще в тонкостях канцелярского климата Вовка ощутимо почувствовал вокруг себя вакуумную прослойку, отделившую его персону от коллектива. Посидев полуостолбенело с пяток минут, вынул из папки *свои* листы. В глазах зарябило: почти все слова, отдельные предложения и даже целые фразы разноцветно выделены корректировочными маркерами разных цветов. На экономной четвертушке блокнотной бумаги каллиграфическим почерком Елены Викторовны язвительно написано: *«Ув. В.О.! Убедит. просьба к окончанию сегод. раб. дня перевести на нормативный русский язык Вашу справку. Красным отмечены американизмы, желтым — примитивизмы, жаргонизмы, варваризмы и несуразные неологизмы, а зеленым — предложения и абзацы с явной функциональной неграмотностью»*.

Без подписи, только сегодняшняя, значит напоминающая о сроке исправления дата. Вот тебе и французская любовь с американо-нижегородским акцентом! И как же он забыл инструкцию Сереги, когда проставлялся перед ним после первой зарплаты в «Наливайке». Дескать, Викторовна-то наша из учительш русского языка и литературы советского воспитания-образования!

За своим столом с десяток минут Вовка, утупясь, смотрел на разложенные в ряд листы своего творчества, не хуже художника абстракционистской ориентации расцвеченные маркерами начальницы. Никакие соображения в голову не лезли. Шедшая на выход с бумагами в другой отдел Вера, опасливо оглянувшись на стеклянную дверь в дальнем конце комнаты, остановилась, опытным взглядом мигом схватила суть записки Елены Викторовны, шепнула Вовке:

— На компе по поисковику в словаре новых слов и выражений смотри.— И, как будто на несколько секунд остановилась половчее устроить на суховатой груди, прижав ладонью левой руки, кипу бумаг, проследовала к двери.

Вовка вышел из ступора, начал, все более увлекаясь, как в старинной компьютерной игре с покемонами, стучать по клавишам. К малому десятиминутному перерыву в одиннадцать он уже распечатал лист с переводом на русский отмеченных Викторовной слов. На другом листе вывел определение: что такое примитивизм, жаргонизм, варваризм, неологизм и таинственная функциональная неграмотность.

К сожалению, всезнающий интернет не осилил перевод аббревиатуры *3D* и термина *дорожная карта*. Выбегавшего ровно в одиннадцать инязовца Серегу остерегся останавливать: по понедельникам он в малый перерыв мчался спринтерски в недалекую «Наливайку», по советской традиции открывающуюся в этот ностальгический час, остограммитесь. Но по скорому возвращению, подбравший и слегка порозовевший, он сам остановился у Вовкиного стола, дескать, чем молодому дружану помочь? Вовка указал на аббревиатуру и словосочетание.

— Как два пальца об асфальт; *3D* — это американское от *three dimensional*, то

есть по-русски трехмерный, пространственный, а хочешь — объемный. Последнее, когда о жидких телах речь идет... та же водяра. А дорожная карта — это последовательность исполнения, перечисление и прочее. На Западе тупари обитают, обычную автомобильную карту не соображают понять, поэтому у них и заведены эрзац-карты: ищешь страницу с дорогой, по которой едешь, а там в порядке перечисления названия всех городов, деревушек и автозаправочных станций, что по пути следования. Насколько помнится, эта калька с американского у нас и во все языки вошла лет десять тому назад после очередной заварушки израильско-палестинской. И очередное перемирие они назвали «дорожной картой постепенного согласования», или что-то в этом роде. Дерзай, юноша!

Начал на компе кардинально править свое изделие, увлекся, даже на обеденный перерыв не отвлекаясь, удивлялся про себя: ведь и по-русски можно о чем угодно написать, да как гладко-то все читается! Разобрался кое-как и с функциональной неграмотностью. Под финиш все загнал в программу орфографии и пунктуации, а за четверть часа до отбойного звонка, изобразив на лице мудрую усталость, отнес начальнице распечатку. Елена Викторовна при нем, задержавшись на десяток минут после шести, внимательно прочитала, после чего снисходительно-воспитательно посмотрела на подопечного:

— Ведь можешь же! Я здесь тебе еще пяток слов исправила, три лишние запятые убрала, а четыре нужных поставила. Сейчас внеси все это в окончательный текст и отправь по электронке референту Евгению Яковлевны.

...К полудню следующего дня к Елене Викторовне зашла референтша — кобылистая, с очаровательной косинкой глаз, под стать своей директорше «кровь с коньяком». О чем-то они недолго поговорили за стеклянной дверью. Референтша ожившей скульптурой Венеры Милосской проследовала через комнату, а Елена Викторовна, приоткрыв дверь, позвала Вовку.

— Смотри, медаль за усердие дадут,— добродушно пулынул ему вслед Серега, уже побывавший в «Наливайке».

Начальница, вроде как даже с оттенком смущения в глазах, не усаживая подчиненного, коротко сказала:

— Э-а, Владимир, отправь на адрес референта первоначальный вариант *твоей* справки.

— А в чем дело, Елена Викторовна? Я же все ваши замечания учел... сами одобрили...

— Не знаю как тебе объяснить. Говорят, тяжелоесно получилось, без современной, привычной сейчас лексики... Впрочем, не задумывайся, иди работай. Без нас разберутся.

◆ К следующей осени молодецкато заматеревший, привыкший не задавать лишних вопросов, сбравший — по попечительному совету Елены Викторовны — дурацкую игиловскую бороденку, а на голове вместо оселедца приличная короткая стрижка, Вовка женился, даже не по залету! на Нонке: родители вскладчину купили двушку в приличном районе, хотя и в совковом еще доме. Недалеко от его департамента. И департаментские привыкли к Вовке. Сама директорша начала узнавать молодого подчиненного, у которого при встрече в коридорах с роскошной дамой непроизвольно начиналось определенное шевеление в организме. Это тебе не Нонка, еще не успевшая после замужества отойти от ненавистной ей самой фитнес-фигурности! Но — легка беда начало...

Ближе к ноябрю в стране началась холерически раздуваемая СМИ кампания по раздельному сбору мусора. По нисходящей вертикали соответствующее отношение в форме рекомендательного — «изыскать инициативные предложения и по возможности включиться...» — приказа добралось и до образовательного департамента. На очередной понедельничной пятиминутке Евгения Яковлевна озвучила и предложила

обдумать и выступить с инициативой. При этих словах, мучимая мыслью на кого бы эту несурзину скинуть, она волооко — не хуже своей референтши — посмотрела со значением на несчастную Елену Викторовну: мол, оправдывай свой преденсионный возраст, тогда, быть может, и после новомодного удлинения такового еще поработаешь. Благо твой отдел идет не по разряду госслужащих, для которых этот возраст строгий предел, но из технических.

Много чего читалось в коротком, секундном волооком взгляде директорши. Елена Викторовна согласно кивнула головой с тщательно закрашиваемыми сединками.

Свято памятуя, что даже техническим чиновникам думать вредно, прибыв в отдел, проходя по ряду столов, она кивнула Вовке. Тот поспешил за начальницей в остекленный отсек. Усадила его для обстоятельности разговора на гостевой стул. Сразу быка за рога ухватила:

— Про новации... в смысле про нововведения со сбором бытовых отходов слышал?

— Конечно. Новости по ящи... по телевизору иногда смотрю.

— И как представляешь в части раздельного сбора и вывоза?

— А чего представлять-то, Елена Викторовна...

— Ну-ну?

— Я вот вчера вечером выношу ведро на свою помойку, а наш гастарбайтеровский дворник узбек Кизим около стоит, предупреждает: «Ты, хозяин, сегодня сбоку вываливай из ведра, а то на низкой стороне краска еще не высохла. Сам попачкаешься, а хуже — надпись грязью заляпаешь». Помотал я в непонятке головой, а Кизим на надпись показывает. Красным по зеленому свежоотгиснутая по трафарету надпись: «Раздельный сбор мусора — гражданская культура!» Спрашиваю: «Кто написал?» — «А трое приходили: один толстый с папкой под мышкой, женщина очень строгая и рисовальщик: бумагу приложил, из баллончика краской пшик-пшик. И ушли к другой помойке». — «Что-нибудь сказали тебе?» — «Нет, только велели подежурить пока просохнет». — «А как раздельно в эту общую помойку собирать и вывозить не объяснили?» — «Нет, хозяин. Народ как выбрасывал из ведра или в пакетах, так и бросают». Опростал я ведро, чуть отошел — машина мусорная подъезжает, опрокинула в себя помойку и уехала. А на бортах с двух сторон тоже надписи про раздельный сбор. К чему это все, Елена Викторовна?

Начальница кратко рассказала про инициативу и поручение директорши. Отвела глаза в сторону, помолчала и дала совершенно серьезному Вовке задание: продумать, *учесть опыт* и дать конкретное предложение. Что Вовка и исполнил, уже не обращаясь за советами к Сереге и вообще к кому-либо. Заматерел.

♦ Декабрьским днем, пополудни, ближе к ранней в это время темноте, два старинных, еще по ракетно-пушечному Конструкторскому бюро, тогда еще возглавляемому знаменитым в оружейном мире академиком Гусаковым, приятеля, ныне трудящиеся в Тулуповском госуниверситете, профессор Игорь Васильевич Скородумов и доцент Николай Андреевич, шли со службы в общую сторону своих домов по боковой — по отношению к студгородку — улице с трамвайным путем посредине. Шли по правой стороне, где еще лет тридцать назад тянулись серо-зеленые двухэтажные дома, ранее бараки пятидесятых годов, ныне перестроенные в кукольные домики различных магазинной и учреждений.

Улица эта и вместе и порознь выбиралась ими по причине относительного малоллюдства. Идти по параллельному проспекту — шумно от нескончаемого потока машин, посредине — через студгородок — зимой студиозусы, играючись по юному избытку энергии и ловкости, тротуары раскатывают да гладкого льда. Нет уж, лучше по боковой. Проходя мимо пряничного дома с надстроенной мансардой, в котором после обновления прежнего барачного здания разместился один из департаментов новомодного областного министерства образования, Николай Андреевич указал на появившиеся три бака в рад, с крышками, размерами поменьше обычной железной

бочки, установленные на общем железном же основании, свежескрашенные в веселый светло-синий цвет, с различными трафаретными надписями красным: «Бумага», «Стекло», «Пластик». Но поставлены несколько странно, слева парадного, под мрамор и с дорическими небольшими колоннами, входа, впрыток к стене за игривой декоративной изгородкой, ограждающей метровой ширины палисадник, летом с аккуратно подстриженной травкой.

Игорь Васильевич даже обрадовался: только что докурил последнюю сигарету и не знал как избавиться от пустой пачки: интеллигентская совесть не позволяла бросить на тротуар, а все мусорные урны еще несколько лет назад на городских улицах, в скверах и парках полностью исчезли — явно в целях борьбы с курением в начавшейся серьезной кампании. Он, сминая в ладони пачку, уже аккуратно переставил правую ногу через игривую изгородку в направлении бачка «Бумага», но был остановлен окриком черномундирного охранника, что вышел покурить из парадного входа:

— Нельзя, гражданин! Не нарушайте.

— Как нельзя,— передернул плечами профессор Скородумов,— это же специально для сбора мусора...

— Это не ваше дело, гражданин, для чего специально. Видите, потому и за изгородь поставлено, чтобы ничего в них не бросали.

— Для благоустройства значит? — вспомнил Гоголя сразу повеселевший Игорь Васильевич.

— Вот-вот, понимаете значит. Позавчера установили, а вчера комиссия из администрации, говорят — не моя смена была,— прибывала, с кинохроникой. А завхоз велела сегодня за изгородь поставить. Пусть стоит, хлеба ведь не просит!

На обочину дороги из потока машин вырулила и притормозила черная машина солидной марки. Охранник мигом смял дымящийся окурок в ладони и исчез в парадной двери. Профессор с доцентом рассмеялись и продолжили путь.

Страшный сон приснился директору департамента культуры областной администрации Амалфееву Венедикту Фемистокловичу, бывшему доценту античной истории и мифологии местного пединститута. Видно, перекушал

он деликатесов на банкете по случаю открытия досугового центра на Старопахинской (бывш. Новоиндустриальной) — нового очага культуры местного торгового олигарха Жоржа Кидалова. А снилось ему, что усиление вертикали власти добралось-таки до его департамента. С утра вошла в уютный их особняк пятиметрового роста Афродита и непререкаемо велела содрать всю позолоту со стен, побелить потолки, а восемьдесят процентов увольняемых за ненадобностью чиновников от культуры собрать в корзины и подносить к окну, куда она самолично их опорожняла. Под конец подозвала бледного, с дрожащими коленками Венедикта Фемистокловича:

— Зачем позоришь свою фамилию? Ведь ее родоначальница, олимпийская коза Амалфея подарила человечеству рог изобилия, а ты же из этого рога наплодил толпы ничемных, бездельных людишек! В наказание тебе лишаю должности, права на повышенную пенсию госслужащего и отправляю обратно доцентом в пединститут.

Проснулся от таких страшных снов Амалфеев с сердцебиением и в холодном поту. Потом до утра не мог заснуть, пугая добрую свою супругу и милых детушек, бездельников-переростков. А на утро предпринял контрмеры: явился к вице-губернатору с опережающим проектом сократить аппарат департамента на 0,35 %. Хмуро посмотрел тот на Амалфеева; он тоже вчера был на презентации у Жоржа Кидалова.

«ПАТОКА С ИМБИРЕМ, НИЧЕГО НЕ РАЗБЕРЕМ!»

Так вот-с,— заговорил, выпрямляясь во весь рост генерал,— вот вам в наш век кто на всех угодит, кто всем тон задаст и кто прочнее всех на земле водворится: это — безнатурный дурак! (выд. Н. С. Лесковым.— Авт.).

Н. С. Лесков «Смех и горе»

◆ Еще в студенческую, впрочем, совсем недавнюю, бытность, учась на кафедре журналистики, каковые в конце девяностых — начале нулевых годов, по принципу тусовки (у Васьки есть, значит и у меня должно быть...), были спешно организованы по стране во всех новопереименованных университетах, бывших политехах, педах и пр., Денис Коротин загодя придумал себе «для печати» творческий псевдоним: Дэн Кóрвин. С ударением на первом слоге. Он полагал, что зашибись импортно, европейски слоган звучит. Самая очкастая и умная на курсе Светка Тринберг, правда, засомневалась в правильности ударения, объяснив, что это имя венгерского короля Матиуша Корвина, на втором слоге, значит, акцентация, создавшего самую великую библиотеку эпохи Возрождения. И эта библиотека, и главное венгерское современное издательство, и много чего в культурных объектах Европы носят фамилию достопамятного короля. Сам основатель и заведующий кафедрой «акул пера», как ее шутейно звали в университете, он же главный редактор еще с давних советских времен бывшей комсомольской, а с «лихих девяностых» либеральной областной газеты, которого уже пятьдесят лет иначе как Мишей Веселовым не именовали за глаза (впрочем, достойно уважительно), прочитав в издаваемом кафедрой учебно-студенческом журнальчике «Обретающие слово» материал с подписанным псевдонимом, при случайной встрече с подопечным как-то задумчиво порассуждал: «Псевдоним есть дело серьезное, безошибочное. А у тебя вот с ударением (значит, Светка уже донесла) путаница. Ты уж, полупочтенный, разберись, а то по пословице получается: «Патока с

158

имбирем, ничего не разберем!». Шутливо отсалютовав, вечно моложавый Миша Веселов, в неизменных джинсах, в которых даже на ректорские совещания ходил (впрочем, крепко с ректором дружил), пошел по коридору, насвистывая песенку совей далекой советской молодости: «Все пластинки группы «Квин» обменял на героин...».

Уважая свой выбор ударения, ученость Светки, у которой всегда списывал тесты на зачетах, и авторитет завкафедрой, Дэн принял Соломоново решение: а плевать на все эти ударения с Останкинской... нет, лучше с Эйфелевой, башни, а еще лучше с американского небоскреба! Псевдоним-то для печати, где ударения не ставятся, как в учебниках русского языка для иностранцев, а в устной речи, особенно в официальном представительстве, да, разумеется, в гонорарных ведомостях, что предстоят ему в недалеком будущем, называется и указывается фамилия от отца доставшаяся.

Опять же Светка в конце третьего курса заменила очки на контактные линзы и оказалась вполне привлекательной девицей. Поимел Дэн устойчивое желание к окончанию универа подкатиться к ней с предложением чего следует, как в старорежимных романах и фильмах, учитывая солидное положение ее папаши в местном адвокатском круге, но... человек полагает, а кому надо располагает. Словом, в конце лета, перед четвертым курсом родняки услали Светку в Лондон — получать престижный английский диплом. Обломилось! А может и к лучшему все? Опять же, кто полагает, а иной располагает.

...Свой «деревянный» диплом бывшего, сугубо оборонного, политеха, над каковыми потешаются в редакциях газет, журналов и телестудий столиц и «университетских центров», Дэн получил без особого прилежания и затруднения. Тему дипломной работы, доставшейся ему — что-то архаичное, по русской журналистике последней трети позапрошлого века, — он не стал, как иные дурачки, вытаскивать и компилировать из инта, чтобы иметь удовольствие попасться на программе антиплагиата. Умные люди из отцовых друзей с бизнесом, близким к масс-медиа, научили. То есть отыскал по инту названия нескольких старых, прошлого века — советских, книг по литературоведению, близких к его теме, но, в силу их архаичности и не востребоваемости, не удостоенных чести оцифрования. Далее впервые в жизни сходил в областную библиотеку, нашел в каталоге эти пыльные книги; записавшись читателем, взял их на дом.

Далее дело техники, с которой Дэн (не лузер ведь, не чайник!) обращаться умел. Выискал нужные параграфы и главы, сосканировал, перевел в цифру, состыковал между собой, в муках творчества сочинил предисловие и выводы, по инту же составил приличную библиографию. Руководителем у него был относительно молодой препод, то есть уже из поколения пепси, также по компу учившийся, о тонкостях исторического литературоведения в части журналистики и не помышлявший. Прогонка по антиплагиату дала почти стопроцентную новизну и оригинальность дипломной работы Дэна. А Миша Веселов, по должности завкафедрой наскоро, «по диагонали» просматривавший работы подзащитных, будучи в хорошем расположении духа, почти что восхитился цитатой в дипломе Дэна, а именно в главе, посвященной литературной публицистике писателей с антинигилистическим направлением: *«Егда люди потрапезуют и, помолясь уснут, в тот час восстают татие и исходя грабят»*.^{*} «Ух и черти! — засмеялся он, обращаясь к находившимся в тот момент в преподавательской несколькими подчиненным, — где же они умудряются списывать такие цветистые дипломные сочинения, что никакой антиплагиат не берет? Да-а, товарищи преподы, как нас эти ловкачи именуют, хорошая смена прежним акулам пера подрастает! Уже и не акулы, от которых ловкий пловец может отбиться, но настоящие нильские крокодилы! Перекусят пополам, не моргнув честнейшими глазами, и — к кассе! В смысле на свою карточку, мол, позолоти ручку, родная редакция»...

◆ По окончании универа Дэн попал в положение, сходное с фольклорным: пили,

^{*} Из повести Н. С. Лескова «Грабеж». — Прим. авт.

ели, веселились, посчитали — прослезились. С «деревянным» дипломом бывшего политеха, не совсем казистой внешностью, невысокой солидностью — не в тех капиталах состоят! — отцовых друзей... опять же полом не длинноногая девица, чтобы в какие-нито представительские побегушки при властях или знатных *бизнесментерах* пристроиться, наконец, при отсутствии диджеевской развязности языка — не то что в столицу, в местные, областную и городскую, администрации, но и на губернское телевидение он не мог претендовать. Тож и радио. Официальное вовсе заглохло, там и пары пенсионеров советских времен с избытком хватает, а частные, пресловутые *эфэм*-радиостанции дублируют центральные московские, добавляя только местную рекламу — то и другое единственный штатный оператор с инта получает. Газеты? — В обоих официозах, областном и городском, короткие, «стенгазетные» развлекалки тоже с инта, а все основное место — телепрограммы, казенные объявления о торгах, частная реклама. И пристроиться сложно без рекомендаций. В газете Миши Веселова? — но он же весь выпуск туда не возьмет?

Есть еще кабельное телевидение, но в памяти засело годичной давности летнее, в городском сквере, знакомство с его молодым коллективом. Рядом магазинчик «Красное и белое», легкая прохлада ввечеру июльского дня, народ, не теряя бдительности насчет «красных шапок», то есть сейчас всемирных картузиков с утиными козырьками, попивает пиво. Телевизионщики опосля трудового дня. Охотно приняли Дэна в свою компанию, похлопывали по плечу, дескать, наш брат-журналиг! По кругу трубочку с травкой пустили, говорят, привыкли — не злоупотребляем, но для тонуса, а без него на современном телевидении нельзя: все в ритмике, в движении, в калейдоскопе кадров. Почище чем у клубных и концертных диджеев... Но, однако, провинция, спонсоров нет, реклама хилая, так что особо бабки в руках не шелестят.

Пока же Дэн раздумывал, по инту шарил, с бывшими однокашниками общался, лето прошло. Осень случилась большая выборная, так что подработал в разных агитгазетках, по листовочной части — названия партий и фамилий «кандидатов в слуги» не запоминал, ибо старшие всегда давали исходняк. «Думать вредно, ибо нашего брата, акулу пера, кормят ноги, нюх и слух; даже глазам, которые есть часть мозга, надо с осторожностью доверять!» — запомнил Дэн слова почти маститого московского обозревателя крупной газеты, приглашенного как-то Мишей Веселовым на показательный мастер-класс. По всему видно было, что перед семинаром с за-кафедрой по провинциальной расслабленности уговорили бутылочку коньяка...

В выборную ту осень Дэн кой-какие деньжонки заработал, но к концу года родители начали намекать о серьезном жизнеустройстве. И сами они, то есть отец, были из мелких «среднеклассцов», «мелкобуржуазной биомассы», как в глаза, впрочем без озлобления, философски, называл их семидесятипятилетний дед Егор Пантелеевич, потомственный коммунист, но в последние годы разошедшийся во взглядах с партией Геннадия Андреевича: перестал читать столичную и губернскую «правды», а приналег на первоисточники, с карандашом изучал тома Сталина, покупаемые на свои пенсионные в букинистическом магазине, и других классиков марксизма, что подбирал у квартальной помойки, куда их выносили из окрестных домов внуки-правнуки, задававшие своим квартирам евроремонты.

Дэну, все же удержавшему в своем воспитании долю сыновней почтительности, и самому не совсем удобно сидеть на шее родителей, а главное — хватит алтушками в карманах позвякивать сиротски. Пора к делу! Выручил, как ни странно — счастье, как и беда, всегда с неожиданной стороны приходят — матерый коммуняка Егор Пантелеевич. Раз он вернулся с прогулки по свежеснеженному предновогоднему снежку редкостно веселый, разделся-разобулся в прихожей и явился семейству с двумя предметами: потертой книгой в сером переплете и четвертинкой неподдельного грузинского коньяка «Старый Кахети». Объяснился: на камне у помойки, куда все окрестные евроремонтники, все же стыдась бросать в общую мусорницу, кладут кни-

ги, обнаружил раритет высочайшего класса — труд Лаврентия Павловича Берии о развитии революционных организаций в Закавказье. От такой неслыханной удачи зашел в «Красное и белое», что в торце их дома, и взял малый бутылек. Как же с чувством не обмыть такую находку.

За ужином разлил себе, сыну и внуку. Выпили, закусили. Здесь Егор Пантелеевич, подмигнув Денису, и главную новость рассказал: в магазинчике этом привлекательным встретил давнишнего своего приятеля, едва ли не с институтских времен, вместе на заводе машиностроительном трудились, оба в своих цехах партбюро возглавляли. Поговорили по выходу на улице с полчаса — за четверть века не виделись, оба с началом «бардака» уволились с остановленного «врагами народа» бывшего гиганта оборонпрома с тремя орденами на знамени. Егор Пантелеевич и о внуке слово ввернул, а Сергей Максимович и заметил, что-де племянница его Верка в газете «Толока» кем-то вроде заместительницы у хозяев трудится. Дед еще раз подмигнул Дэну: «Обещал Максимыч с ней о тебе поговорить ... да не сомневайся, не забудет — коммунист он подлинный, как и я, в девяностые годы партбилеты не рвали прилюдно!»

Вот это уже удача так удача! Хотя и говорят, что радоваться заранее все одно что дитя крестить неродившееся (это не он, а дед иногда говорит так), но Дэн в полном предвкушении грядущей удачи мигом смотался в свою комнатку и принес на две трети еще заполненную пузатенькую бутылку настоящего шотландского «Club '99» — с раздачи в выборном штабе. Дед не очень-то привечал антипатриотические напитки, но уважение внука одобрил, выкушал с сотрапезниками и виски.

Чтобы не сглазить, в последующие дни Дэн ни по телефону, ни по инту знакомым и приятелям ни словом не обмолвился. Зато вычислил по сайту «Толоки» эту самую племянницу Верку: да, действительно, в замах состоит, по фото — лет сорока, сорока пяти. «Толока»... самая популярная в городе и области частная газета в тридцать две страницы, а в спецвыпусках и вовсе в шестьдесят четыре. «Городская сплетница», как ее порой называют старорежимные интеллигенты, а значит ее читают, в отличие от официозов, даже от газеты Миши Веселова, *все*: торговки, домохозяйки, порой и их мужики, пенсионеры, даже ничего не читающие студенты. Демонстративно кривя губы, дома, втайне от коллег, вздох читает вся так называемая интеллигенция. Все чиновники — чтобы быть в курсе дел и событий в управляемых ими области, городах и районах. *Все* читают! — Как в советское время все читали две единственные в области газеты: орган обкома партии и орган комсомола, возглавляемый молодым еще Мишей Веселовым. А на старших курсах в дружеских посиделках однокашников, обсуждая грядущее «я б в газетчики пошел, пусть меня научат», где девки, особенно из фитнесных и длинноногих, грезил местами пресс-атташе при различных администрациях и «связистками с общественностью» в крупных компаниях, серьезные же ребята на равных ставили телевидение и популярнейшую «Толоку».

...Видимо матерая газетчица Вера Антоновна, хотя и в ранней юности, но заставшая семейное советское воспитание, проявила уважение к родному дядьке Сергею Максимовичу, тем более что неожиданно образовалась вакансия (предшественница Дэна нашла себе место содержанки московского папика — так злословили в редакции незамужние бабенки) корреспондентского характера, но Дэн попал в «Толоку». И редакция в соседнем квартале — сплошные приятности. Сбылась мечта идиота...

◆ Политех не политех, но все же чему-то Дэн научился, потому скоро приноровился к газетной работе. Дольше всего на новом месте длится первый год. Вот и пошли месяц за месяцем, приходила сноровка. «Толока», как газета облегченного содержания для *всех*, не пропускала и официальных профессиональных дат, повторяемых из года в год. Поэтому Дэн нимало не удивился, когда Вера Антоновна, его благодетельница, потому на этих правах и приучавшая подопечного к мудреным заданиям, дала ему по-

ручение: в связи с близким Днем науки (при этом тот несколько изумился: какая-токая наука?) отправляйся-ка завтра с утра на биологический факультет твоего родного университета. Профессорствует там очень занимательный, широко известный в узких научных кругах, причем не только в России, Игорь Васильевич Скородумов.

— Я уже созвонилась с ним, получила, впрочем, несколько неохотное — ты это себе в голове отметь, согласие на интервью. Вот его телефон. С проходной корпуса позвонишь ему, а он на вахту, чтобы тебя пропустили, сообщит. Не забудь свое удостоверение и паспорт на всякий случай — у них там, как Игорь Васильевич, то ли всерьез, а может и с юмором сказал, месячник бдительности. Человек он серьезный, известный, поэтому сегодня отвлекись от всякой текучки и по интернету, по поисковику на его фамилию, ознакомься: о чем он пишет в своих трудах, что о нем думают.. Ну-у тебя уже учить не надо, либо уже поздно. Материал — в срок! Обычного для «дней» объема. Тема в ходе интервью обозначится.

Совершенно правильно прореагировав на «учить уже поздно», что всего лишь намекало на протезирование, а значит на взаимную ответственность, Дэн, непроизвольно (с девицей своей поругался, холостяковал) смазав слаборазборчивым в такой ситуации глазом еще интересную, тугогрудую фигуру начальницы, отправился в свою комнату, общую с доброй половиной редакции. Забрав свою репортерскую сумку с казенными фотоаппаратом и диктофоном — в газете халтура с мобил и смартфонов не допускалась,— сказав завотдельше «сегодня и завтра до обеда на задании от Веры Антоновны», вышел из редакции. До вечера проболтался: пробовал по телефону помириться с Кариной, даже самонадеянно взял курс на ее дом, но получил отлуп. Встретив на проспекте школьного еще знакомца, зашел с ним в спортбар: по пивку и бокс с чернокожими финалистами посмотреть. Все же с пользой окончание дня провел: заскочил к свободному сегодня знакомцу, подвизавшемуся в торговле поддержанными машинами, кой-что интересное узнал... а то скоро уже в редакции пальцами на него станут указывать, мол, дураку — писаная торба, а нормальному газетчику и вовсе неприлично на трамваях с пенсионными старухами трястись!

Пужинав с домашними, чем приятно удивил мать, что-де Дениска сегодня не шляется до полуночи и не у девки какой заночевал, даже одобрив снисходительно очередную pomocную находку деда, коммунистического коллекционера — укладистый томик «Утопии» Томаса Мора издательства «Academia» тридцатых годов, ушел в свою комнатку, раскрыл студенческой еще бытности ноутбук (все деньги на поддержанную машину копялся, приличный планшет все отодвигается!) и занялся профессором Скородумовым. К своему удивлению ни в каких соцсетях поисковик его ФИО не выдавал. И сайта своего у Игоря Васильевича не имелось. «Как у той пенсионной старухи в трамвае»,— досадливо вспомнились остроты редакционных коллег. Совсем же непостижимо — у странного профессора не значилось своего адреса электронной почты! «Без мыла, значит, мылится»,— ухмыльнулся Дэн. Правда, поисковик выдавал без конца названия многочисленных книг Скородумова, размещенных на научных сайтах, публикаций в журналах, наконец, оказывается профессор не так прост — уже два десятка лет является главным редактором журнала «Феномены разума: XXI век». Но все это не то, не журналистский формат, как в их профессии говорят.

...Дэн как-то краем уха, на последнем курсе универа, слышал от молодой, язвительной на слово, преподши их факультета, но другой кафедры и специальности, что их университет в такой яме, даже никого из профессоров не обозначено в *Викитедии*. На удачу зайдя в нее, Дэн обнаружил неправоту болтливой преподши: один-то из их универа в этой энциклопедии имелся и именно Скородумов. Аж на десятке страниц! Из этой персоналии Дэн много чего почерпнул для завтрашнего интервью с «увешанным» многими, преимущественно двойными учеными степенями и званиями, отечественными и иностранными «заслуженными» и «почетными», научными орденами, медалями и знаками. И припомнил, увидев фото профессора в Википедии, что таковое имеется на

стене второго, «административного» этажа главного корпуса — напротив кабинета ректора, в почетном ряду этих самых «заслуженных» сотрудников университета. Но вот что никак не укладывалось в голове Дэна после прочтения статьи, так это крайне сомнительная должность Скородумова, что-то вроде научного консультанта, даже не штатного профессора — это при его-то двух ученых званиях по этой части!

Еще час-полтора посмотрев относящееся к Игорю Васильевичу, даже попробовав прочитать несколько аннотаций к его книгам с мудреными, иногда и вовсе с ироническим подтекстом, названиями, разыскав несколько отзывов на эти труды, Дэн внезапно почувствовал то озарение, молнию сакральной мысли, что приходит человеку в итоге каких-либо умственных рассуждений в час перехода позднего вечера в близость курантного боя на Спасской башне Кремля. В своем часовом поясе, конечно. А именно клюнуло в голову: завтрашний интервьюируемый откровенно фигурально плюет, причем со вкусом, на официально декларируемую «науку», а сам создает свои теории, исключительно пользуясь здравым смыслом. Конечно, Дэн далек был от такой терминологии, он на своем журналистском волапюке мыслил, но пришел-таки к правильному выводу. А с ним, с выводом-то, яснее ясного понял и Веру Антоновну, именно шутника Скородумова выбравшую среди нескольких сотен городских профессоров, в основном «выделки» девяностых годов, когда приобрести докторскую степень было легче, чем открыть лавочку-сникерсную. Причем бесплатно. Ибо то было время непуганых идиотов на фоне всепоглощающего первоначального накопления. Вера же Антоновна четко проводила, даже в отношении официальных «дней», редакционную политику, в числе прочего создавшую сверхпопулярность «Толоки» в городе и области, а именно: нескрываемая «желтизна» газеты, что и привлекает читателей от рыночной торговли до депутатского корпуса, требует не официоза, но игривости с изюминкой... как, в историческом примере, публично расстегнутая ширинка бывшего премьера (или что-то в этом роде? — Дэн не забывал прошедшее) Касьянова, что напрочь погубила его политкарьеру. Или достоправный прокурор в бане с девицами. Сейчас, конечно, времена иные, административно подтянутые, суконно-цинковые. И хозяева «Толоки» соответственно новым веяниям перестроились... перезагрузились, как модно в политическом истеблишменте нулевых годов было принято говорить.

Чего-чего, но качество смекалки у молодящейся Веры Антоновны вполне гармонично ее тугим грудям, даже при наличии дочери-старшеклассницы и регулярной (с мужем!) половой жизни. Уже при беседе с профессором Скородумовым Дэн убедился в чутье начальницы: лучшей кандидатуры на интервью к Дню науки и с учетом игривости с изюминкой «Толоки», нежели Игорь Васильевич Скородумов, и представить было невозможно! Великое дело дедуктивная, то есть аналоговая женская логика...

◆ — А-а, милости просим! Входите, молодой человек империи российской, — приветствовал в своем кабинете Дэна профессор Скородумов. Садись... или присаживайся, не знаю, как на нынешней фене говорят, вот на этот стул. Ничего если на «ты»? Как студента, а ты ведь недавно из этого сословия вышел в люди? Я сразу для ясности: глупость все это — всякие интервью о науке для ширпотреба. Давно уже никакой науки нет. А согласился для вашей газеты по двум причинам. Не главная — догадываюсь кто меня рекомендовал: прежняя хозяйка «Толоки», в компанействе конечно, что сейчас на покое рантьершей в свое удовольствие живет. Я с ней в молодости хорошо был знаком, в одном отделе инженерами трудились в Конструкторском бюро знаменитого академика Гусакова. Нахлынули воспоминания о славных временах, опять же — припомнила. Главная же причина, что вспомнил историю с моим другом Николаем Андреевичем, доцентом на кафедре ракетостроения — это в «пентагоне», знаешь, первый корпус, военно-технический факультет... институт понынешнему... Слушай, Денис, может выпить хочешь? У меня сейчас очень рукастый аспирант с еще более замечательным дедом: такую самогоновку сотворяет, фильтру-

ет до бриллиантовой прозрачности и на клюкве настаивает. А?

Дэн с таких быстрых оборотов непривычно для себя смешался и отказался, что-то несурзное пробормотав.

— Ну и зря. Так вот, история с доцентом-ракетчиком; с ним мы тоже вместе в заведении Гусакова работали. У Николая Андреяновича супруга учительница, но очень увлекается декоративными цветами. Вот и разбила «плантацию» в палисаднике около своего подъезда на радость жильцам дома и прохожим гражданам. Хороший цветник получился! — Мы как с Николаем Андреяновичем летом на его балконе балуемся водовкой или коньячком, если неподдельный случится, то я всенепрременно комплимент его супруге сооружу. Но — к сути дела. Раз наш ракетный доцент, пославши жену на Южный рынок насчет его любимой трещочки — тот из мурманского Заполярья родом, трескоед! — лежит себе на диванчике, освежает в памяти «Мертвые души» — как раз скандал в областном департаменте здравоохранения случился с приписками-недописками в статистике смертности, всех разогнали, словом, на злобу дня, похохатывает. Вдруг — звонок, открывает дверь, а там молодые парень с девушкой. Те сразу, мол, замечательный цветник! соседи к вам направили, супруга ваша его содержит. Нам бы с ней побеседовать, мы из «Толоки», мимо проходили — восхитились. Отвечает Николай Андреянович, что дома ее нет сейчас. А девушка: «Сожалею, нет времени подождать. Но вы, разумеется, ей помогаете за цветами ухаживать?» Не успел наш доцент сообразиться, парень его щелк фотиком — и след их простыл. Потом он рассмеялся и из головы выкинул, только рассказав пришедшей домой супруге. Дело в июне было, сессия в разгаре, легкая суэта, по разным корпусам приходится ходить. И где бы не появлялся Андреяныч, все, даже отдаленно знаемые, доценты, профессора, деканы первыми руку жмут, мол, видели ваше фото в «Толоке», где про домашний цветник расписано! В главный корпус зашел ведомости экзаменационные в учебный отдел занести, так все административное бабье, что четыре этажа из пяти плотно забило, на него в коридорах плятятся, изустно или кивками здороваются. Два там же встреченных проректора, вряд ли раньше простого доцента и в лицо знавшие, с легкой улыбкой снисходительного одобрения поручались и про фото в «Толоке» упомянули... Рассказал мне это Николай Андреянович, посмеялись под пару стопок «клюквенной» от аспирантского деда и пришли к фундаментальному, как пышно говорит на советах университета проректор по науке, открытию: из всего обилия мировой литературы, включая научную, выработанной человечеством, начиная с древнеегипетских «Книги Мертвых» и «Повести Петеисе III» и до XXI века все нынешние доценты, профессора и руководящие кадры вузов города читают только бульварную, извини, мой юный друг, «Толоку»... а в других городах и всякх есть свои «толоки». Вот и на себе решил повторить эксперимент с вашей славной газетой — а то, ввиду моей глухой известности, как что-то навроде этого некий классик сказал, соскучился я по известности в родном университете! Ха-ха-ха! Можешь это в шутку или всерьез понимать. Но — это для разминки.

Слушая разговорившегося после стопки клюквенной профессора, Дэн с некоторым изумлением осматривал кабинет хозяина, ибо уже по привычке за время работа в «Толоке» к принятому стандарту таковых — административных, всяких служебных, заводских и в обилии всевозможных частных заведений, торгово-посреднических в основном. Кабинет же Скородумова, начиная с перечислявшей его основные степени и звания таблички на внешней стороне двери, дополненной чуть меньшей по размеру с текстом

ПРОСЬБА АМЕРИКАНИЗМ «ПРОБЛЕМА»
НЕ УПОТРЕБЛЯТЬ! (КАК И ДРУГИЕ)

чем-то напомнил Дэну мельком виденную, скорее всего в инете, средневековую гравюру, изображающую ученого (не монаха, но трезвого) в его *обсервации* — почему-то это слово, совершенно ему неясное. Пришло в голову: книги на полках, книги в

шкафах, на столе... вообще везде на горизонтальных, исключая пол и потолок, поверхностях. Небольшой холодильник на подставке — из него профессор доставал бутерброд, закусывая стопку «клюквенной».

На столе перед креслицем с профессором листы рукописей. Но все в «келье» в образцовом, военно-морском, как бы одобрил его (не аспирантов) дед, служивший некогда срочную на «Балтфлоте». На единственно свободной половине стены несколько дипломов в рамочках, а также портреты Ленина, Сталина, Шопенгауэра, ая-толлы Хомейни и репродукции с трех картин, которые, заметив взгляд журналиста, охотно пояснил Игорь Васильевич:

— Это Репина, где на кремлевской площади Александр Третий после коронации разговаривает с депутатией сельских старост. Обрати внимание: православные без шапок, а татары с башкирцами в оных на головах. Теперь сюда: две картины одного и того же, известного придворного, так сказать, живописца — временные вариации на тему «Ленин у прямого провода». На первой, времен Генералиссимуса, Ленин со Сталиным у телеграфного аппарата, причем Сталин ленту читает и что-то назидательно говорит Ильичу. На второй, послесталинской, уже Ленин у аппарата, руки в брюки, поучает почтительно слушающего управделами правительства Бонч-Бруевича. Только телеграфист на обеих сценах один и тот же — все же против правды истории художник не попер! Рекомендую, как символ современной... да и любой иной прессы, повесить у себя в редакции, взяв из интернета.

При упоминании об интернете Дэн сообразил, что его напрягает: в кабинете не наблюдалось ни компа, ни планшета. Только рядом с городским телефоном китайского ширпотреба на столе лежал дешевейший старинчатый *Samsung* той же фабрики. Дэн поморщился, вспомнив детскую обиду: точно такой же гэджик экономная мать купила ему в начале первого класса учебы. Все одноклассники и ребята во дворе смеялись над ним: более дешевой и дрянной мобилы они не видели!

◆ Игорь Васильевич, как опытный педагог, хотя — по его словам — давно оставивший «глупую возню со студюзусами новейшей генерации», что сначала растормозит слушателей парой анекдотов, а затем перейдет к делу, и здесь посерьезнел, в словах, но не в душе, деловито обратился к Дэну:

— Сделаем так, мой юный друг. Я человек не разговорный, а сугубо думающий и мысли записывающий. Поэтому отвечать на вопросы тотчас не умею, а эти самые вопросы лучше мне сформулировать, как человеку «в теме», говоря на братковской фене. Согласен? Так вот, когда мне вчера ваша Верочка, отчества она по-нынешнему американизму не назвала, позвонила, то к стати образовались полтора часа слабозанятого времени. Вот я и написал наше с тобой интервью: твои краткие, в цель бьющие вопросы, а на них мои обстоятельные ответы. С существенной поправкой на широкий ареал читателей «Толоки». С полным к ним уважением. И к обоюдному, полагаю, нашему с тобой удовольствию. Если по объему не войдет в отведенную тебе полосу... или как это у вас называется? — сокращай, понятно, со мною не согласовывая: я сейчас новую монографию начал, отвлекаться не люблю.

Дэна слегка качнуло при этих словах чудаковатого профессора, но доводов возразить как-то в голове не собралось. С другой стороны, халява и есть халява, а профессор лапшу по бумаге не станет размазывать. Вон сколько томищ сочинил — Дэн посмотрел на три полки полтораметровой длины, уставленной книгами с фамилией Скородумова на корешках. И родители в детстве учили доверять приличным людям...

Игорь Васильевич протянул пластиковую папочку с несколькими листами, убористо исписанными, извинился:

— У меня классовая ненависть ко всяким этим «механизмам», пишу только от руки любимым паркером, что лет пятнадцать назад подарил после своей защиты самый умный мой аспирант. Ничего, разберешь — я в начальной школе еще чистописание застал. Перепечатаешь, не счти за труд. Мне вот лаборантка грамотная за от-

дельную умеренную плату набирает, а ты уж сам за свой гонорар потрудишься. Давай все же за взаимную экономию времени на интервью хлопнем по стопке клоквенной — оценишь, намного приятственнее всех тех *висок*, что в ваших компахках, как догадываюсь, с гордостью, какой полны штаны, пьют. А я напоследок в немногих словах, чтоб ты суть схватил, правя текст под ваши требования, сформулирую.

Дэн почти на автомате, еще не отошедши от стремительности подмены интервью уже готовым текстом, что впервые в его недолгой пока газетной практике случилось (гм-м, что-то впереди еще ждет?), смиренно принял стопку из рук приятно улыбающегося профессора. А тот чокнулся с ним своей, произнеся «как в моей инженерной молодости говорили — по полпромиле*!» — и указал на тарелку с бутербродами на столе. Дэну еще не доводилось пробовать самогон, судил о нем абстрактно, по совковым киношкам о Махно: мутный и вонючий. Но в стопке, в слегка волнующейся руке — от неожиданности ситуации, переливалась во внешнем свете коричневатая, от того не менее прозрачная до донца... Дэн зажмурился и махнул в один глоток. Пока во рту гуляло приятно-терпкое послевкусие, а от гортани до желудка катилось нечто округлое и теплое, в эти две-три секунды он осознал правоту Скородумова: все эти «джонни уокеры» и «белые лошади» есть прокисший сливовый компот, а аспирантов дед — доморощенный мичуринец и тимиразевец в одном 0,5-флаконе!

— Ну что, юноша взалкающий познания быстропреходящего и вечного,— бархатисто рокотал еще более взбодрившийся профессор,— давай по отвальной, чтобы посуда без употребления не куксилась, и я тебе на дорожку все же прорезуюмирую. За нашу славную, но, увы, бывшую науку. Прозит!

♦ Выйдя из корпуса биофака, Дэн позвонил Вере Антоновне, сказав, что интервью, ввиду сложности и несомненной актуальности темы, затянется, в редакцию заходить не с руки, а дома он все обработает и завтра утром принесет все в готовности. Придя домой еще до полудни, Дэн, отмахнувшись от расспросов матери и деда, прошел к себе. Едва коснувшись дивана, упал в глубокий неурочный сон. Проснувшись к ужину со свежайшей, ясной головой, с аппетитом поел, кратко обмолвившись, адресуясь к деду (отец запаздывал), о сегодняшнем занимательном знакомце, а затем почти до отбойных курантов набирал и правил интервью, которое наутро в распечатке и с переброской на флешку вручил начальнице. К тексту прилагалось фото вольнолюбивого профессора и общий — из угла по диагонали — антураж оригинального кабинета. Вера Антоновна, хмурая с утра, рассеянно кивнула. Дэн вернулся к себе, рассеянно просмотрел свою почту: на экране ничего занимательного не высвечивалось. Мимо ушей его пролетала обычная утренняя же пикировка Ленки с Владом, сдружение которых никак не переступало затянувшуюся вялую фазу: «Владик, скачай для меня...» — Не дожидаясь окончания дежурного заигрывания напоказ, тот буркнул: «Не водокачка я!». Шла обычная разминка редакции.

Через пару часов Дэна позвала Вера Антоновна, огорошив вопросом:

— Ты ведь, Денис, в пятиэтажке, с колонкой на кухне, живешь?

— Да... с колонкой. Квартиру еще дед получал. А что?

— Я вот тоже... с колонкой. Отцу, покойному сейчас, на заводе дали. А колонка у вас с основания дома? Или меняли?

— Да дед все ворчит: зачем, мол, старую убрали, теперь каждые пять лет приходится менять. А у вас как? — включился в разговор Дэн.

— А у нас в квартире газ. Дому шестьдесят лет минуло, столько же и колонке. Иногда, правда, по естественной старости слегка подтекает, фитиль обгорает и другие неприятности — ведь женский, до недавних времен, запенсионный возраст! Но вызовем из горгаза слесаря, он менее чем за полчаса все и исправит.— И как новая

* Сейчас, с подачи гаишников, слово «промилле» и грудному младенцу знакомо. А ранее его знали только инженеры и бухгалтеры. Промилле — десятая часть процента; соответственно полпромиле — 0,05 % как-то ассоциировалось с 50 граммами водки...— Прим. авт.

следующие два-три, а то и побольше, года газует. Я как-то по молодости, как и ты корреспондентом начинала, брала интервью у начальника горгаза, так он мне и разъяснил: почему старые колонки могут и до столетия дотянуть, а новые считай «одно-разовые», Оказывается, когда сразу после войны по репарации из советской зоны оккупации Германии подчистую вывозили целые заводы, не только военные, то рачительно прихватили и предприятие концерна Мессершмидта по производству газового оборудования, в том числе и бытовых колонок. И до конца семидесятых годов точь-в-точь по немецкой технологии их и делали. То есть мессершмидтовские колонки, как те же советские телевизоры шестидесятых-семидесятых годов, едва не на сто лет службы получились!

— Но-о, а я-то...

— А ты-то, Денис Батькович, при том, что нарвался вот на такого же «мессершмидтовского» профессора: раз его построили, а заменять не надо... в отличие от носителей этого звания современной выделки. Я, Денис, на дуру вроде как не тяну, понимаю, что и вопросы к «своему интервью» и ответы — все без твоего участия Скородумов сформулировал. Нет в них обычной газетной развязности и откровенной благоглупости. На-ко зачитай, зачитай концовку!

Дэн взял последний лист распечатки и, недоумевая, прочитал вслух обведенную Верой Антоновной красным фломастером заключительную фразу:

— «Период глобализации, как начало овеществленного перехода биосферы Земли в предугаданное еще академиком Вернадским новое ее качество — ноосферу, имеет целью в плане социальном полное расчеловечивание, то есть человек биологический выполнил свою эволюционную миссию. Честь ему и хвала уходящему. Очень скоро все мы перейдем в сугубо технический мир телекоммуникационных сетей, для обслуживания которых, после ликвидации в той или иной форме большей части населения планеты, будет оставлено...»

Здесь Вера Антоновна перебила:

— Достаточно, давай последние четыре строки.

— «...Уже нынешний человек в возрасте где-то до тридцати лет по своему образу мышления и жизненному поведению может быть квалифицирован, впрочем, безо всякой обиды доля него, как *безнатурный дурак*. Это не мои слова, но одного писателя девятнадцатого века».

— Согласен с профессором?

— Дураку легче живется,— уклонился Дэн от прямого ответа,— потом с него и спросу нет.

— И я согласна... как и все, но говорить это в открытую непolitкорректно. Давай поступим так. Беседу профессора с самим собой повесим на нашем сайте, убрав последние четыре строки, а в газету на День науки что-нибудь дежурное из интернета возьми. С учетом местной персоналии. Не забудь с сайта администрации области что-то добавить. До вечера вполне успеешь.

...Через год Дэн встретил на улице Светку Тринберг. Как и все еврейки, она в считанную пару лет быстро переоформилась из розовощекой девушки в уверенную молодую женщину. Пожаловалась: лондонский диплом получила, но на заграничное и московское житье денег нет — у отца смизерились адвокатские доходы: клиенты из знатных воров и прочих «честных предпринимателей» перевелись, ведь не девяностые! а чиновников за взятки смысла нет за одни задатки защищать — если их «за клин» и берут, то уже с гарантией на образцово-показательную отсидку.

Светка и раньше нравилась ему со своим своеобразием, а теперь и социального неравенства у них нет. Через полгода расписались и уехали на ПМЖ в Израиль, где у Светланы Ефимовны издавна уже обосновалась обширная родня. Она за полгода начатками иврита овладела, а Дэн на *дую спик англиши* приналег.

Опытный журналист наставляет стажера: «Ну, что ты, мой милый, написал: «Вчерашний Первомай в областном центре собрал не более двух тысяч митингующих, преимущественно пожилого возраста. В целом, все прошло спокойно за исключением небольшого инцидента: учащийся техникума бросил в сторону губернатора надорванный пакет с кефиром. Хулиган был задержан». Надо усилить акценты, примерно вот так: «Традиционный праздник весны и труда граждане города провели на своих виллах и дачах. Несколько сотен страдающих амнезией беспомощных стариков случайно зашли на площадь и остановились, заинтересовавшись появлением губернатора, известного прокоммунистическими взглядами, со свитой. Молодой демократ, студент колледжа Борис К., выразил возмущение политикой губернатора по задержке реформ и метким броском надорванного пакета с йогуртом «Эрмигут» сбил с него спесь. Милиция зверски скрутила руки молодого борца, отличника учебны и именного стипендиата фонда Гусиновича и бросила его в «черный воронк». Народ на площади роптал и возмущался» (это из 90-х гг.).

Галина Солонова
(г. Сельцо Брянской области)

КОГДА ЦВЕТЕТ ОЛЬХА

Галина Алексеевна Солонова родилась на Брянщине. После окончания педагогического института работала в системе народного образования на разных должностях. Пишет для взрослых и детей. Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств».

Раздался телефонный звонок. Денис нащупал рукой у подушки телефон, поднес к уху.

— Дениска, когда же ты приедешь? — послышался знакомый и такой далекий голос дедушки.— Пора. Пора. Деревня ждет тебя.

Застучало сердце чаще обычного. Ресницы дрогнули, Денис открыл глаза. «Что за сон? Дедушки уже нет как пять лет, а вот в канун Пасхи напоминает о себе.— Денис вспомнил восьмидесятилетний юбилей деда.— С какой гордостью он говорил о колхозных тружениках и как страдал от того, что колхозные хозяйства разорены...Дедушка помнит меня как Дениску, а я-то уже давно Денис Алексеевич, системный администратор. Живу в большом городе, и квартира у меня приличная, только,— Денис вздохнул,— только нет в ней хозяйки, и голоса детские не звучат, а давно пора бы. Не встретила простая, искренняя, с натуральными ресницами». Звонок сотового телефона прервал мысли.

— Сынок! Небось, с компьютером в обнимку со вчерашнего вечера в постели?

— И как ты все видишь! Привет, мамуль.

— Доброго утречка, родной. Ты, надеюсь, не забыл: скоро родительский день.

— Не забыл. Дедушка во сне своим звонком мне сегодня напомнил. Оформлю отпуск и через несколько дней приеду...

* * *

Раннее апрельское утро. Легкий туман окутал все вокруг. «Не рановато ли я выезжаю? — подумал Денис, усаживаясь за руль «Джипа». Незаметно прошли полчаса, пока пробирался по городу. Наконец солнечные лучи начали пробиваться сквозь облака. Трасса, как широкая серая лента, вьется среди неспаханых полей. Последние несколько дней после дедушкиного звонка во сне душа Дениса томилась: «Поля как сироты. Никому не нужны?» Неожиданно услышал отдаленный рокот тракторов. Мрачное настроение улетучилось, когда у обочины дороги увидел «Мерседес». Остановил свой автомобиль рядом и направился к мужчине, наблюдавшему за вспашкой поля.

— Красиво идут,— сказал Денис.

— Да, опытные трактористы,— ответил незнакомец, доброжелательно взглянув на Дениса.— А вы что, имеете какое-то отношение к сельскому хозяйству?

— Я — нет. Мой дед в соседнем районе хозяйствовал когда-то в одном из колхозов.

— Интере-е-сно. Прежде, чем заняться сельским хозяйством, я много интересовался былыми успешными колхозными и совхозными хозяйствами, заброшенными полями. А как фамилия вашего дедушки?

— Соловьев Виктор Петрович.

— Слышал, слышал. Хороший был колхоз. Да только давно это было, очень давно. Ну что ж, давайте знакомиться: Добронравов Дмитрий Константинович, сельхоз-производитель, основатель холдинга «Добронравов Агро», бизнесмен, по сути — просто крестьянин.

— А я — Кузнецов Денис Алексеевич. Моя работа связана с компьютерами. По должности системный администратор,— пожимая собеседнику жесткую ладонь, представился Денис.

— А внук, стало быть, столичный житель.

— Да, уж так складывается жизнь.

— А зов предков не будоражит душу?

— Есть такое. Иначе бы не остановился у поля, где рокочит трактора... Простите за любопытство: много ли у вас обрабатываемых земель?

— Начинал с шестидесяти гектаров, засевали картофелем. Теперь двадцать тысяч. Пшеница, соя, кукуруза, рапс, люпин, лен и еще многое другое.

Четыре трактора ровно бороздили бескрайнее поле после зимнего отдыха. Аромат свежевспаханной земли пробудил щемящую тоску и детские воспоминания о деревне. Дмитрий Константинович взглянул на Дениса и понял все.

— Могу точно сказать: едете вы, Денис Алексеевич, в свое село. И к столичной жизни адаптировались, а тянет вас на родные просторы.

— А кто же работает в вашем хозяйстве? — смущенным голосом спросил Денис.

— Жители окрестных деревень и сел. Их четыреста человек.

— А моя деревня почти пустует. Трактора поля не пашут. И, если что, с чего там начинать — не знаю.

— Эх, Денис Алексеевич, ехать мне пора. А вы поинтересуйтесь моим холдингом, работой других сельхозпроизводителей. Советую познакомиться с идеями Глеба Тюрина. И если есть свободные поля вокруг вашей деревни, зовите меня, а то среди наших предпринимателей за бесхозную землю идет борьба. Вот вам визитка на всякий случай.

Добронравов посмотрел на вспаханную землю, на удаляющиеся трактора, поднял голову, подставив лицо весеннему солнцу, постоял минуту с закрытыми глазами.

— Желаю удачи, думаю, еще пересечемся,— сказал он на прощанье и поспешил к машине.

Денис стоял в какой-то не понятной для самого себя растерянности. «Вон какой сильный человек. Личность»! — подумал с долей зависти, глядя вслед «Мерседесу».

* * *

Тихое, задумчивое настроение сопровождало Дениса еще часа два езды. Наконец колеса машины почувствовали укатанный грунт дороги, что ведет на погост. «Дорогу укатали автомобили родственников, бывших жителей деревни. Теперь они живут в городе,— бежали мысли Дениса.— А мне направо, по выбоинам и грязным лужам мимо брошенных полей». Издали увидел маму. Душа будто оттаяла, потеплела.

— Сыночек, все в порядке? Заждалась я,— утопая в объятьях сына, заговорила взволнованно Валентина.

— Не волнуйся, все в порядке,— успокоил Денис и вытащил из багажника большую сумку с продуктами.— Пойдем обедать, проголодался я...

Подперши кулаком подбородок, Валентина наблюдала, как сын с удовольствием ест деревенские щи, тушеную картошку и огурцы простого посола. И радовалась мать приезду сына, и волновалась: больно вид задумчивый и озабоченный. Наконец решилась нарушить молчание:

— Сынок, я ждала, что ты приедешь не один.

— Нет, мамуль, прости, пока не получается,— отозвался Денис, доедая еще не остывшую свойскую булочку и компот из сухофруктов.— А в деревне все по-старому? Пустует?

— Почему же? Ты знаешь, что три пары пенсионеров живут здесь уже год: Козичевы, Даниловы, Васечкины. Курочек и свиночек завели в своих хозяйствах. Дома потихоньку восстанавливают. Их сыновья установили водяные насосы в колодцах, что под горкой, как ты для меня. Не нужно им теперь в ведрах на коромыслах воду таскать. Слава Богу, электричество сохранилось в деревне. Дети с внуками летом отдыхали как на даче. Еще два дома заселили пенсионеры, пока как дачники. Вчера привезли их дети на своих легковушках из города...

После обеда Денис вышел из дому, пробрался сквозь засохший бурьян к краю взгорка. Взгляд устремился на небольшую речку, что протекала внизу, на почерневшие от времени заброшенные дома, стоявшие рядком, на заросший фруктовый сад. А дальше увидел опять небольшой взгорок, ряд домов, бесхозное поле, а за ним лес. Сердце замерло, хотелось раскинуть руки и полетать, присесть на макушку одной из разросшихся ив и вдохнуть полной грудью чистейший воздух. «Прекрасное место для санатория,— вдруг пришла фантастическая мысль.— А может быть, можно каким-то образом вернуть хоть малую часть бывших колхозников или их родственников в дома, еще годные к восстановлению?» Звук двигателя мотоблока заставил прислушаться: «Кто же вспахивает огород?»...

— Бог в помощь! — крикнул Денис.

Тракторок заглох. Подошел Иван Николаевич Васечкин, протянул руку:

— Доброго здоровьяца. Давненько тебя не было. Мать приехал проведать? Небось, в город ее решил увезти?

— Давно бы увез, да никуда она не хочет. Не скучно, не одиноко здесь?

— Я пожил в городе. Теперь хочу простора, да и детям в городской квартире свободнее без нас. Устали мы с бабулей от городской суеты. Спрашиваешь: скучно или нет? Скучать некогда: дом восстанавливаем — силы пока есть, дети приезжают — помогают. Огороды всем, кто здесь обосновался, нужно вспахать. В деревне у меня каждый день новый, каждый день другое небо. Утром встал и... завертелось, а вечером голову запрокинешь, а там облачка и такие, и этикие. Ночь наступает — смотришь на звезды, луну — усталости, что за день накопил, как ни бывало. Ты-то когда смотрел на ночное звездное небо в последний раз?..

* * *

Смеркалось. Руки привычно потянулись к ноутбуку.

— Сынок, отдохнул бы ты от своего экрана с клавишами. Завтра на кладбище к деду поедем.

— Ты, мамуль, не беспокойся, посмотри телевизор да ложись спать.

Пальцы привычно забегали по клавиатуре: «Добронравов Агро». Информации и текстовой, и в форме интервью много,— подумал Денис, погружаясь в чтение. «С конца девяностых годов Дмитрий Константинович начал работу в сельскохозяйственном направлении, получив небольшую субсидию от государства, брал кредиты на новую технику, чтобы обрабатывать шестьдесят гектаров земли. Понимал, что необходимо овощехранилище, построил его. И вдруг в две тысячи двенадцатом году — пожар, сгорел весь комплекс. Можно было бы сникнуть, все бросить, но это удел

слабых. Дмитрий Константинович, потеряв огромные деньги, восстал как Феникс из пепла. Дорогого стоит его фраза: «Не мог я сдаться, я мог только умереть»... Масштаб нынешнего сельскохозяйственного предприятия впечатляет: в собственности более двадцати тысяч гектаров земли, из которых возделывается семьдесят процентов площадей, при этом, каждый год объемы площадей, вовлеченных в сельхозоборот, увеличиваются. Запускается первая очередь зерносушильного комплекса, зернохранилище с возможностью хранения тридцати тысяч тонн сельхозпродукции».

Денис оторвался от компьютера, обхватил голову руками. Информация настолько его впечатлила, что закружилась голова и перехватило дыхание. «Значит, сельское хозяйство благодаря Добронравову и таким, как он, развивается, приобретает другую форму и масштабы. А ты, дед, никогда этого не узнаешь, не порадуешься». Взгляд опять устремился на экран компьютера, включил интервью корреспондента с крестьянином, как себя называет Дмитрий Константинович. «Мы — агрономы, технологи, инженеры, предприниматели,— услышал Денис,— все на полях. Все привязано к результату, гектару, килограмму. Я создал команду целеустремленных профессионалов, которым доверяю. Без этого нельзя. Земля приносит деньги. Не надо умничать, надо с мира «тащить» самые лучшие технологии. Уметь признавать ошибки, но самое главное — знать, как их исправить, и исправлять. «Холдинг Агро» — это мое детище, в которое вкладываю душу. Это доброе дело, и мне не стыдно за свои дела. Как успеваю за всем следить? Со всеми руководителями своих подразделений я круглосуточно на связи. Свои поля объезжаю на автомашине, осматриваю с воздуха, облетая на вертолете. Поле, которое три года назад было похоже на болото, а теперь там зреет кукуруза, или зеленеет ковер из рапса — это награда для души... Каковы мои планы и мечты? — широко улыбнулся опытный крестьянин, успешный бизнесмен Добронравов. (Денис отметил простоту в общении, незастыдность в одежде и сейчас, и тогда, при первой встрече, а еще доброжелательную подкупающую улыбку) — Все очень просто: накормить всю Россию, выйти на мировой рынок сбыта»...

— Вот это профессионализм! Вот это целеустремленность! — не удержался и произнес Денис вслух.

— Дениска, ты еще не спишь? — забеспокоилась мать.

— Все в порядке, мама. Не беспокойся,— тихо откликнулся сын и поставил запись на паузу. «А с чего же все-таки нужно начинать? — второй раз пронеслась в голове Дениса сумасбродная мысль. Он поспешно включил запись. «Условия для сельхозпроизводителей и в растениеводстве, и животноводстве,— напряг слух Денис,— равные. Это повышение квалификации на обучающих семинарах по применению самых прогрессивных технологий, это равные условия для получения региональных и федеральных субсидий. Остается лишь одно — желание работать. Успехов тем, кто решится посвятить себя сельскому хозяйству». За работу холдинга Добронравов Д. К. получил от президента Путина благодарность»,— Денис закончил читать информацию.

Устав от напряжения, стараясь как можно тише открыть и закрыть за собой двери, вышел во двор. Тишина. Полночь. Поднял голову. Величественная бархатно-черная бездна, усыпанная множеством сверкающих звезд, сразила своей красотой. Большая и яркая луна, словно небесный пастух, стережет Большую Медведицу, что красуется в зените, ревниво поглядывает на юго-восточную часть неба, где Марс и Сатурн затмевают ярким светом своих соперниц. «Да, давно я не смотрел на ночное небо. Мир наш земной в сравнении кажется крошечным. Философские мысли рождаются в голове: способен ли современный человек к великим жертвам на благо человечества? А для собственного счастья? А я?» Неожиданно среди веток красной рябины послышались трещащие и чиркающие звуки.

— Ты что ль, дрозд-рябинник, решил нарушить ночной покой? — прошептал Денис.— Птица в ответ еще раз протрещала, пошевелила оставшиеся после зимы

скудные гроздья красной рябины, что красовалась у забора.— Не волнуйся: свои. Ягоды твои не трону. Ухожу.

«Нет, не смогу уснуть, пока не узнаю, кто такой Глеб Тюрин и почему мне его рекомендовал Добронравов»,— подходя к компьютеру, решил Денис. Информацию нашел быстро. «Бывший сельский учитель, валютный дилер Промстройбанка Глеб Тюрин взялся за спасение «обескровленных» северных деревень. С вещмешком за плечами он шагал по Архангельской глубинке. Собирал группы людей, не равнодушных к собственной жизни. С подачи Тюрина и его Института в Архангельской области было создано сорок территориальных органов самоуправления (ТОСов). Эти проекты строились из нескольких элементов: люди, уставшие от безработицы и пьянства, объединялись, чтобы развивать свою местность. Для начала это были небольшие группы, которые становились структурой развития своей деревни, своего села. Они выступали в партнерстве между собой и в партнерстве с властью. Деревни зажили новой жизнью».

«Наша деревня не дождалась Глеба Тюрина, ни другого такого же умного и инициативного, поэтому деревенские жители покинули свои родные хаты, уехали в города за лучшей, комфортной жизнью.— Мысли Дениса теснили и опережали друг друга, не давая уснуть.— А всем ли в городе комфортно живется? Что, все стали предпринимателями, разбогатели? У кого были денежки, приобрели жилье. В нашем районном центре многие заводы позакрывались. Кто-то сумел уехать в Москву или Питер, работают там вахтовым методом, в основном, в сфере торговли. И на север едут, отрываясь от семьи, живут в неблагоприятных там условиях, лишь бы копейку заработать. А сколько семей распалось из-за такой нестабильности! Вот бы вернуть людей в деревню! Чем можно их заинтересовать? Бесценный дар — это окружающая природа. Река, луг, бесхозное (пока) истосковавшееся по людям поле, лес — все рядом. Бери и пользуйся, возвращай к активной жизни... Деревенская земля — благодатное место для овощеводства,— продолжали роиться мысли.— Поначалу открытый грунт использовать, а потом и закрытый. Хорошо бы пасеку завести, а разбогатеем — и санаторий можно построить. Ох, размечтался,— спохватился Денис.— Кто двигать все это будет?»...

* * *

В пятистах метрах от деревни красуется холм, по склонам которого растут березы. На его вершине расположен никогда не замерзающий источник. Люди называют его Святым. Когда он появился, никто уже не помнит. Но историю о том, что в советские времена источник засыпали песком и цементом, люди знают. Возродился он вновь. Чьи-то добрые руки оградили его камнями. Никогда не зарастает к нему извилистая тропинка.

В полукилометре этого холма расположено сельское кладбище.

— Кто-то уже оставил след колес,— сказал Денис матери, подъезжая к погосту.— Мы будем здесь не одни.

— Да, часто приезжают сюда родственники покойных. Некоторые в деревню наведываются, подступы к домам, где жили их родители, бабушки и дедушки, очищают.

— Может быть, надеются вернуться?..

Взгляд Дениса скользил между холмиками и оградами впереди собственных шагов. «Вот тщательно убранное мамой дедушкино могильное пристанище,— отмечал про себя Денис.— Гранитный памятник, на котором портрет ручной гравировки. Дедушка, казалось, смотрит, будто в душу проникает». Денис затаил дыхание, прошел влево от памятника, вправо — взгляд с портрета неотрывно следовал за ним.

— Мамуль, что хочет дедушка своим взглядом сказать или спросить у меня?

— У него, сынок, извечный вопрос, и ты его знаешь,— ответила Валентина, касаясь рукой надгробья.— Вот мы и здесь, отец.

Родительская суббота собрала достаточно много народу. Чувствовалось вокруг печальное оживление. Денис сидел молча на скамейке, изредка поглядывал на портрет деда, машинально отвечал на приветствия проходивших мимо людей, спешивших к обителям усопших родственников, думал свою думу. «Вот бы всех их позвать в деревню. Так нет же, приехали на машинах из города! — с упреком размышлял он. — А я? Разве не такой, как они? Не Добронравов! Не Тюрин!»

— Валентина Викторовна! Денис! Здравствуйте! — поздоровался мужчина средних лет, подошедший к могильной ограде.

Денис встрепенулся, взгляделся: модная дорогая куртка, холеный вид, знакомый, но давно забытый голос.

— Андрей, дружище, ты? Двинулся Денис навстречу, расплываясь в улыбке и заключая в объятия бывшего одноклассника, друга детства. Это сколько ж мы не виделись?

— А как уехал с родителями из деревни в пятнадцать лет, с тех пор и не виделись, — не выпуская Дениса из объятий, вспоминал Андрей.

— Слышала, слышала: большим бизнесменом ты стал, Андрюша, — прервала Валентина восторженные речи давно не видевшихся друзей. — Вы поворкуйте, ребятки, а я пройду до знакомых.

— Ты помнишь, как мы в детстве бегали к Святому источнику? — широко улыбаясь, спросил Андрей.

— Конечно, помню, друг. Целебной воды торопились принести Насте Моисеевой, когда она заболела. Оба влюблены мы были в нее. Где она теперь?

— Все просто: Настя — моя жена. Двое пацанов у нас. А ты? Женат?

— Не получилось: не встретила такая, как Настя, — потупившись, ответил Денис. — Минутная тишина, и долгий взгляд друг другу в глаза, словно проверяли, сохранилась ли та доверительная дружба. — А давай поднимемся к источнику, — прервал молчание Денис...

Поднимались не торопясь меж берез по склону холма. Какая-то незнакомая молодая пара со смехом торопилась вниз...

— Как изменилась природа и погода, — сказал Денис. — Ты помнишь, пятнадцать лет назад в апреле в это время еще ручьи журчали, а теперь сухо, трактора землю уже пахнут.

— Да, многое изменилось. Да и мы другие, с другими взглядами на жизнь. Смотри, только источник все тот же. Вода чистейшая, прозрачная, словно дорогой кристалл. Думаю, воду эту можно бутылировать и продавать в качестве целебной. Подумать надо на этот счет.

— Андрейка, так тебя мама называла, ты во всем ищешь выгоду — настоящий бизнесмен. Оглянись округ: деревня наша как на ладони, земля вокруг пустует, — широким жестом руки показал Денис, — ждет заботы человеческой.

— Прав ты, Дениска. Я богатый бизнесмен. Свой кузнечный бизнес создал в городе. А ты, друг, счастлив в своей столице? Своего бизнеса ты там не создал, и навряд ли создашь. Тянут тебя родные просторы, раз широкий жест мне продемонстрировал. Да и дедушкина кровь крестьянская в тебе течет.

— Да, дед постоянно в памяти моей, — вставил Денис.

— Прошло время, когда в городе можно было свое дело открыть. Теперь бизнес можно строить только на деревенских просторах, да и то торопиться нужно. Прежде город был пылесосом, пожиравшим человеческие ресурсы. Теперь горожане готовы возвращать долги своим деревням. Наша деревня — прекрасное место для организации овощеводческого и садоводческого бизнеса.

— А людей трудоспособных где я возьму? А денег где мне взять? — с сожалением произнес Денис.

— Вот это уже ближе к делу! — рассмеялся Андрей... Во-первых, у тебя есть

друг с деньгами — это я. Помогу безвозмездно, ради своей малой родины. Да и больших денег для этого не требуется. Скорее нужны воля, желание, ум и определенные технологии. А твой опыт системного администратора обязательно пригодится тебе позднее.

— Ты серьезно считаешь, что у меня все получится?

— Я уверен в этом. Ведь ты же внук Виктора Петровича. Нет людей? Так можно найти наемных работников в городе на сезонную работу. Организовать для них транспорт. Обратись к опыту бизнесменов, которые занимаются сельским хозяйством, даже в нашей области их уже достаточно. Смотри, сколько людей приехало на могилы своих деревенских родственников! Наверняка и среди них есть желающие вернуться в деревню. Кто-то захочет и своим хозяйством обзавестись: овцами, птицами. Где-то я читал, что вернувшийся в деревню мужик, — засмеялся Андрей, — страусов начал разводить... Слышал, что хозяева пяти деревенских домов нашлись, из райцентра ведь приехали. Приглашения с предложением вернуться в деревню в районной газете разместим, в интернете. К губернатору области поедем с твоими планами и предложениями. Он у нас мужик толковый, заинтересован в развитии сельского хозяйства в области.

Андрей замолчал, внимательно посмотрел на друга и увидел, как загорелись его глаза.

— После твоих, Андрюш, пламенных речей я окончательно утвердился в желании возродить малую родину. Смотри, простор какой! А дышится как легко и свободно! Думаю, силы есть, чтобы будущее сделать счастливым.

— Конечно, не все сразу, нужно время. Люди будут возвращаться: всем хочется дышать чистым воздухом, есть чистые продукты, пользоваться дарами леса, что, как говорится, под боком. Начнется строительство новых домов — тогда и я пригужусь со своим кузнечным делом. Да, вот еще что: шефство возьмем над твоим хозяйством, если будешь обеспечивать моих «кузнецов» свежими овощами, фруктами, зеленью... Денис, если не мы, то кто же? Другие найдутся, но упускать нынешнюю возможность просто грешно.

— Ты прав, Андрей!

— Звоню жене, что не приеду сегодня домой, останусь у тебя. Обсудим все детали возвращения к жизни нашей деревни.

— Звони. Не забудь Насте привет передать от меня...

* * *

Последние числа апреля. Лучи послеобеденного апрельского солнца стекали по лобному стеклу автомобиля. Денис поправил солнечные очки, наслаждаясь встречными потоками воздуха, струящимися в открытое боковое окно. Настроение было отличное. Душа прыгала от радости, с лица не сходила улыбка. «Я — сельхозпредприниматель — и самому не верится, — потекли мысли Дениса. — С губернатором области обсудили вопрос о запуске в оборот земельных паев бывших колхозников, затронули вопрос о строительстве дороги в деревню от основной трассы, о газификации будущего сельскохозяйственного комплекса. Решили вопрос по приобретению семян свеклы, моркови, картофеля, огурцов, капустной и помидорной рассады. Подаренный трактор, мотоблок, людские руки двадцати трудоспособных работников вселяют надежду, — продолжались Денисовы мысли. — Все это благодаря помощи друга — Андрея. Без него я бы так быстро не справился. Да и Добронравов, спасибо ему большое, замолвил слово. Задействуем всего лишь этой весной, к сожалению, восемь гектаров земли. «Не жадничай по этому поводу, — вспомнил Денис Андреевы слова. — Активизируй людей развивать свои подсобные хозяйства. Уговори их получить зарплату осенью, когда реализуете выращенный урожай».

* * *

Мысли прервались шумом работающего трактора, который вспахивал поле недалеко от проезжей дороги вокруг ольховой лощины. «Вот он — наш тракторок! — хлынули в сердце радостные мысли, — работает». Денис остановил машину и двинулся по пахоте, не щадя своих новеньких резиновых сапог, к красновато-коричневым зарослям. Трактор удалялся. Денис посмотрел вслед, скользя взглядом вдоль невысоких ольховых деревьев. От неожиданности остановился, увидев женскую фигуру. «Наваждение, что ли? — снял он очки. — Да, нет, не наваждение», — и поспешил с чувством удивления.

Модная красная курточка, узкие синие джинсы, заправленные в резиновые ботинки, развевающиеся под порывами легкого ветерка волосы. Девушка повернулась к приближающемуся Денису и с любопытством окинула его взглядом с ног до головы. «Нет, это городская. Таких у нас в деревне еще нет. А жаль», — пронеслась в голове Дениса неожиданная мысль.

— Любопытно: что делает среди поля в одиночестве девушка? — произнес, широко улыбаясь, Денис.

— Ну, во-первых, не в одиночестве: трактор пашет рядом. А во-вторых, машина с родственниками в ста метрах отсюда стоит, — кивнула она головой в сторону большака. — Так что, напугать меня вам не удастся, — усмехнулась она, прикрыв серо-голубые глаза пушистыми ресницами.

— А если всерьез, что вас в этих зарослях заинтересовало?

— Так ведь это же серая ольха! Ее блестящая серебристо-серая кора радует глаз. А черные прошлогодние шишки овальной формы, — бросила незнакомка руку вверх, — видите? Их настои при ангине, при головной боли полезны! Боль и усталость ног снимают! Это же святое дерево здоровья. Неужели не знаете?

Увидев на лице незнакомца широкую улыбку, девушка смутилась, замолчала и опять прикрыла глаза пушистыми ресницами.

— Почему же! Знаю, как воспевал это волшебное дерево Евгений Евтушенко.

— Сережка ольховая, легкая, будто пуховая, — неожиданно тихо, глядя Денису в глаза, словно в отместку, стала незнакомка читать стихи, — но сдунешь ее — все окажется в мире не так.

— А, видимо, жизнь не такая уж вещь пустяковая, — продолжил Денис стихи под любопытным взглядом женских глаз, — когда в ней ничто не похоже на просто пустык!.. Может, пора нам уже познакомиться?

Девушка первая протянула руку:

— Анастасия.

Денис сгреб женскую мягкую ладошку в обе свои ладони и молчал, давая волю мыслям: «А ведь ресницы ее натуральные, да еще и пушистые».

— Вас, вас как зовут? — почувствовал Денис, как ладонь Анастасии хочет вырваться на волю.

— Денис Алексеевич, — вздохнув, ответил он.

— Так это вы пламенным призывом в интернете взбудоражили моих родственников приехать в свою бывшую деревню?

— Я. Я хочу возродить ее к жизни, к здоровой жизни. А вы чем занимаетесь?

— Преподаю в школе биологию... — Анастасия тронула рукой ольховую ветку. — Листьев еще нет и в помине, а крупные сережки пучками висят на концах ветвей. Это говорит о том, что наступила весна, и лето будет жарким.

— Это точно: лето будет жарким...

Петр Любестовский
(г. Сельцо, Брянская область)

ГОРЬКИЙ МЕД ОТЦВЕТАЮЩЕЙ ЛИПЫ

Родился на Смоленщине, в деревне Любестово, в семье фронтовика. Окончил Звенигородский финансовый техникум и Калининский государственный университет. По образованию юрист. Служил в ВС и в МЧС. Подполковник в отставке.

Публиковался во многих журналах. Лауреат и дипломант международных и всероссийских литературных конкурсов. Автор девяти сборников прозы. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

В Приволье семья Расторгуевых приехала летом, в пору сенокоса.

В селе поговаривали, что глава семьи Илья Расторгуев служил на Севере вертухаем — охранял зеков. Выйдя на пенсию по выслуге лет, вернулся на малую родину — укатил подальше от греха, чтобы зеки не достали и не привели свои угрозы в исполнение.

Нелегкая служба в суровых условиях наложила отпечаток на внешность бывшего сверхсрочника. Почти двухметровый статный детина с пудовыми кулаками выглядел изрядно уставшим, не по годам изношенным. Удлиненное темное лицо, изрытое глубокими морщинами, напоминало кору старого дуба. Злые языки утверждали, что Илья за четверть века службы на Севере пристрастился к спиртному и теперь страдает печенью.

Жена Ильи Мария, редкая красавица, несмотря на лучшие годы, проведенные в вынужденной ссылке, ничуть не потеряла свою привлекательность и была еще в самом соку.

Досужие деревенские бабы, стоя у колодца, не упускали случая, чтобы, завидев Марию, не посудачить о ней:

— Северянка цветет и пахнет. А говорят, что сорок лет — бабий век,— с нескрываемой завистью молвила рыжая почтальонша Верка Мазилина.— Смотри, как хвостом крутит. Ей еще рожать впору, да Илья слабоват. Как бы наших мужиков не захомутала.

— А чего ей не цвести?! — возмущенно откликнулась Дашка Громиха, сварливая баба, прозванная так за грубый голос и тяжелый характер.— Это мы ломовые лошади раньше времени отцвели. А она ни дня за свою жизнь не работала. Сидела у мужа на шее, потягивала спирт, крутила шуры-муры с офицерами из охраны лагеря да воспитывала нагулянную дочь.

— А Илья знает, что это не его дочь?— заинтересовалась Верка.

— Баба, когда захочет, и черта обманет,— отмахнулась от нее Громиха.

На родительской усадьбе у околицы села, в окружении вековых деревьев, Расторгуевы с помощью бригады плотников за лето возвели добротный дом, купленный на снос. Ветхую избу родителей приспособили под сарай, приобрели скотину и птицу.

Илья успел подружиться с сельским главой на почве горячительного и получить сенокосный надел.

Во время косовицы мужу помогала Мария. В голубом атласном сарафане, перехваченном узким пояском, подчеркивающим ее эффектную фигуру, в легкой цветной козынке, она ловко ворошила граблями сено, покачивая бедрами. Мужики не сводили глаз с чернобровой красавицы, у которой за пазухой соблазнительно колыхались пышные груди. А бабы искоса поглядывали то на Марию, то на мужей. Одергивали их. Особенно бдительной была Верка Мазилкина, муж которой слыл редким бабником.

— Куда пялишься? — покрикивала она на своего Андрея, — Машкой Северянкой пришел любоваться или сено убирать... Еще не нагулялся? Для жены силы прибереги, а то укатают сивку крутые горки.

Когда с сенокосом управились, Расторгуевы перевезли сено к дому, сметали в стог, а оставшимся заполнили сарай.

— Слава Богу, за погоду успели. Надо бы обмыть удачное завершение дела, — предложила мужу Мария, лениво потягиваясь после небольшого послеобеденного отдыха. — Таков деревенский обычай. Нарушать его нельзя. А то, не дай Бог, пойдут дожди, и сено сгниет в стогу.

— Обычай надо соблюдать, — одобрительно ответил Илья. — У меня поясница ноет от непривычной работы. Сбегай за бутылочкой к Скугарихе. Говорят, у нее самогон, что лекарство — любую хворобу как рукой снимает.

Мария живо надела платье в горошину, с большим вырезом на груди, покрутилась у зеркала, поправила прическу, подкрасила губы, брызнула на себя духами из флакончика. По комнате поплыл нежный аромат: тонкий, будто рядом зацвела ночная фиалка.

— Прихорашиваешься, будто на гулянку, — проворчал беззлобно Илья.

— А как же! Пусть деревенские бабы лопнут от зависти. Постоянно замечаю, как смотрят вслед и переминают мои косточки. Будь я такой же замарашкой, как они, им было бы гораздо спокойнее. А я не желаю опускаться до их уровня. Я хочу форс держать...

Скугаревы жили на отшибе села, на берегу говорливой речушки Аксинки. Клавдия торговала молоком на рынке, а ее муж Иван, бывший агроном, после распада колхоза заболел, получил инвалидность. Скугарев хлопотал по хозяйству да потягивал самогон, который гнала жена. Деревенские мужики охотно откликались на просьбы Скугарехи о помощи — Клава всегда рассчитывалась бутылкой. Хорошим знакомым иногда давала самогон за деньги.

Их единственный сын Юрий окончил техникум, отслужил армию, устроился на службу по контракту в воинскую часть и поступил на заочное отделение пединститута. Парень был видный, красив лицом и статью. Поговаривали, что Клава нагуляла его от чернявого фининспектора, за что Иван в молодости, по пьяной лавочке, поколачивал жену.

Мария слегка постучала в дверь, вошла. Дома была только хозяйка.

— Мир вашему дому, — нежным голосом сказала гостя.

— Спасибо на добром слове, — отозвалась Клавдия. — Проходи, Мария. Присаживайся. С чем пожаловала?

— Клавдия Федоровна, я к тебе с просьбой. Слава Богу, с сеном, наконец, управились, но так устали от нелегкой деревенской работы, что Илья мой занедужил. Не откажи — дай бутылочку здоровье поправить.

— Оставляла для себя, но хорошим людям отказывать грех, — сказала хозяйка. Пошарила в кладовке, достала бутылку, протянула Марии.

— Спасибо, Федоровна. Дай тебе Бог здоровья, — сказала Мария, пряча бутылку. — Не перевелись еще в нашем селе добрые люди...

Клавдия поставила на стол маленький графинчик, налила стопку.

— Присядь, отведай. Сними пробу...

Едва Мария успела выпить, как в дверном проеме возник статный, крепкий парень цыганистой внешности, в спортивных брюках и бейсболке.

— Здравствуйте,— кивнул он Марии, задержав на ней взгляд.

Мария ответила на приветствие и, не скрывая восхищения, спросила:

— Кто же это будет, такой красавчик?

— Это наш сынок Юра. Отслужил армию. Теперь служит по контракту.

— От девок, видно, отбоя нет,— не отводя от парня глаз, сказала Мария.

— Ему не до того. Учиться надо, мне помогать — отец слаб здоровьем. Девки куда не денутся — надо на ноги крепко встать,— рассудила Клавдия.

— Одно другому не мешает,— заметила Мария.

— Так-то оно так, но девки до добра не доведут — у них одна гульня на уме. А у Юры серьезные планы — получить образование, офицером стать.

— Мам, ну что ты свое заладила,— улыбнулся Юрий.— Парень не девка — в пополе не принесет. Ему погулять не грех, пока годы молодые.

— А ежели от этой гульни дите появится на свет — вот и заарканят тебя. Всю жизнь потом будешь каяться да локти кусать.

— В селе полно вдовушек. Они рожать не собираются,— заметил Юрка.

— Рано тебе по вдовушкам. Лучше в дело смотри,— буркнула Клавдия.— Не забудь мотоцикл заправить. Завтра утром к отцу в больницу поедем...

— Ну ладно, мне пора,— сказала Мария.— Пусть меня Юра проводит. Там в конце улицы стая собак бегаёт — боюсь, что не смогу спокойно пройти.

Клавдия неодобрительно посмотрела на Марию, потом на сына, но промолчала. Только покачала вслед головой. Насторожило ее, что сын слишком охотно согласился. Потом не раз корила себя и мужу твердила: «Я сразу нутром почувствовала недоброе, а предотвратить беду не смогла. Если бы знать, чем все закончится, остановила бы сына. В ноги бы бросилась, умоляла бы, чтобы не ходил... Откуда только нечистая сила эту гулену в наш дом принесла?!»

Мария предложила пойти по тропке в обход села, подальше от лишнего глаза. Юрка не возражал. Они шли, болтали о погоде, о сенокосе, о деревенских нравах. Он смотрел на нее и думал: «Природа здорово потрудилась над ней. Богиня красоты. Хотя уже и не молода...»

— Как ты сумела сберечь красоту на Севере? — осмелился спросить он.

— Сберегла, потому что не растратилась, не путалась ни с кем. Муж пресытился в молодости, а потом не замечал мою красоту. Замечали другие. Но у меня очень тонкий вкус. Пофлиртовать могла, но соблазнить никому не позволяла. Вот если бы рядом был такой красавчик, как ты, тогда... — заманчиво глянула Мария на Юрку. И того будто током прошибло.

Они вышли на окраину села и оказались под сенью вековых деревьев. Здесь, в бывшей дворянской усадьбе, пышно цвели старые липы. Вокруг мерно гудели пчелы. Тонкий медовый аромат, прогретый июльским солнцем, витал в воздухе и немного пьянил, обостряя чувства. Юрка не выдержал, взял Марию за руку, привлек к себе. Она словно ждала этой минуты. Обвила его шею мягкими теплыми руками, стала горячо целовать...

Медовый аромат цветущих лип, нежный запах духов, жаркие поцелуи вскружили парню голову. Юрка подхватил Марию на руки, понес в заросли малинника, на ходу целуя ее волосы, плечи, груди. «Не надо. Вдруг увидят...»,— сладко шептала ему на ухо Мария. Но было уже поздно...

Она встала, одернула платье, поправила прическу. Поцеловала Юрку, как ребенка, в щеку.

— Расстаемся на месяц. Скоро дочка Лера поедет учиться в техникум, а Илья пойдет работать ночным сторожем на ферму. Я останусь одна и тогда позову тебя,—

а сейчас по домам,— мило улыбнулась Мария.— Мой благоверный убьет меня, если что-то заподозрит...

Занималась вечерняя заря. Над рекой закурился туман. Было тихо, и только слышалось, как журчит вода в реке, как стрекочут в траве кузнечики.

Илья стоял у крыльца, всматривался вдаль.

— Где ты пропадала? Я уже собирался отправиться на поиски.

— Засиделась у Скугарехи. Не пожелала Клава отпускать без угощения.

— А почему шла окольным путем? — допытывался Илья.

— Собаки по улице разгуливают. И с бабами встречаться не хотела: они опаснее собак.

Юрка Скугарев с нетерпением ждал встречи с Марией. Думал о ней. Считал дни. Уже был на исходе август, но вестей от Марии не было. Пару раз вечерами подбирался к ее дому, наблюдал. Но Мария не показывалась.

В последний день августа Юрка решил навестить друга детства Мишку Ракитина, который жил на самой околице села, неподалеку от Расторгуевых. Засиделся у него допоздна. А когда возвращался, увидел на лавочке у крыльца Марию. Та махнула ему рукой, приглашая к себе. Юрка опрометью бросился к ней. Обнял, стал целовать. «Погоди, соседи заметят»,— вырвалась Мария. Поднялась на крыльцо, открыла дверь.

— Уже неделю жду тебя, мой милый,— обвила она Юркину шею горячими руками.— Извелась вся. Думала, гадала, как подать знак тебе...

— Я тоже очень тосковал по тебе,— шепнул ей на ухо Юрка.

У Юрки уже был опыт близости с девушками, но он не испытывал такого наслаждения с ними, как с Марией. Она была ласкова, нежна и так пылала страстью, что Юрка терял голову. Марии требовалось немало усилий, чтобы выпроводить его домой. Хотя и она не спешила расставаться. Призналась как-то: «Когда ты со мной — у меня бабочки в животе порхают».

В воинской части Скугарев дежурил сутками. После смены, немного отдохнув, принимался за домашние дела, а вечером бежал к Марии. Два-три раза в неделю поздними вечерами пропадал у нее. Мария стала сдерживать его, напоминая, что у нее есть муж и ему нельзя отказывать в близости, чтобы он ни о чем не догадался.

Однажды вечером, когда Юрка собрался нырнуть за дверь на очередное свидание с Марией, мать сказала:

— Погоди сынок, поговорить надо.

— Что ты, мам, хотела? Я спешу...

— Сынок, по селу ходят слухи, что ты связался с Северянкой. Зачем она тебе? У нее есть муж. Он крут. Узнает — не сносить тебе головы...

— Мам, что ты слушаешь разного рода деревенские сплетни?! Раньше этого за тобой не наблюдалось. Мало ли у нас в селе недоброжелателей.

И все-таки Юрка призадумался. Да и Мария подлила масла в огонь:

— Илья последнее время сам не свой. Неужто, о чем-то догадывается... Медовый месяц мы отгуляли — надо сделать перерыв,— предложила она.

— Если только на пару недель, пока я подготовлю контрольные работы и сдам зачеты в институте,— согласился Юрка.

Скугарев вернулся домой, приступил к службе. Прошло не так много дней, как он не виделся с Марией, но это время показалось ему вечностью. Сменившись с дежурства, отдохнул и охотно взялся за дело: переколол дрова, убрал их в сарай, натаскал воду для бани. Во время работы, предвкушая сладость предстоящей встречи, напевал себе под нос: «Пуškai все сон, пуškai любовь игра, ну что тебе мои порывы и объятья, на том и этом свете буду вспоминать я, как упоительны в России вечера...» А в сумерках поспешил к другу, чтобы на обратном пути встретиться с Марией.

Мишка предложил выпить за встречу. Юрка не возражал. Посидели, выпили бутылку. Разговорились. Неожиданно Мишка спросил:

— Юр, это правда, что ты с Северянкой любовь закрутил?

— А почему тебя это интересует? — вопросом на вопрос ответил Юрка.

— Говорят, тебя не раз видели с ней. Вот и решил узнать из первых уст.

— Было дело. Предпочитаю помалкивать об этом,— пробормотал Юрка.

— Это можно толковать так: было и прошло? — уточнил Мишка.

— Нет, продолжение следует,— твердо сказал Юрка.

— Да-а,— протянул Мишка.— Красота — великая сила. К тому же, видно, баба огонь. Легко не отпускает... Слышал краем уха, что она не только тебя привечает. Пока тебя не было, к ней заходил Димка Туз.

— Откуда такие сведения? — косо глянул на друга Юрка.

— Громиха бабам рассказывала, как Туз покупал в магазине бутылку и капроновые колготки Марии в подарок. И как выходил из ее дома поздно вечером. Возможно, и сегодня развлекается с ней,— поддел друга Мишка.

Юрка встал, вышел во двор. Воображение рисовало грустные картины. «Вот так камуфлет! Надо проверить — так ли это? Но первым делом — в магазин, к Ленке Карасевой. Приму на грудь для храбрости...»

— Лен, подай бутылку белой и малость закусить,— попросил Юрка.

— Юра, зачем тебе белая, ты же не поклонник Бахуса? — заметила Ленка.

— Друга надо угостить,— недовольно проворчал Скугарев.

— Друга или подругу? — ухмыльнулась Ленка. И когда уходил, услышал в спину: «Медом вам там намазано, что ли? Вдовушек вокруг полно...»

В ответ Юрка громко хлопнул дверью.

Он шел и думал: «На кого меня променяла — на долговязого хмыря Тузина, по прозвищу Туз, которого в школе я не раз мутузил, чтобы не обижал пацанов. А потом, когда я срочную служил, он срок тянул за хулиганство. Выходит, ей по нутру люди такого пошиба...»

Скугарев укрылся за вековой липой против дома Расторгуевых. Липа отцветала, пахла горечью.

Юрка выпил бутылку целиком. Стал наблюдать. В окне мелькнули какие-то тени. И тотчас погас свет.

— Ну что, голубки, попались. Посмотрим, что вы сейчас запоете...

Неуверенной походкой Скугарев поднялся на крыльцо, решительно постучал в дверь. На веранду вышла Мария в ночной сорочке. Прильнув к окну, увидела пошатающегося Юрку, замахала рукой:

— Что ты делаешь? Уходи немедленно, Илья дома...

— Ты врешь! Открой. Я хочу посмотреть, с кем ты развлекаешься.

— Юра, уходи, ты пьян. Илья услышит — нам несдобровать...

— Не хочешь открывать, тогда пусть Туз выйдет. Я с ним поговорю...

— Какой Туз? Ты с ума сошел. Уходи,— жалобно попросила Мария.

— Открой или высажу дверь,— крикнул Юрка и ударил кулаком по окну.

Звякнуло стекло. На веранде показался Илья с ружьем в руках.

— Кого ты здесь успокаиваешь? — спросил он у Марии.

— Не знаю, какой-то пьяный ломится. Видно, дом перепутал...

— Я ничего не перепутал,— крикнул Юрка.— Откройте, а то хуже будет.

— Убирайся прочь, а то завалю,— крикнул в ответ Илья.

Он просунул ствол в разбитое окно, прицелился. Мария бросилась к мужу, пытается помешать. Илья оттолкнул ее. Она упала, закричала.

Скугарев стал что-то соображать. Зажав рукой рану на правой кисти от разбитого стекла, он шагнул вниз с крыльца, намереваясь уйти.

Илья чуть помедлил и пальнул ему по ногам. Юрка упал, застонал.

Он дополз до соседнего дома, постучал в окно и потерял сознание.

Сосед Игнат Любавин открыл дверь, увидел бездыханного Юрку, затащил в дом, вызвал «скорую». Игнатиха тем временем перевязала раны.

Скугарева отвезли в больницу, прооперировали. Утром, когда Юрка открыл глаза, он увидел у кровати участкового Антона Уличева.

— Ну, рассказывай, Скугарев, почему тебя на подвиги потянуло?

— Перебрал малость... Сам не могу понять, как все вышло...

— Да, натворил ты дел,— сказал капитан.— Твои деяния уголовщиной пахивают. Расторгуевы написали заявление. Примириться не желают.

— Так это Илье надо опасаться, что срок дадут. Ведь я пострадавший.

— «Мой дом — моя крепость». Ты ломился к ним в дверь, разбил окно, грозился поджечь дом. Хозяин воспринял угрозу как реальную и защищался. Действовал в пределах необходимой обороны. И ему ничего не грозит.

Через месяц Скугарев вышел из больницы. Вскоре был суд. Марии на суде не было. Юрка твердил, что шел к другу, но перепутал по пьяни дом. Судья отклонил его доводы, признал виновным и дал ему условный срок.

Из воинской части Скугарева уволили по отрицательным мотивам. Но беда, как известно, не приходит одна. Во время операции по удалению дроби в ногу задела какой-то нерв, и у Юрки осталась хромота.

Расторгуевых возненавидело все село. «Вертухай ни за что парня покалечил. Лучше бы вертихвостку свою проучил, чтобы впредь ей неповадно было совращать молодых ребят, которые ей в сыновья годятся...»

По весне Расторгуевы продали дом и укатили из Приволья.

Галина Мамыко
(г. Симферополь)

ОСЛЕПИТЕЛЬНАЯ ЛЮБОВЬ

Выпускница Калининградского госуниверситета, работала учителем, журналистом, публиковалась во многих журналах, в том числе в «Приокских зорях».

— Ослепительная, ну, просто ослепительная мадам,— говорил Боря Хухрев, когда видел на улице известную в городе актрису Жанну Болтаеву, и делал все, чтобы быть ею замеченным.

Замедлял шаг, взгляду придавал туманность, а губам улыбочивость. Мадам благосклонно кивала и, если была в настроении, разрешала чмокнуть себя в щечку. Были они знакомы с какого-то там класса, и все эти годы, прошлые и нынешние, Боря вздыхал по Жанне.

Сам Боря Хухрев красавцем, в отличие от Жанны Болтаевой, не был, денег тоже особо не имел, но зато он писал стихи, сочинял на эти стихи музыку, а потом мог спеть, если попросят. И даже мог спеть, если не попросят.

Пел он часто, громко, и не только у себя в квартире или на балконе, но и со сцены местных театров, куда его приглашали в числе прочих городских бардов.

В основном, пел он о Жанне Болтаевой. Примерно так:

*Ослепительная мадам, вы опять не со мной, плачу,
И опять я не свой, не свой, не могу все поймать удачу.
Мне удача, о, Жанна, вся в вас, вся удача мне в вас, Жанна!
Но, увы, одинок мой глас, режет слух ваш ответ «Не надо!»*

Жанна Болтаева действительно отвечала «не надо» на любовные признания Бори Хухрева, о чем знал весь город. Боря Хухрев признавался ей в любви прилюдно и наедине, очно и заочно, на площадях и в парках, с театральной сцены и с больничной койки.

На больничную койку он попадал дважды по собственному желанию, когда из-за несчастной любви резал свои вены. Жанна Болтаева не оставалась равнодушной к такому экстремальному проявлению чувств со стороны Бори Хухрева, и приходила к нему в больницу вместе с коллегами по театру. Она смотрела на бледного Борю и улыбалась своими красивыми губами в ответ на его страстные взгляды.

У нее было много мужчин, он это знал. Он отслеживал через соцсети жизнь Жанны и ее мужчин, знал по именам ее детей, и долгими ночами глядел сквозь слезы в звездное небо и пел, пел об ослепительной Жанне.

В конце концов уставшие от его песен соседи написали однажды заявление в полицию, и к влюбленному Боре Хухреву вломились двое полицейских в бронежилетах. Разговаривали с ним грубо, и это Боре Хухреву было непонятно.

Он с удивлением спрашивал, за что его ругают матом, ведь он поет песни о любви. Тогда Боре пообещали «веселую жизнь», если он «не заткнет фонтан».

— Нет у меня фонтана,— сказал Боря Хухрев с обидой.

Как поэт, он понимал метафоры и прочие фигуры речи. Но лично к себе он не желал допускать подобных оскорблений, свое творчество он не мог ни в каком виде признать «фонтаном».

— Это у графоманов, знаете ли, фонтаны и поносы словесные. А у меня — не фонтан, не фонтан,— крикнул, совсем уже разгорячившись, Боря Хухрев.

— Да ты что, на тюрьму, на тюрьму захотел? Да мы знаешь, что тебе сделаем?! — вышел из себя полицейский.

Лицо у него было таким же квадратным, как и фигура, а сощуренные злые глаза показали Боре бойницы в бронебашне.

— И что вы мне такое сделаете? — сказал с достоинством Боря Хухрев.

В душе он ощутил холодок. Быть может, это был страх. Или бешенство. Кто его разберет.

— Наркоту подкинем, вот что! — заорал полицейский-бронебашня и надвинулся грудью на Борю.— Ты понял, понял? Будешь еще тут баланду разводить? Или на тюрьму пойдешь?

— Я закона не нарушал, я за нашу власть,— сказал Боря Хухрев, напирая на слово «нашу».

Сказал он это в большом волнении. Власть в его понимании оставалась единственным аргументом, призванным сохранить свободу и жизнь в любой, самой несправедливой, ситуации.

Инстинкт самосохранения подсказал ему, что бы еще такое впечатляющее добавить, и он добавил:

— И вообще я член нашей, государственного курса, партии, и лично знаком с самим мэром нашего города!

Полицейский-бронебашня отступил и оглянулся на товарища. Тот скорчил рожу, показывая, что в подобном нестандартном происшествии он тоже не знает, как быть. И на всякий случай ушел на лестницу перекурить.

— Врешь ведь,— сказал полицейский-бронебашня, оставшись наедине с Борей Хухревым.

Сказал уже другим голосом. Можно сказать, ласковым.

— Нет, я не вру,— сказал Боря.— Это правда.

Он действительно не врал. В партию он вступил в прошлом году, когда узнал, что Жанна Болтаева туда вступила. Но этому предшествовала другая история. Знакомство с мэром Игнатием Михайловичем Деньгиным. Это случилось в театре, на концерте авторской песни. Боря пел там вместе с другими бардами. Мэру понравилась Борина песня про Жанну Болтаеву, господин Деньгин был ее большим поклонником. Он попросил помощника отнести на сцену Боре Хухреву букет цветов с визиткой и автографом мэра, и по его просьбе Боря Хухрев еще один раз спел про свою несчастную любовь к Жанне Болтаевой.

*Она прекрасна, но она не моя,
Я каждую ночь страдаю.
Жанна, о, Жанна, моя душа
Уже изнемогает.*

И так далее.

Когда Боря пел эту трагическую песню, то по его лицу бежали слезы. В зале кричали «браво», а мэр, как и Боря, тоже хотел плакать.

После концерта Борю позвали на фуршет для избранных, где помимо мэра Деньгина Игнатия Михайловича с его свитой находилась и ослепительная Жанна Болтаева в декольте и искусственных бриллиантах.

Борю снова просили петь про несчастную любовь, он пел, остальные пили. Борю сфотографировали вместе с господином мэром, а спустя пару дней ему через секретаря передали подписанное рукой мэра фото: «С уважением к Вашему творчеству, дорогой Боря Хухрев! Ваш Игнатий Деньгин, мэр».

А что касается того памятного вечера и мэрско-театрального фуршета, то закончилось все прекрасно для господина Деньгина, и не прекрасно для Бори Хухрева. Потому что Жанна Болтаева после фуршета уехала с Игнатием Михайловичем Деньгиным на его машине. Куда, Боре никто не рассказал. Он, конечно, плакал у себя дома ночью, а потом с ходу написал еще одну песню и спел под ночным небом прямо с балкона. В ответ на него посыпались из чужих окон матюки, а он снова заплакал. Ну, а вскоре, как раз после всего этого, он и узнал, что Жанна Болтаева вступила в провластную партию. Вот тогда и он последовал примеру своей богини.

Все это он, конечно, не стал рассказывать полицейскому-бронешашке, а просто показал визитку мэра с его автографом и, самое главное,— ту знаменитую фотографию (Боря держал ее при себе как охранную грамоту). Увидев на фото Борю Хухрева в обнимку с мэром города, прочитав на обороте, что мэр сильно уважает Борю, полицейский-бронешашка изменился в лице. Он передал фотографию обратно в руки Бори, глубоко вздохнул, и крякнул.

— Что же вы, гражданин Хухрев, м-м-м, Борис...

Он смотрел в паспорт Бори Хухрева, этот паспорт он в начале беседы забрал у Бори.

— Что же вы, Борис Петрович, не поставили нас в известность. Мы уважаем, да, уважаем все, что касается и нашей власти, и творчества, и полетов в космос, и вообще... Возьмите, пожалуйста, ваш паспорт. И вообще. Ваше творчество заслуживает всеобщего уважения. Полностью согласен с мнением нашего уважаемого мэра. Вы ведь...

Он огляделся. Увидев на стене репродукцию «Девятый вал» Айвазовского, сказал:

— Вы ведь пишете замечательные картины. Вы замечательный художник. Вам, как личности творческой, богемной, ничто человеческое не чуждо, и даже, наоборот, очень нужно. Богемные личности, они ведь на особом положении, им выход требуется в иные, так сказать, измерения. Так что пойте на здоровье. Сколько вам влезет, столько и пейте, тьфу, пойте.

— Извините, я поэт, и еще музыкант.

— Да-да, вот я и хотел сказать, еще вы и поэт, и музыкант, это ведь просто непредсказуемо богемно, это за пределами богемно, ну, как бы это выразиться, ну, убийственно, словом... Это заслуживает самого пристального одобрения, да. Разрешите вас покинуть. И... И пожать вашу руку.

Он потряс руку Боре Хухреву. Заглянул в его глаза, сказал, понизив голос:

— Меня зовут Костя. Фамилия Кровопивин. Простите, допустил слова тут всякие. Это бывает, сами понимаете, служба у нас нервная, ответственная, за охрану порядка жизнью рискуем. У вас ведь нет видеокамеры, да? Вы не записывали наш разговор?

— Нет. А зачем?

— Ну, мало ли. Люди разные в нашем государстве, на видео записывают, а потом в соцсети, и последствия получаются. Но вы не в обиде, правда? Все нормально, да? И поете вы хорошо. Может, и для меня споете?

— Конечно. Спою. Я не в обиде. Сейчас, гитару. Вот она. Ага. Вот, слушайте.

И Боря спел песню. Он пел, конечно, про свою несчастную любовь к Жанне Болтаевой.

Перед уходом полицейский Костя Кровопивин позвал с лестницы напарника и попросил сфотографировать его, Костю, рядом с Борей Хухревым.

— Чтоб память на всю жизнь!

В дверях, прощаясь, Костя Кровопивин попросил у Бори Хухрева номер сотового «на всякий случай».

— Можно воспользоваться, Борис Петрович, вашими связями, если вдруг чего такого понадобится? Уважите, да? Откликнетесь? Имею в виду ваше влияние там, ну, понимаете, да?

Костя Кровопивин под впечатлением случившихся событий пришел в разговорчивое настроение. Он никак не мог уйти и, топчась на лестничной площадке, продолжал говорить:

— А поете вы сногшибательно, прошибает, ей-бо, я весь натурально околпачен. Ну, до встречи, дорогой, рад, рад был такому значительному знакомству. Я вам скину сегодня же свои данные, ФИО, биографию, аккаунт. Обменяемся, да? Ну, еще раз, дорогой, до встречи, так рад, так рад, нет слов. Наше вам почтение.

Костя Кровопивин пятился, улыбался, прикладывал руку к груди, один раз остутился и чуть не упал.

Он был счастлив. Он думал о новых жизненных горизонтах.

А Боря Хухрев был несчастлив. Он сел, написал новую песню про несчастную любовь к Жанне Болтаевой и стал с надрывом, изо всех сил, петь, и бить всеми пальцами по гитарным струнам. Струны пищали, и слезы бежали по его щекам:

*Зачем ты, Жанна, так далека, зачем ты так красива,
Не знает покоя моя душа, и жизнь все проходит мимо...*

Владимир Герасимов
(г. Тюмень)

ВСЕ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ ДОСТОЙНЫ

Наш постоянный автор.

Не спится и не ложится сегодня старому солдату Михаилу Хлебникову. С утра вот накатило что-то, тревожно-холодно стало на душе, беспокойство вдруг поселилось в ней.

Кроме душевного дискомфорта, появилась и боль. Разом стали беспокоить мелкие осколки, что прижились в теле солдата с давних военных лет. Не стали их тогда извлекать сразу после ранения, так и «осели» они в неподходящих, сильно уязвимых местах. Врачи в госпитале опасались, что их удаление могло вызвать обильное кровотечение, а крови он тогда и так изрядно потерял. Одним словом, оставили осколки до лучших времен. Так и жил, трудился и ходил по земле Хлебников с этим «драгоценным» металлом отгремевшей войны. Часть осколков все же «вышли» сами, болезненно, но покинули тело, отторг их набирающий силу крепкий молодой организм. Война стала потихоньку не то чтобы забываться, ее не забудешь никогда. А вот те события стали как-то размываться в памяти Хлебникова, отодвигаться на задний план, да и сама память уже не так кровоточила. А вот вчера война вновь напомнила о себе.

Часов около десяти старик вышел за ограду, чтобы посидеть на лавочке. По обыкновению в это время он ждал соседей, дружков-товарищей. Они любили собираться по утрам «у Митрича». Специально для таких мужичьих сборов Хлебников давно сделал две скамьи. Друзья рассаживались чинно, неспешно сворачивали самокрутки, или крепкие сигареты, смачно дымили. Вполголоса рассуждали о жизни, говорили о болячках, о местных и мировых проблемах. Часто предавались воспоминаниям, охотно возвращали себя в довоенное время, в те времена, когда они были молоды. Говорили, конечно, и о войне. Вспоминали, где и как воевали. С грустью, как-то по особому, вспоминали друзей-земляков, что остались где-то там далеко на полях сражений, на чужбине постылой, всегда говорили и о тех, кто ушел уже здесь.

Не успел Хлебников достать кисет с табаком и бумагой, как напротив него остановилась «сельсоветская» машина, за рулем которой был сам председатель Александр Петрович Зуев. Оставив машину на обочине, тот, улыбаясь и не торопясь, шел к Хлебникову.

— Доброе утро, Митрич! — крепко, по-мужски поздоровался председатель со стариком. Зуев был свой, всю жизнь прожил в родном селе. Он долго работал в школе, преподавал историю и географию. Вот уже несколько лет сельчане избирают его председателем Совета. Он всегда и для всех был простым и доступным. И сельчане, и Хлебников его сильно уважают. К тому же, он был сыном его лучшего друга Петра, тоже фронтовика и когда-то часто мальцом сживал на коленях у Михаила. Поэтому и отношения у них были простыми и теплыми.

— Здорово, старый солдат,— душевно, по-свойски еще раз поприветствовал председатель старика.

— Как дела ветеранские? Как здоровье? Как металл вражеский, не сильно беспокоит?

— Об чем разговор, Петрович! — весело ответил Хлебников. — Они вить тоже устают лежать на одном боку-то. Вот и ворочаются, стало быть, чтобы, понимаешь, пролежней не было.

— Вот тогда и мне весело, впору хоть польку-бабочку наяривай! Бабке спать не даю.

— Да что тебе рассказывать. Прекрасно знаешь, как с ними живется. Батя то твой тоже из Восточной Пруссии начиненный прибыл.

— Как, кстати, дружок поживает? Неделю уже не кажет глаз к приятелю старому.

— Да ты знаешь, Митрич, вроде и ничего. Вы ведь теперь как погода непредсказуемы.

— Вчера вот возил в райцентр в больницу, на ноги стал жаловаться, сахар полез, будь он неладен.

— Вообще сам все расскажет. Завтра собираются с соседом Плотниковым к тебе. Так что готовься. Что-то все о списках говорят.

— Я пока не вникаю. Придет время, думаю, меня не обойдете. Придете, расскажите.

— Дак я маленько в курсе, Петрович. Мы после мая нонешнего и заговорили об этом.

— Ты посмотри, дело-то какое. Когда памятник в парке нашем поставили, помнишь?

— Не морщи лоб, значить не помнишь. А я тебе скажу. Накануне 9 мая 1965 года, аккурат к 20-летию Победы.

— Знамо дело, в спешке тогда все делали, поспеть к юбилею старались. Оно и понятно, да и установка с самых верхов была.

— А памятник все одно сурьезный возвели. Крепко встал солдат в парке. Как в войну стояли на фронтах твердо, так и на родине малой встали по всей стране тогда солдаты. От Балтики и до океана Тихого, да и по миру гордо встал наш советский солдат.

— Сам знаешь, председатель, на памятнике нашем прописаны золотом земляки, что отдали жизни свои за Отечество. Да вот заковыка, не все прописаны. Многих там нет.

— А ведь семьдесят лет после войны уже прошло. Чья-то судьба до сих пор неизвестна. А кого-то и власти не дали в те списки золотом внести тогда.

— Время, сам понимаешь, какое было. А сейчас по-другому на это все смотрят. Все должны быть там, в списках и в памяти людской достойно стоять. И те, кто плен прошел и кто без вести сгинул где - то в топях болот. Все, кто не скурвился и с честью вынес все и жизнь отдал.

— Все мы должны быть в одном строю. И солдаты, и труженики тыла. Все, кто ковал победу. Вот тогда порядок будет. Справедливо, по-божески будет, все ведь под небом ходим.

Хлебников ненадолго замолчал, стал торопливо что-то искать в карманах пиджака, потом махнул рукой и снова продолжил:

— Вот возьмем, к примеру, Пелагею Воронцову. Скольких она, баба бедовая, проводила тогда на войну эту проклятушу?

— Правильно. Пять мужиков ушло тогда со двора ее. Пять кормильцев и надежда матери.

— Вначале муж, Архип Пантелеевич, потом четыре сына-соколика.

— А сколько их на памятнике значится? А там прописаны из родовой Воронцовых сам Архип, да Петро, что средний. А где остальные ребята — воины славные.

— Сгинули где-то на дорогах войны, пропали без вести. И вроде как нет им уже уважения, нет им памяти доброй на родной земле.

— Да и сама Пелагея Матвеевна до последнего на полях да фермах колготилась, пользу приносила. Ведь орден высокий за труд получила.

— Разве не обидно. Ох и обидно женщине-страдалице, да и всей родове их.

— Вот так-то, уважаемый, дорогой наш председатель,— несколько эмоционально закончил свой продолжительный монолог Хлебников и торопливо стал снова искать что-то в карманах.

— Погодь, Петрович! Тут недавно в журнале стихи прочитал, вокурат на эту тему, так задело правдой своей, вырезал и сохранил специально. Вот думал друзьям прочитать, да так народу показать.

Он наконец нашел этот листок и протянул Зуеву. Стихотворение с первых строк завладело председателем:

*Давно отгремела кроваво война,
Те страшные дни слезою скатились.
Но плачет еще по погибшим страна,
Домой сыновья не все возвратились.*

*Но смерти страшнее — на многих табу,
На них подозрительно власти смотрели,
За то, что живыми остались в аду
И в лагерных топках тогда не сгорели.*

*За то, что собаки их рвали тела,
За то, что поля удобряли их неплотом,
За то, что в плену с исчадием зла,
Боролись и там исчезали бесследно.*

*Потом, как «с проказой», нельзя было в строй,
Обида и злость зубами скрипели.
Их судьбы и так раздавило войной,
И здесь страшной смерти вериги висели.*

*И нет кое-где их славных имен,
На памятных стелах и обелисках.
И только вопросы седеющих жен,
И только отчаяние внуков и близких.*

*А в чем виноват тогда был солдат?
Что раненый сильно в плену оказался,
В беспомощности был и не видел закат,
И то, что бежать из плена пытался.*

*Они святой памяти тоже достойны,
И пусть им поклонится низко страна,—
И души солдат этих будут спокойны,
Они чашу горя испили до дна.*

Прочитав стихотворение, председатель некоторое время молчал. Потом каким-то надорванным голосом произнес:

— Правдиво, жизненно написано. Прав поэт, должны всем мы поклониться, всех вспомнить, чтобы никто не ушел в забвение.

— И ты правильно говоришь, Митрич! Все правильно. Давайте, уточняйте, и ко мне. Военкомат, органы подключим, архив. Сверимся, уточним все вместе.

— Надо к весне следующего года пополнить списки, и на День Победы собрать отовсюду всех родственников погибших и пропавших без вести, чьих имен не было на памятнике.

— Вот это верно, председатель, по справедливости будет,— горячо и торопливо заговорил старый солдат.

— Да, Митрич, память штука серьезная и всем все возвращает по заслугам,— тихо, в раздумьях проговорил Зуев и принялся прикуривать. Какое-то время помолчали.

— А я ведь к тебе, Михаил Дмитриевич, специально, с официальным визитом, так скажем, подъехал. И вопрос касается как раз памяти, о чем мы с тобой сейчас говорили.

— Приятную я тебе весть принес, солдат. Вчера позвонили из райвоенкомата и администрации и известили нас о том, что из Москвы пришли несколько наград, не врученных нашим землякам по разным причинам в те горячие военные дни.

— В том числе пришла и твоя награда. Оказывается, ты тогда был награжден орденом Славы.

— Я не стал уточнять детали, за что награжден и какой степени. Велено через два дня доставить тебя в здравии и при полном параде в районную администрацию. Туда придут высокие чины из области.

— Вот такой перуэт, Митрич! Я сердечно тебя поздравляю, солдат.— И он крепко, по-сыновьи, прижал к себе поднявшегося со скамьи Михаила Дмитриевича.

Хлебников некоторое время молчал. Снова сел на скамейку. Слегка дрожащими руками стал сворачивать самокрутку. У него плохо это получалось и он смял бумагу, сунул ее в карман.

знаком попросил у Зуева закурить. Тот подал ему сигарету и поднес зажигалку. Хлебников прикурил, сделал несколько затяжек.

— Вона, значить, как! Награда, говоришь. Награда — это хорошо, это к стати.

— Живому то, понимаешь, их получать сподручней и приятней. Как там все сейчас пишут-то: — Награда нашла героя!

— Хорошо, что нашла. Скоро ведь юбилей затеял встречать — 90 стукнет. А Слава — это хорошо! Наша солдатская, высокая награда. Дюже уважали ее в войну.

Он снова замолчал, докуривая сигарету. Потом сказал:

— Как ты, Санька, траву эту куришь? Наверно, химия одна. Ты, брат, лучше брось, коли организм не принимает серьезное курево.

— Я и сам бы бросил, но врачиха в областном госпитале, к стати, тоже из наших — фронтовичка и нещадно курит, посоветовала этого не делать. Раз я с войны травлюсь, организм, вишь, не перенесет этого и следовательно мне никаких перспектив не светит.

— Видишь, он не перенесет. Подумашь, принц! — шутя закончил Хлебников и опять замолчал.

— А Слава эта за Польшу скорее всего, за языка сурьезного, что мы там взяли в конце сорок четвертого,— тихо снова заговорил Митрич.

— Взять то мы его взяли, но и сами попали уже у передовой в заварушку. Двое погибли, а меня начинило тогда осколками по полной.

— Так что ребята через передовую тащили не только языка, но и меня, как куль с добром.

— А потом-то, знамо, по госпиталям провалялся. Тут и наши в Берлине о победе громко возвестили, так отсалютовали, весь мир от счастья плакал.

— Про ту операцию я и забыл тогда совсем, хотя понимал, что награда какая — то должна была быть.

— А если честно, не до наград тогда было, хотя грех обижаться, у меня их уже с десяток на груди красовалось. У всех радости было через край. Война закончилась. Живой остался. Домой, на родину, в Сибирь.

И Хлебников снова знаком попросил у Зуева закурить. Видно, что старик волновался.

— Я ведь, Саша, тогда домой-то не сразу возвратился,— тихо стал продолжать старик.

— После полного выздоровления, как опытного разведчика, меня направили в особый отдел. Потом были закрытые зоны и работа с военнопленными немцами на восстановлении режимных объектов в Белоруссии, в Украине, в Прибалтике.

— Домой я вернулся только в конце сорок девятого, аккурат перед Новым годом. Вот так-то, земляк мой дорогой.

И Хлебников замолчал опять ненадолго. Потом тихо спросил:

— А ты, кстати, знаешь историю, как мы с твоим отцом на фронт-то попали?

— Ведь годами то мы никак на начало войны не подходили. Не брали нас, да и работы в колхозе было по за глаза. Мужики то работающие все в вагонах на запад далекий заспешили, супостата воевать. Вся работенка свалилась на баб, да пацанов с девчонками, таких, как мы с твоим отцом.

— А на фронт шибко хотелось. Да что там говорить, все годки, да и помлаже нас, рвались туда. А мы с твоим батькой схитрились...

— На лето в сельсовет пришла работать за мать девчонка-соседка Манька Кузнецова, она тогда как раз перешла в последний класс. Красиво и грамотно писала, вот ее председатель вместо матери и засадил за канцелярию. А мать — то на полевые работы вместе со всеми наладили. Вот Маняша по неопытности, с наших слов, накинула нам тогда по году и выдала свежие справки для военкомата. Так фактически в семнадцать лет весной сорок третьего мы и ушли с твоим отцом, Петром Никаноровичем, на фронт. Время было горячее, наши во всю жали фашиста по всем фронтам. Свежие силы требовались везде, кто там будет разбираться. А мы — парни деревенские, видные, здоровые. С радостью нас приняли на краткосрочное обучение в резервный полк. А потом и фронт...

— Вот так-то, председатель.

На том разговор и закончили. Договорились, что о деталях поездки председатель сообщит еще дополнительно. Попрощавшись с председателем, Хлебников заспешил домой. Давно уже подошло время и таблеток, и чая. И его Любовь Андреевна поджидает хозяина к столу.

* * *

Непростой была судьба и у его Любашки. Познакомились они здесь, в этом сибирском селе. Когда Хлебников вернулся домой после долгого отсутствия, по-соседству у тетки Груни Потаповой уже месяц как квартировала очаровательная девушка. Любашка приехала по направлению из области на местный молокозавод лаборантом после курсов. Мать Хлебникова только и говорила о новой лаборантке, только и наваливала ее. И на новогоднем вечере в сельском клубе Хлебников решил брать штурмом эту симпатичную соседку. Ей тоже уже приглянулся кудрявый воин-сосед. А тут оказалось, что Хлебников и гармонист, а какой плясун. Словом, долго не хорогодились. Расписались в сельсовете, собрали небольшой вечер. И все. И стали жить, как все тогда жили, трудно, но весело.

Любашка тоже была сибирячкой, правда, из далекого сибирского села в Иркутской области. В августе сорок восьмого года она вместе с группой ребят и девчат из родной области уехала по направлению учиться в ФЗО в далекий Ленинград, чтобы потом работать на стройках, восстанавливать разрушенный войной и блокадой город-герой.

Но, проучившись полгода, она дальше не могла находиться в Ленинграде. Перенесенная в годы войны болезнь легких серьезно обострилась в сыром и промозглом климате. Девушка постоянно болела, кашель просто разрывал легкие. Врач, что наблюдал и лечил Любашку, посоветовал срочно сменить климат, вернуться домой в Сибирь. Он же и помог ей это осуществить. И несмотря на то, что в то время вопрос перемещения трудоспособного населения решался непросто, со справкой врачебной комиссии она получила перевод. Правда, в родную Иркутскую область ей тогда так и не удалось вернуться. Она получила направление в Омск.

— Ну и пусть будет Омск,— решила Любашка,— все ближе к дому и климат свой сибирский.

В Омске ее направили на курсы в школу мастеров маслоделия для обучения на лаборанта молочного производства. А потом она попала в это большое сибирское село на окраине области, где была и работа, и где она нашла свою судьбу.

* * *

Скрипя крыльцом и половицами в сенях, Хлебников степенно вошел в свой небольшой, но по-простому ухоженный пятистенок. Раньше, когда все при нем жили, тесновато было. Выросли дети, разлетелись, а им с женой и этого теперь вполне достаточно, и гостей летом есть где разместить.

Его Любовь Андреевна сидела за столом. На нем красовался петухом расписным чудный электрический самовар, подаренный детьми родителям на какой-то юбилей. Жена, подперев по обыкновению рукой голову, смотрела в окно и слушала песню, что лилась из приемника на стене.

— Доброго здоровья, баушка,— весело приветствовал жену Хлебников,— как спалось-ночевалось?

— Да виделись, однако, уже. А ты что, как кочет молодой, перья — то распушил. Опять, поди, соседке, фершалу-молодухе, дрова помогал в поленницу класть, а она плеснула тебе медицинского для ран душевных. Смотри, старый, доходишь по помочам, с претензиями придут,— так же весело, в тон мужу, ответила Андреевна.

— И что такой солнечный с утра, батюшка. Али в лотерею выиграл, али письмо от внуков получил?

— А что мне, подруга, не веселиться. Живой покуда. Солнышко вон пригреват, на огородах все растет, природа радует, ты вот рядом. Дети, внуки, слава Богу, живы-здоровы, все при деле.

— А весело — радостно мне от того, что весть хорошу привез сейчас председатель наш Санька Зуев, крестничек дорогой. И надо же, аккуратно к юбилею. Теперь точно не буду спешить в дорогу скорбную.

— Да говори ты толком, порадуй и меня весточкой доброй. Что заладил, как пономарь, одно и то же,— стала уже было сердиться Любовь Андреевна.

— Охолонь, старая, все по порядку. Готовь костюм мне парадный, да так, чтоб ордена-медали блестели, как вот самовар твой. Через пару дней повезут меня в администрацию районну, где меня ждет-дожидается награда серьезная — орден Славы, наш солдатский орден. С самой Москвы, вишь, с оказией прислали.

— Да, да, мать! Оказывается, еще с войны награда, а сейчас вот нашла меня. Хорошо, что застала.— И Хлебников подсел к столу и замолчал.

— Вона как! Вот это новость. Да ты, батюшка Михаил Дмитриевич, и взаправду герой. И так вся грудь в орденах и медалях, не стыдно с тобой по селу пройтись в праздники. А тут еще и Слава.

— Как ребяташки то наши с внучатами возрадуются за отца и деда своего. И пусть гордятся. Ты кровью на войне заслужил это уважение. И после работал до конца, куда ни пошлют.

Она не торопясь подошла к мужу, прижала его седую давно голову и тихо сказала:

— Я рада за тебя, старый. Спасибо тебе, дорогой мой солдат. Мы все гордимся тобой и шибко любим тебя, отец! — И она нежно поцеловала Хлебникова в шрам на правой стороне головы, что остался после операции по удалению осколков из черепа еще с войны.

Они долго молчали, и было видно, что каждый старается справиться с волнением и воспоминаниями, что вдруг подступили к их сердцам и памяти.

